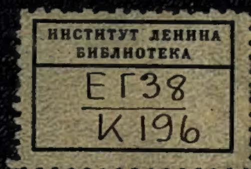
Каутский

КАК ВОЗНИКЛА МИРОВАЯ ВОЙНА

КАРЛ КАУТСКИЙ

КАК ВОЗНИКЛА МИРОВАЯ ВОЙНА

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
М. Н. ПОКРОВСКОГО

„КРАСНАЯ НОВЬ"
МОСКВА 1924

В. САЙЧУК

КАРЛ КАУТСКИЙ

КАК ВОЗНИКЛА МИРОВАЯ ВОЙНА

ПО ДОКУМЕНТАМ ГЕРМАНСКОГО МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

под редакц. С. ШЕРЕРА
с предисловием
и вступительной статьей
М. ПОКРОВСКОГО.

Издательство „КРАСНАЯ НОВЬ"
Г. П. П. △ МОСКВА △ 1924

Отпечатано в 5-й типо-литографии «Мосполиграф», Мыльников пер., дом 14 в количестве 15.000 экз. Главлит № 24610. Москва.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ.

Перевод выпускаемой теперь по-русски работы Каутского предпринят, главным образом, для того, чтобы дать русскому читателю в сжатом виде сущность германских документов по возникновению войны 1914 года, опубликованных в 4 томах в 1919 г. *). К сожалению, у нас нет столь же полного русского собрания,—хотя по частям в России напечатано уже очень много материала по данному вопросу. Нижеследующее введение построено, главным образом, на этом последнем материале, представляющем, по мнению издателей настоящей книжки, весьма существенное дополнение к тому обвинительному акту против Вильгельма II и его правительства, который составил Карл Каутский в 1919 году, несколько поздно вспомнив обязанность каждого социалиста обличать империализм, прежде всего, в своей собственной стране. Но без соответствующей германской дипломатической переписки изображение получилось бы несколько однобокое,—могло бы показаться, что на Германию в 1914 году, действительно, «напали», как и уверяло в свое время, следуя обычному трафарету, германское правительство.

Книжка Каутского служит неопровержимым свидетельством, что «нападать» много было охотников не только в «Петрограде», Париже и Лондоне, но и в Берлине, а еще больше в Вене. Всюду были военные партии, весьма влиятельные (тем более влиятельные, что официальный глава правительства всюду, кроме Франции, носил военный мундир,—а ряса иногда делает монаха, вопреки поговорке), готовившие войну давно и бросившие на весы тяжелую гирю в критический момент. К сожалению, Каутский не заинтересовался борьбой между «военными» и «мирными» течениями в германских официальных кругах,—констатирование течений последнего порядка только усложнило бы его за-

*) „Die deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch. Vollständige Sammlung der v. Karl Kautsky zusammengestellten amtlichen Aktenstücke etc". Charlottenburg, 1919.

дачу, как прокурора,—и она лишь просвечивает, более или менее случайно, в его изложении (см. особенно главу 16-ю: «Мобилизации»). А не занявшись этим вопросом, Каутский проглядел весьма существенный момент всей трагедии: роковое значение дня 28-го июля, когда в Берлине поняли, что Англия непременно будет участвовать в войне на стороне Франции и России, что война означает для Германии не веселую военную прогулку в Париж, а блокаду, голод и гибель германского торгового флота. «Миролюбие Бетмана-Гольвега *) выросло не на пустом месте. Но выросло слишком поздно, чтобы можно было предупредить катастрофу.

Это нежелание анализировать тоже не случайно у Каутского: начав с анализа соотношения сил в германском правительстве, пришлось бы перейти к анализу об'ективных условий, вызвавших войну, вообще. Его книга недаром начинается с сердитого выпада против «якобы глубокой марксистской философии», пытающейся за лицами разглядеть классы. Этого анализа следовало во что бы то ни стало избегать, ибо он привел бы нас к словечку «империализм», которого Каутский тоже очень не любит. Так как, раз вы признали, что положение вещей в Германии к 1914 году покрывается этим «словечком», неизбежно вставал вопрос: «а что же делала германская социал-демократия пред лицом данного об'ективного положения?» Гораздо удобнее было изобличать отдельные лица, которые «обманывали» и «скрывали».

Но так как шило в мешке не утаишь, то Каутскому приходится, в конце-концов, признать банкротство своей партии. Из последней главы («Мировая война и германский народ») мы узнаем, что Германия—официальная, императорская Германия— была с 1914 года худшим врагом «европейской демократии» (!), нежели даже царская Россия. Была таковым независимо от всяческих дипломатических обманов, в силу об'ективного характера своей политики.

Как же это такую Германию социал-демократы поддерживали против—относительно безобидной, по словам Каутского— России? И нисколько, конечно, не устраивает дела убогое об'яснение германского империализма, в главе 2-й («Изоляция Германии»), личным влиянием Бюлова и адмирала Тирпица. Расширяя

*) Тогдашний германский канцлер.

круг обвиняемых, оно ни в малой мере не дает ответа на вопрос: какие же об'ективные тенденции отражала политика этих зловредных деятелей? Видела или не видела германская социал-демократия с Каутским во главе эти об'ективные тенденции? Что она предпринимала для того, чтобы спасти германский рабочий класс от угрожавшей ему катастрофы?

Скажем прямо: эти отзвуки былого марксизма только портят книгу. Без них можно было бы легко позабыть, что пред нами произведение человека, когда-то учившего нас всех историческому материализму. Был бы просто недурно составленный «обвинительный акт», позволяющий довольно детально проследить внешнюю связь событий. И ради этого стоило бы перевести книжку. «Марксистские» же рассуждения можно было бы без ущерба для дела выкинуть. Если мы этого не делаем, то с исключительной целью показать читателю не только германских «виновников войны», но и виновников поражений германского рабочего класса.

Печатаемая сейчас же следом за этим предисловием «Вступительная статья» имеет ближайшей задачей наметить для читателя ту общую раму событий лета 1914 года, без которой их подробности мало понятны и даже—для необиженных персонально Вильгельмом людей—не очень интересны. В очень большой своей части она воспроизводит статью, напечатанную в последней книжке «Пролетарской революции», посвященной войне. Прибавлена только пара страниц, иллюстрирующих метод Каутского и выясняющих, на примере русской мобилизации, насколько можно доверяться *фактической* стороне составленного им «обвинительного акта».

М. П.

Как же возникла мировая война?

Вступительная статья М. Покровского.

1-го августа нынешнего года исполняется десять лет с того дня, когда началась война, которую иные называют «великой», другие «мировой», третьи, проще и точнее—«империалистской».

Великой она была, без сомнения, в том смысле, в каком иногда говорят о «великой чуме» XIV столетия. Бо́льшего военного бедствия не видел мир. Ни одна война из той эпохи, когда уже существовала статистика и мы более или менее точно знаем число погибших, не идет даже в отдаленное сравнение. Крымская война 1853—1856 годов, где участвовало пять стран, в том числе три крупнейших тогдашнего мира, унесла не много более 600 тысяч человеческих жизней; франко-прусская 1870 г., перевернувшая равновесие сил континентальной Европы—всего 166 тысяч; бойня 1914—1918 г.г. обошлась в десять миллионов жизней. Сравнительно с этим какая-нибудь австро-прусская война 1866 года, с двадцатью пятью тысячами убитых у обеих сторон, почти не заслуживает упоминания в летописях взаимного истребления человечества,—а еще тридцать лет назад Берта Зуттнер выбрала именно ее темой для своего пацифистского романа «Долой оружие!» «Нашла ужасы!», с горькой усмешкой мог бы сказать теперешний читатель, если бы теперь кто-нибудь читал Берту Зуттнер.

И мировой война была в гораздо более широком смысле, чем какая-бы то ни было из ее предшественниц. Не в том дело, что дрались во всем мире: это бывало всегда с тех пор, как история вступила в «океанский» период развития, и в боях участвовали крупные морские державы. Уже в Семилетнюю войну, середины XVIII века, сражались и в Индийском океане, и в Балтийском море, на берегах реки св. Лаврентия и на берегах Одера, на Антильских островах и на острове Джерзее. Но все эти далекие друг от друга места политически были лишь об'ектами войны. Ее суб'ектом была небольшая группа старых европейских наций—англичане, французы, пруссаки, австрийцы, русские. В войне 1914—1918 г.г. политически

участвовали самые экзотические страны: Австралия, Южная Африка, Япония и Китай. Никогда более выпукло не выступало на политической сцене мировое хозяйство. Никогда не было более яркой иллюстрации тому, как далеко мы ушли от времен, изображаемых в гетевском «Фаусте», когда мирные обыватели немецкого городка могли благодушно болтать вечерком о том, что, вот, где-то там в Турции «дерутся». Где бы ни начали драться, до нас дойдет, будьте уверены.

И этот мировой характер войны больше всего подчеркивал ее империалистский смысл. Фактически, пред 1914 годом уже не было национальных капитализмов—французского, английского или германского: был мировой капитализм, отдельные группировки которого спекулировали на национальных чувствах мелкой буржуазии различных стран. В России этого периода железо было на 55% в руках французов, на 22% в руках немцев и на 10% в руках франко-германских об'единений. В каменном угле эти последние об'единения были заинтересованы на 10,5%—в то время, как «чистые» французы имели 74,3%, а «чистые» немцы 10,1%. Англичане особенно любили, как известно, русскую нефть, но «национально» владели ею лишь менее, чем на $^1/_5$ (18,5%): почти половину (44,5% они держали в братском союзе с французами. Юридической же оболочкой для всего этого иностранного держания русских благ были отечественные российские банки, которым принадлежали акции соответствующих предприятий,—тогда как акции самих банков были в портфелях заграничных капиталистов. В руках банков было 85,8% всей русской металлургии, 76,9% каменноугольных копей и 86% нефтяных предприятий *). Только текстильная промышленность России пред войной сохраняла еще свой старый, индивидуалистический характер. Все остальное было уже об'единено финансовым капиталом, хотя форменные тресты только начинали лишь образовываться. Отчасти это об'яснялось устаревшей политической оболочкой—попытка образовать большой трест в 1908 году натолкнулась на административные препятствия. Но гегемония банков означала по существу то же самое,—она была совсем не новым в России явлением: уже в конце 1890-х годов промышленные ценности в портфелях

---

*) Цифровые данные заимствованы из неизданной пока работы тов. Ванага (из Института Красной Профессуры).

некоторых русских банков составляли более 50% (торгово-промышленный банк), и даже до 70% (частный коммерческий банк в 1896 г.). «Таким образом», заключал исследователь, книжка которого вышла в 1902 г., ранее даже японской войны, «помимо обыкновенного кредита, оказывавшегося банками вновь возникавшим промышленным предприятиям под тем или иным обеспечением, банки являлись непосредственными участниками, а иногда и основателями этих предприятий, в качестве собственников значительного числа их акций. Одни банки покровительствовали одним промышленным предприятиям, другие—другим» *).

Из этого переплета капиталов некоторые пацифисты, мыслившие образами старых «национальных» войн, сделали заключение о невозможности, в начале XX в., международных войн вообще. Они упустили из виду, что отдельные группы капиталистов, отдельные «концерны», преобладающие в том или другом государстве, могут пустить в ход «последнее средство» этого государства, пушки, для достижения целей, не имеющих ничего общего с национальными—но тем более рьяно накачивая в головы мелкого буржуа «патриотический» дурман через свою прессу. Переплет капиталов должен был только придать последней войне более гнусно-лицемерный характер, чем имела когда-либо какая-либо другая. Нельзя заставить людей итти на смерть из-за «Лионского Кредита» или «Немецкого Банка»: нужно было внушить им, что «Лионский Кредит»—это Франция, а «Немецкий Банк»—это Германия, а для этого прежде всего крепко зажать рот всякому порядочному человеку, который мог бы крикнуть одураченным: «позвольте, это вовсе не отечество, это—биржа!» Вот отчего неизбежным вступительным аккордом к об'явлению войны любой из участвовавших в ней сторон было провозглашение *осадного положения*. Простаков уверяли, что во время войны всегда так делается,—и никакая военная цензура не позволила бы напомнить, что в 1870 году, когда $^1/_3$ французских департаментов была занята неприятельскими войсками, осадное положение существовало только в тех частях страны, где фактически происходили военные действия, и за двести километров от фронта действовали законы мирного времени.

---

*) Б. Брандт. «Торгово-промышленный кризис в Западной Европе и в России (1900—1901)». Ч. I, стр. 52—53.

Империалистский характер войны и господство финансового капитала в царской России делали участие в войне этой последней фактом, само собою разумеющимся. Этому нисколько не противоречит то, что непосредственно война была связана с интересами русского торгового капитала, давшего ей и лозунг: «ключи от собственного дома!» Эта последняя война царской России достойным образом заканчивала «историческую миссию» дома Романовых, начавших с борьбы за такие же «ключи» на севере, с борьбы за господство на Балтийском море. Война за «проливы» была точно такой же борьбой за торговые пути, и крайне нетрудно найти статистическое обоснование для начала этой последней борьбы в 1914 году. Если мы возьмем размеры русского хлебного вывоза и размеры русского активного баланса в последнее пятилетие пред войной, мы получим две чрезвычайно выразительных колонны цифр:

Года.	Хлебный вывоз. Милл. руб.	Торговый баланс в пользу России. Милл. руб.
1909	760,7	581
1910	847,1	431
1911	821,2	491
1912	548,5	391
1913	647,8	200

Вывоз 1912 года составлял только 64,7% вывоза рекордного, 1910 года, а баланс 1913 года всего 34,4% рекордного баланса 1909 года. При чем три последние года давали прогрессию падения прямо катастрофическую—от 20% почти до 50% в год. Это была такая дыра в кармане, что ее не могли не заметить в те же годы люди, весьма далекие не только от теоретической, но и от прикладной экономии. В известном, неоднократно цитировавшемся, разговоре с английским послом Бьюкененом, в апреле 1914 года, Николай сказал ему, что если Турция опять закроет проливы, он, Николай, «прибегнет к силе», чтобы очистить дорогу русскому хлебу. Ибо в основе всей вышеприведенной статистики лежал тот факт, что, благодаря ряду войн, начавшихся с 1911 года (Итало-Турецкая, Балканская, Турецко-Греческая и т. д.), знаменитые «проливы», Босфор и Дарданеллы, большую часть времени были закрыты для плавания. Что озна-

чало это для русского хлебного вывоза, не трудно понять, если вспомнить, что этот вывоз, в трехлетие 1906—1908 гг., например, на 89% шел через порты Черного моря. В 1911 году вывоз через Дарданеллы составлял более $^1/_3$ всего, не только хлебного русского вывоза (568 миллионов р. из 1.591 милл. р.). Убытки от закрытия Дарданелл русское министерство финансов исчисляло в 30 милл. р. в месяц. «Свобода морского торгового пути из Черного моря в Средиземное и обратно является... необходимым условием правильной экономической жизни России и дальнейшего развития ее благосостояния»,—говорит секретная записка министерства иностранных дел о захвате проливов, составленная осенью 1914 г. Читай—«благосостояния российского торгового капитала».

С гегемонией банков это великолепно увязывается, поскольку мы знаем, что банки принимали деятельное участие в спекуляциях с хлебом. И, тем не менее, как ни наглядно кажется это об'яснение, здесь мы имеем только наиболее близкий, реальный повод войны (о формальных поводах мы будем говорить ниже). Причины же лежат глубже.

Прежде всего, та же секретная записка министерства иностранных дел в своей аргументации оперирует вовсе не одним вывозом, а и гораздо более общими соображениями. «Значение для России морского торгового пути через проливы в будущем несомненно во много раз увеличится»,—говорит ее автор (известный Н. А. Базили—один из со-авторов отречения Николая). «Экономическое развитие нашего юга происходит особенно скоро и успешно. Можно ожидать, что, благодаря обилию железа и угля и близости моря, наши южные губернии превратятся в богатый промышленный район. Это не сможет не вызвать роста черноморской торговли. Такое же влияние окажет и развитие путей сообщения и эксплоатации богатств экономического Hinterland'а Черного моря и в частности Персии».

Таким образом, и в официальной постановке речь шла отнюдь не только о транзите,—в перспективе стояли и рынок для металлургии русского юга, и эксплоатация черноморского Hinterland'а — читай: Малой Азии. Тут кстати вспомнить, что, ведь, и Николай I в свое время лег костьми не ради русского хлебного вывоза, в его время шедшего, главным образом, через Балтику (еще в 1870 годах этим путем шло 54% всего русского хлебного вывоза): «пролагая вооруженною рукой пути тор-

говле русской на Востоке», он хлопотал больше о русской мануфактуре, которой становилось тесно на прокрустовом ложе русского крепостного хозяйства. Нужно было или освободить русского мужика, или удвоить его турецким... Первого Николай боялся больше, чем внешней войны, и только, когда опыт показал обратное, его сын пошел на расширение внутреннего рынка.

Империализм Николая I был, главным образом, «ситцевый». Не следует думать, что к XX веку этот мотив—интересы русской мануфактуры—совершенно исчез из обращения. Если мы возьмем вывоз бумажных тканей из России по азиатской границе, мы получим для 1909 г. 21,5 милл. р., а для 1913 г.—уже 40,8 милл. р.: за четыре года увеличение почти вдвое. Но в ряду реальных поводов к войне 1914 г. этому моменту приходится отвести совсем второстепенное место. Уже в 1870-х гг. русский империализм (для конца века приходится говорить об империализме в весьма точном, отнюдь не переносном смысле, не в виде метафоры, как для времен Николая I) приобрел ту твердую металлическую базу, которая всякому империализму свойственна. Уже война 1877—78 гг. была в известной степени попыткой выбросить за границы России железнодорожное строительство, возможности которого внутри «империи» нетерпеливым грюндерам казались исчерпанными. Об этом неопровержимо свидетельствует болгарская политика Александра III, железнодорожный смысл которой так бьет в глаза, что его не могли не заметить совершенно не причастные к марксизму русские генералы и болгарские «предприемачи» 1880-х гг. *). Но если для Болгарии этого времени «главная суть дела заключалась в разрешении железнодорожного вопроса», по свидетельству генерала Соболева, то не трудно догадаться, что и к сути русско-турецкой войны 1877—78 гг. дело это было весьма близко. А насколько вообще был близок и при Александре III вопрос о «проливах» к основной оси русской внешней политики, показывают, с одной стороны, постройка при этом царе чрезвычайно сильного, по тем временам, черноморского флота и сформирование в одесском округе специального «высадочного» корпуса, который предназначен был к тому, чтобы, под при-

---

*) См. статью пишущего эти строки в сборнике «Дипломатия и войны царской России в XIX столетии», изд. «Красная Новь», 1924 г., стр. 345 и след.

крытием этого флота, захватить Константинополь; с другой— русско-германский договор 1887 года, приложенный к которому «дополнительный и весьма секретный протокол» гласит (ст. 2-я): «В случае, если бы его величество император российский оказался вынужденным принять на себя защиту входа в Черное море в целях ограждения интересов России, Германия обязуется соблюдать благожелательный нейтралитет и оказывать моральную и дипломатическую поддержку тем мерам, к каким его величество найдет необходимым прибегнуть для сохранения ключа своей империи» *).

«Меры», как теперь известно, решился было принять наследник Александра III, очень скоро после своего воцарения. О проекте захвата Босфора 1896—97 гг. мы знаем и из записок Витте, и из секретных документов русского министерства иностранных дел, недавно опубликованных **). Не знаем только, что стало поперек дороги осуществлению этого проекта: конечно, не его стратегическая нелепость, ибо он, во-первых, не только «обсуждался», но был почти доведен до осуществления, а, во-вторых, он возникал периодически и в последующее время, в 1908 и, в последний раз, зимою 1913—14 годов, при чем неосуществимость его военными специалистами все время сознавалась как нельзя более отчетливо ***).

Во всяком случае вопрос даже о Константинополе приходится далеко расширить за пределы влияния русского хлебного вывоза и торгового баланса в 1912—13 гг. Это был большой вопрос русского империализма, зревший по мере того, как зрел последний,—и практически подведший к возможности европейской войны уже весною 1912 года, за два года до разговора Николая II с Бьюкененом о проливах. Мы имеем в виду тот сербско-болгарский договор февраля 1912 г., от близкого знакомства с которым так тщательно—и так комично иногда—старается откреститься Пуанкаре в своей последней книжке ****). Стараясь отвести от себя ответственность за появление на свет этого «орудия войны»,—как метко окрестил вождь французских

---

*) «Красный Архив», т. I, стр. 150—151.

**) «Воспоминания»—Витте, ч. I, стр. 80 и сл., русск. изд. «Красный Архив», там же, стр. 152 и сл.

***) См. «Воспоминания»—Сухомлинова, нем. издание, стр. 240.

****) «Происхождение мировой войны», стр. 120 и сл. по русскому переводу.

империалистов этот документ при первом на него взгляде,— Пуанкаре, в сущности, достаточно детально выясняет смысл этого эпизода с точки зрения мировой политики, и за деталями мы отсылаем читателя к его книжке, легко всем доступной. Напомним лишь, что речь в нем шла, фактически, ни более, ни менее, как о разделе Европейской Турции—операция, куда почище пресловутой «аннексии» Боснии и Герцоговины Австро-Венгрией в 1908 году, а и из-за той едва не вспыхнула война. В каком стиле был составлен этот «мирный» трактат, покажет маленькая выдержка из секретной телеграммы управлявшего тогда министерством иностранных дел Нератова, относившейся еще к первой редакции договора, осенью 1911 г. «Вся редакция «Соглашения», особенно же статья 4-я, основана на идее военных действий и насильственных захватов, между тем, как та же мысль могла бы быть изложена в форме определения культурных сфер влияния, что не казалось бы прямо направленным против Турции и вполне покрывалось бы формулой сохранения status quo» (Пуанкаре очень остроумно замечает, что status quo упоминается в трактате исключительно на предмет его нарушения...). Указания начальства были приняты во внимание, и договору была придана «культурная» форма,—но вытравить из него военный дух оказалось выше сил человеческих: в самом конце процесса, уже в феврале 1912 г., мы встречаем телеграмму Неклюдова (русского посланника в Софии), передающую просьбу болгар уговорить сербов «подписать соглашение на основании границ Романовского». Романовский — это тогдашний русский военный агент в Софии: за невозможностью привести к соглашению единокровные славянские нации, от имени которых договор составляли, Турцию делил русский генеральный штаб...

Эта маленькая черточка показывает, насколько непричастна была к этому делу Россия,—министр иностранных дел которой, Сазонов, якобы, до мая месяца «совершенно не был осведомлен о сербско-болгарском договоре». (Так, подлинно, стоит у Пуанкаре, стр 121 русск. перев.). Дело с русской невинностью, впрочем, настолько ясно, что серьезно выгораживать своего русского коллегу Пуанкаре и не пробует. Но он совершенно серьезно выгораживает себя и уверяет, что он-то, Пуанкаре, до самого сентября 1912 г. ровнешенько ничего не знал об «орудии войны»,— а когда узнал, то пришел в ужас, но было слишком поздно. Для того, чтобы быть справедливым ко всем участвующим сторо-

нам, необходимо привести еще одну телеграмму из той же серии. Еще в ноябре 1911 г. русский посланник в Белграде Гартвиг телеграфировал Нератову, со слов сербских министров, сопровождавших короля Петра в Париж: «Франция в полном единомыслии с Россией готова всячески содействовать осуществлению национальных задач Сербии. В Париже, по словам министра (сербского), относятся весьма скептически к Балканской федерации, но глубоко сочувствуют сербо-болгарскому союзу, видя в нем серьезный оплот против германо-австрийского натиска». Правда, министром иностранных дел Франции в это время формально был еще де-Сельв: но кто же будет настолько наивен, чтобы поверить, что Пуанкаре не было известно то, что было известно де-Сельву, Делькассе, Бареру и «другим государственным деятелям» Франции, о которых упоминает Гартвиг?

Но оставим второстепенный вопрос о политическом жульничестве и о том, кому в нем принадлежит пальма первенства, Пуанкаре или Сазонову. Для нас важно установить одно: что царская Россия уже в 1911—12 гг. готовила раздел Европейской Турции, что— это мог бы не понять только новорожденный младенец—имело 95% вероятия привести к европейской войне. Вопрос, как видим, расширяется и за пределы Константинополя. В европейской войне нужно было иметь европейских союзников. На этих союзников нельзя было повлиять рассуждениями о вывозе русского хлеба через Дарданеллы. У них должны были быть какие-то более общие мотивы.

Тут многое приоткрыли уже цитированные однажды выше воспоминания Сухомлинова. Очень лживые в том, что касается личной роли и личной ответственности бывшего лидера русской военной партии, они безусловно заслуживают доверия во всем, что он говорит против этой партии,—ибо уж кого-кого, а Сухомлинова заподозривать в желании здесь сгустить краски не приходится. Если он сам признается, значит тут, самое меньшее, 50% истины. И когда мы у него читаем: «Раздавить Германию было лозунгом, который определял всю деятельность наших (русской и французской) армий; но момент для разрешения этой военной задачи определяли не солдаты, а дипломаты»,—этому можно поверить. А Сухомлинов резюмирует так свой рассказ о его совместной работе с генер. Жоффром—пред войной, как известно, начальником главного штаба французской армии.

И тут же в воспоминаниях Сухомлинова приводится ряд документов, великолепно устанавливающих связь между этой дружной работой французского и русского генеральных штабов и, боимся, едва ли не позабытым читателем финансовым капиталом. Документы эти — происходившая летом 1913 года, за год до начала войны, переписка между Коковцевым, Сазоновым, Нератовым и и другими руководителями русских финансов и русской внешней политики по поводу займов России на парижской бирже. *) Открывается эта серия письмом Коковцева к Сазонову по поводу предложения де-Вернейля, председателя комиссии парижских биржевых маклеров, гарантировать России ежегодный выпуск в Париже обязательств на сумму от 400 до 500 миллионов франков (золотых, разумеется — бумажных еще не было тогда...), под двумя условиями:

1) что Россия немедленно примется за постройку стратегических железных дорог, признанных необходимыми на совещании французского и русского генеральных штабов;

2) что мирный состав русской армии будет значительно увеличен.

Едва ли во всей предвоенной литературе есть что-нибудь выразительнее этого непосредственного и официального участия парижской биржи в реализации не каких-нибудь «промышленных ценностей», а решений военных специалистов по стратегическому вопросу. Прекрасно зная «план Шлиффена», по которому работал германский штаб, и который заключался в том, что **первый** удар в случае войны наносился Франции, оставляя для России **вторую** очередь, в расчете на медленность русской мобилизации и концентрации, Жоффр и его коллеги настаивали на максимальном ускорении этих последних процессов. Русская армия должна была успеть схватить за шиворот немцев раньше, чем французы будут разбиты. Для ускорения мобилизации служило усиление мирного состава, позволявшее русской армии выступить в поле, в крайнем случае даже и не дожидаясь окончания мобилизации: так именно, мы знаем, и случилось в августе 1914 г. А ускорить концентрацию этих сил на Висле должны были новые железные дороги. Как видим, события августа 1914 г., одновременность сражения на Марне и русского наступления в Восточной Пруссии, были отлично

*) Suchomlinow. «Erinnerungen», Berlin 1924, стр. 244 и сл.

предусмотрены за год до этого. Только, так как железных дорог построить не успели (война намечалась первоначально не раньше 1915г.), концентрация совершилась с некоторыми недочетами, стоившими России в конечном счете более 100.000 человек,—но главное, спасение французской армии от разгрома, было достигнуто...

Совершенно ясно, что парижская биржа (одной из главных фигур ее в это время был австриец Розенберг) действовала из соображений не только патриотических, что по меньшей мере ее патриотизм имел некоторое материальное основание. Это основание вскрывается особенно отчетливо именно теперь, когда мы имеем, и политически, и экономически, законченные процессы, имеем, с одной стороны, рурскую экспедицию Пуанкаре, с другой—кривую развития французской металлургии за двадцать слишком лет. Теперь, когда мы знаем, что Франция имела 2,7 миллиона тонн чугуна в 1900 году, 4 миллиона тонн в 1910 и имеет 11 миллионов тонн сейчас *), металлургическая база французского империализма становится совершенно очевидной. Совершенно ясно, кому и зачем были нужны и саррский уголь, и лотарингская руда,—а в конечном счете и рурский бассейн А если мы вспомним, как нежно любили парижские банки русскую металлургию (55% русского железа было фактически во французских руках), дело станет еще очевиднее. Начиналась борьба, не на жизнь, а на смерть, между двумя могучими металлургическими концернами—борьба, продолжающаяся, при ином соотношении сил, и на наших глазах. Столицей одного концерна был Берлин, другого—Париж. Первый под конец персонифицировался окончательно, и имя этому воплощению было Стиннес; второй продолжает оставаться анонимным, довольствуясь частичным полувоплощением, лишь в политической плоскости: имя этому полувоплощению—Пуанкаре.

Что последний, при таких условиях, должен был немедленно же по вступлении в должность французского министра иностранных дел заинтересоваться русскими восточными делами **), это разумелось само собою: там же был тот лакомый кусок, которым вернее всего можно было выманить русского медведя из его берлоги. Если бы в основе войны, с русской стороны,

*) В новых границах,—в старых 5,3 милл. тонн.

**) См. статью пишущего эти строки «Кто такой Пуанкаре», перепечатанную при русском переводе цитированной выше книги Пуанкаре—«Происхождение мировой войны».

был только «реальный повод», статистически выражавшийся в цифрах русского хлебного вывоза и торгового баланса, Россия оставалась бы столь же одинокой, как и в 1878 году. Если ее «верная союзница» оказалась верною безо всяких кавычек, то это потому, что, благодаря переплету банковских капиталов, Россия уже входила в цепь мировых империалистических сил, к 1912 году сгруппировавшихся окончательно в два лагеря— английский и германский.

По вопросу о роли Англии в подготовке войны мне приходилось писать не раз *). К тому, что я писал пять лет назад, много нового прибавлять не приходится, а повторяться не хочется, ограничусь поэтому напоминанием главного и основного. Как мне представляется, непосредственно промышленное соперничество Англии и Германии не играло тут главной роли. Мировой рынок в этом отношении был достаточно емок, вывоз всех трех соперничавших империалистических колоссов мог рости довольно быстро, и Англия в этой конкуренции была не на последнем месте (с 1904 по 1910 г. английский вывоз возрос на 75%, германский — на 86%, американский — на 62%). Крутое и непримиримое соперничество начиналось в области мирового транспорта: этой монополии Англия никому не могла уступить, ибо, лишившись ее, она переставала быть «Великой Британией, владычицей морей», переставала быть Англией. Между тем, тут угроза была явная и очевидная. Если мы возьмем за 100 число английских пароходов в 1870 году, число их в 1908 году выразится цифрою 365; если мы возьмем за 100 их вместимость (число тонн 1870 года), для 1908 года мы получии 910: число пароходов увеличилось слишком втрое, их вместимость менее, чем в 10 раз. А если мы произведем такое же сравнение для Германии, мы получим:

	Пароходы	Тоннаж
1871	100	100
1909	1328	2808

Число германских пароходов за такой же промежуток времени увеличилось в тринадцать раз, а их тоннаж в 28 раз.

*) В статьях: «Виновники войны», в сборнике «Внешняя политика» М. 1919, и «К вопросу о виновниках войны» в еженедельнике «Правды», февраль и март 1919 г.

Еще явственнее будет нам видно, как Германия догоняла «владычицу морей», если мы возьмем пароходы новейшего типа, суда гиганты, вместимостью более 12.000 тон каждое. Во всем мире их было в 1910 году 80: из них 42 принадлежали Англии, 22 Германии и 16 всем остальным странам, вместе взятым. И в то время, как германские сверх-гиганты по 40 тысяч тонн, «Vaterland» и «Imperator», благополучно плавали (под другими именами и под другим флагом плавают и до сих пор), английский пароход этого типа, «Titanic», пошел ко дну при первом же рейсе.

При свете этих цифр нам становятся понятны речи, которые Сазонов услыхал в Бальморале, приехав туда в сентябре 1912 г., когда Грей, не колеблясь, заявил, что «если бы наступили предусматриваемые (Сазоновым) обстоятельства (т.-е. вспыхнула русско-германская война. М. П.), Англия употребила бы все усилия, чтобы нанести самый чувствительный удар германскому морскому могуществу», а Георг V еще более энергически заявил, что англичане намерены пускать ко дну всякое германское т о р г о в о е судно, которое они встретят на своем пути. («We shall sink: every single German merchant ship we shall get hold of»). Если будущее Германии «лежало на воде», то настоящее Англии было там же—и тут уже для двоих места никак найти было нельзя.

Дополнительным «реальным поводом», приблизительно такой же силы, как для России хлебный вывоз через Дарданеллы, был для Англии вопрос о Б а г д а д с к о й   ж е л е з н о й   д о р о г е *). Всякий, кто протягивал руку к Египту и Индии, обнаруживал опасную тенденцию вынуть из английского кармана побольше тех 30 милл. р. в месяц, что вынимали из русского кармана запертые Дарданеллы: одна Индия давала англичанам столько же, сколько стоил весь ежегодный русский хлебный вывоз. Но это был все же не более, чем «реальный повод» крупного, но все же местного значения, а мировую войну могли развязать лишь причины значения мирового. Такой и было соперничество Англии и Германии в области океанского, мирового транспорта.

Если мы к этой причине присоединим столкновение двух металлургических концернов и дарданельский вопрос для России,

---

*) См. «Внешняя политика», стр. 182 и сл.

мы получим три конфликта, которые могли быть разрешены только силой: ни Германия не уступила бы добром, без драки, саррского бассейна и Лотарингии, ни Турция — Дарданелл; не говоря уже о том, что германский флот добровольно не пошел бы на дно морское. Между тем весь ход войны показал, какое значение для Англии имел этот последний конфликт: как ни грандиозны были английские операции на суше, они все, по существу, были дополнением к обороне или нападению на море; на западном театре английская армия защищала подступы к Па-де-Кале, на восточном она пыталась взять Дарданеллы, даже, когда война превратилась в интервенцию, англичане не сошли с проторенной колеи, наложив руку на выходы Советской России к океану, на Мурман и Архангельск. И заострился весь англо-германский поединок в подводную блокаду, в которой немцы под конец стали видеть главное средство достигнуть победы.

Чтобы развязать войну, было больше причин, чем нужно,— вот почему спрашивать о «виновнике» в буквальном смысле этого слова, останавливать главное внимание на формальных поводах к войне, как это делали все, о ее возникновении писавшие, включая и Каутского—дело, в значительной степени, праздное. При таком соотношении сил, какое сложилось к лету 1914 года (фактически уже к осени 1912), не тот, так другой формальный повод должен был найтись. Но раз вопрос о «виновнике» поднят, об этом пишутся книги, этому посвящаются целые журналы (Die Kriegsschuldfrage), под этим лозунгом подвергаются травле целые страны и народы,—если не научных, то житейских оснований достаточно, чтобы отвести и этому сюжету долю внимания. Кстати же мы и тут имеем кое-какие штрихи, рисующие быт и нравы империализма.

Изыскания Каутского и прочих открывателей «виновника» берут за исходную точку убийство сербскими националистами эрцгерцога Франца-Фердинанда 28 июня 1914 г. Между этой датой и 1-м августа того же года стараются они открыть «причины войны». И так как для этого промежутка времени воинственные настроения не только Австрии, но и Германии вне всяких сомнений, то установление «виновника» дается Каутскому с самым блестящим успехом. В самом деле, разве мы не имеем депеши Чиршкого *) из Вены от 10-го июля (за две недели до

*) Посол Германии в Вене.

ультиматума), где черным по белому написано: «Если бы сербы приняли все выставленные требования, это был бы исход, который ему (графу Бертольду, австрийскому министру иностранных дел) «очень несимпатичен», и он (Бертольд) еще обдумывает, какие бы требования можно было поставить, чтобы их принять было для Сербии совершенно невозможно». Получивший эту депешу своего венского представителя, Вильгельм подчеркивает набранные разрядкою строки и на полях подает добрый совет насчет «совершенно неприемлемых условий»: «Очистить Санджак! Вот ссора и готова».

Итак, уже 10-го июля и для Вены и для Берлина дело шло только о том, чтобы создать формальный повод для войны с Сербией. Четыре дня спустя граф Бертольд кончил «обдумывать». Депеша Чиршкого от 14-го июля с торжеством сообщает: «Нота (адресованная Сербии) так составлена, что принятие ее совершенно исключено». Слово «исключено» подчеркнуто Вильгельмом дважды. Как же не виновник и не соучастник?

Опубликованные Каутским и его сотрудниками документы не оставляют сомнения, что в этот промежуток времени, 28-го июня—1-го августа, у Вильгельма была одна забота: избежать войны с Англией. Войну Австрии с Сербией он провоцировал, на войну с Россией—и Францией—из-за Сербии он шел с совершенно открытыми глазами. Правда, у него была тень надежды, что Николай II «постыдится» выступить на защиту «цареубийц», но он жил не этой тенью, а уверенностью, что со своими сухопутными противниками германо-австрийский союз справится легко и быстро. Поджилки у него дрогнули в первый раз, когда ему стало ясно, что Англия не останется на нейтральной позиции: этот поворот отмечен телеграммой Бетмана-Гольвега *) Лихновскому **) от 28 июля, письмом Вильгельма к своему министру иностранных дел от того же числа и, наконец, в виде заключительного аккорда, бешеными замечаниями Вильгельма на депеше Лихновского от 29-го. Тут уже неприемлемость австрийского ультиматума перестает быть его достоинством, напротив, Вильгельм радуется, что Сербия все-таки его приняла, что «для войны нет больше никакого основания»—и это вовсе не так плохо, как ему казалось двумя неделями

*) Тогдашний герм. канцлер.

**) Герм. посол в Лондоне.

раньше, ибо теперь война означала гибель германского торгового флота и всех связанных с ним надежд.

Так будет, доколе мы, уподобляясь загипнотизированной курице, не могущей отвести нос от проведенной на полу мелом черты, не сможем оторваться от роковой даты 28 июня 1914 г. Но если мы решимся сбросить с себя этот гипноз и заглянуть только на месяц-другой ранее (не больше!), то мы найдем ряд фактов, которые посрамят Вильгельма с его коварными намерениями насчет Сербии, ибо покажут, насколько германский хищник был мельче и ниже полетом своих соперников. Его мечтания в начале июля не шли дальше аннексии Сербии, хотя бы путем войны с Россией и Францией, и он в ужасе отпрянывал от идеи мировой войны с участием Англии: а его соперники готовили уже именно мировую войну, с широтою целей и энергией средств поистине беспримерной.

Первый из этих майских документов относится к переговорам России и Англии о заключении морской конвенции,—переговорам, существование которых так энергично отрицал сэр Эд. Грей перед германским послом. Частично он был уже опубликован, целиком же, кажется, нет,—а он не длинен и стоит того. Приводим его в точной копии.

«13 мая у начальника морского генерального штаба состоялось совещание для обмена мыслей касательно предстоящих переговоров о заключении соглашения между Россией и Англией о согласованных операциях их морских сил в случае совместных военных действий России и Англии при участии Франции. На этом совещании присутствовали: начальник морского генерального штаба вице-адмирал Русин, товарищ министра иностранных дел гофмейстер Нератов, помощник начальника морского генерального штаба капитан I ранга Ненюков, директор канцелярии министерства иностранных дел в должности гофмейстера Д.С.С. барон Шиллинг, военно-морской агент в Англии флигель-ад'ютант капитан I ранга Волков и вице-директор канцелярии министерства иностранных дел в звании камергера коллежский советник Базили.

Отметив прежде всего всю желательность заключения такого соглашения, как со специально военно-морской точки зрения, так и в особенности с общеполитической, совещание, по всестороннем обсуждении вопроса, пришло к нижеследующим заключениям:

Прежде всего признано было, что морское соглашение наше с Англией должно, подобно Франко-Русской морской конвенции, иметь в виду согласованные, но раздельные действия наших и английских морских сил.

В отношении стратегических целей, выдвигаемых с нашей точки зрения в случае войны держав тройственного согласия с державами тройственного союза, надлежит различать, с одной стороны, морские операции в районе Балтийского и Немецкого морей, с другой—борьбу морских сил в Средиземном море. В том и другом из этих районов мы должны стремиться получить от Англии компенсацию за отвлечение на нас части германских морских сил. На северном театре войны наши интересы требуют, чтобы Англия удержала возможно большую часть германского флота в Немецком море. Это компенсировало бы подавляющее превосходство германского флота над нашим и, быть может, позволило бы, в благоприятном случае, предпринять десантную операцию в Померании. Если бы оказалось возможным приступить к этой операции, осуществление ее представило бы значительные трудности вследствие слабого развития наших транспортных средств в Балтийском море. Английское правительство могло бы оказать нам в этом деле существенную услугу, согласившись до открытия военных действий перевести в наши балтийские порты такое количество торговых судов, которое восполнило бы недостаток наших транспортных средств. Морское положение в Средиземном море также весьма существенно затрагивает наши интересы, так как в случае господства в этом море австро-итальянских сил возможны наступательные операции австрийского флота в Черном море, что явилось бы для нас опасным ударом. Поэтому с нашей точки зрения представляется весьма важным установление прочного перевеса сил Тройственного Согласия над австро-итальянским флотом в Средиземном море. В виду существующего превосходства австро-итальянских морских сил над французскими, желательно, чтобы оставлением необходимого количества судов в Средиземном море Англия обеспечила господство в этом море сил тройственного согласия, по крайней мере, пока развитие нашего собственного флота не позволит нам взять эту задачу на себя. Было бы также желательно получить согласие Англии на то, чтобы наши суда могли пользоваться в качестве базы английскими портами в восточной части Средиземного моря, подобно тому, как Франция, в силу

морской конвенции, представила нам право базироваться на ее порты в западной части этого моря. Если бы в связи с положением в Средиземном море зашла речь о проливах, то надлежало бы, не касаясь политического вопроса о Босфоре и Дарданеллах, предусмотреть лишь временные военные меры в проливах, как одну из возможных стратегических операций наших в случае войны.

Помимо вышеизложенного совещание признало желательным, чтобы предположенным морским соглашением нашим с Англией установлен был во всех подробностях порядок сношений между нашими и английскими морскими силами. Для этой цели необходимо будет согласиться о выработке системы общих сигналов и специальных шифров, об организации обмена радиотелеграммами и о способах сношений между морскими генеральными штабами России и Англии.

Необходимо, кроме того, договориться о том, чтобы наше и английское морские ведомства обменивались сведениями как о флотах третьих держав, так и собственных флотах и в частности техническими данными о применяемых в морском деле приборах и изобретениях.

По мнению совещания, надлежало бы также установить по образцу Франко-Русской морской конвенции периодический обмен мнений между начальниками нашего и английского морских генеральных штабов для осуждения вопросов, интересующих морские ведомства обоих государств и проверки совместно намеченных мероприятий.

Переходя от содержания предположенного соглашения к порядку его заключения, совещание признало вполне соответственным предложение Английского правительства, чтобы оно выработано было нашим военно-морским агентом в Англии и английским морским ведомством при участии французского военно-морского агента в Лондоне и затем представлено было на одобрение правительств. В виду тесной связи, существующей между выработанным английским и французским генеральными штабами планом совместных действий и возможной кооперации нашей с английским флотом, необходимо, чтобы, как повидимому и предполагается, нам был сообщен текст Англо-Французского морского соглашения.

В заключение совещание высказало убеждение в необходимости, чтобы наш морской агент в Лондоне держал в курсе

всего хода переговоров императорского посла в Лондоне, который, в свою очередь, окажет ему зависящее содействие».

Мы видим, до чего наивен был император Вильгельм, в июле рассчитывавший еще на английский нейтралитет, фактически агонизировавший уже в мае: переговоры морских штабов велись на основании принципиального соглашения, состоявшегося еще в апреле *). В особенности, конечно, драгоценно это желание русского морского штаба получить дессантные средства для высадки в Померании «до начала военных действий»: не сумасшедший мог так рассуждать лишь в том случае, если военные действия собирался начать он—если это начало предоставлялось инициативе противника, говорить об этом начале, как об определенном моменте, было бы смешно. Кто-ж их, немцев, знает, когда они начнут? Совершенно ясно, что, когда Сухомлинов с Жоффром мирно беседовали о разгроме Германии—предоставляя дипломатам лишь установление момента этой операции—они говорили не на ветер.

Другой «майский» документ еще более заслуживал бы воспроизведения целиком, но, к сожалению, у меня под руками сейчас только выдержки. Это—депеша Палеолога **) к Делькассе ***), заключающая в себе отчет о беседе «с влиятельным членом русского государственного совета», по поводу предстоящей судьбы Австро-Венгрии на случай смерти императора Франца-Иосифа.

«Прежде всего, заявил «член государственного совета», мы должны будем присоединить Галицию. Наш военный министр, генерал Сухомлинов, мне на днях доказывал, что обладание Галицией необходимо для безопасности нашей западной границы. И потом—это глубоко русская страна».

Дальнейшее содержание депеши Палеолога посвящено доказательству этого последнего утверждения его собеседника. И география, и этнография, и история, и даже религия, все, по мнению Палеолога, доказывает, что Галиция «глубоко русская страна». Между прочим, Палеолог тут выбалтывает, что «православная пропаганда» в Галиции «поддерживается панславистскими комитетами» в Москве и в Киеве,—т.-е. носит чисто политический и притом агрессивный (наступательный) со стороны России ха-

*) См. «К вопросу о виновниках войны» в «Еженедельнике Правды».

**) Франц. посол в Питере.

***) Франц. министр иностр. дел.

рактер. Теперь-то, конечно, никто в этом не сомневается, но в то время русское правительсто тщательно скрывало, что его заботы о православии в Галичине имеют целью подготовить захват этой страны царской Россией.

Некоторые исторические и географические недоразумения, содержащиеся в этой части депеши, нисколько не мешают тому, что здесь Палеолог по-просту передает пожелания своего собеседника, который, в свою очередь, говорил «конфиденциально» от имени русского правительства. Конец депеши, где Палеолог прямо говорит о «притязаниях нашей союзницы», не оставляет на этот счет сомнений: «влиятельный член государственного совета» высказывал не только свое личное мнение. Смерть же императора Франца-Иосифа была припутана, ни к селу, ни к городу, просто затем, чтобы дать империалистским вожделениям России хоть какой-нибудь предлог. Надо было с чего-нибудь начать разговор, притом не испугав чересчур французов перспективой вот-вот готовой надвинуться войны. Из других документов мы знаем, что президент Пуанкаре и то считал русских чересчур торопливыми: так вот «влиятельный член» и успокаивал—это, мол, не сейчас, ужотка, когда Франц-Иосиф помрет. А ему еще бог, может, два—три годочка жизни пошлет (австрийскому императору было тогда под 80).

Итак, весною 1914 года, за три месяца до начала войны, Россия готовилась к разделу Австро-Венгрии и уговаривалась об этом со своей союзницей Францией.

Но смерти Франца-Иосифа, как и кораблей для десанта в Померанию, было дожидаться долго. А руки чесались, и питаться далекими мечтаниями было все больше невмоготу. И вот, пока морской штаб договаривался с англичанами, сухопутный решил действовать.

Летом прошлого года вышла брошюра сербского профессора Станоевича—мало обратившая внимания на себя у нас, но являющаяся самым крупным разоблачением из истории подготовки войны за последнее время. Вот что там можно было прочесть.

«После свидания кайзера Вильгельма II и австрийского кронпринца Фердинанда в Конопиште, полковник Д. Дмитриевич, начальник осведомительного отделения сербского генерального штаба—получил секретное сообщение от русского генерального

штаба о том, что русское правительство получило точные сведения о характере и цели свидания Вильгельма II и кронпринца Фердинанда, во время которого Германия одобрила план нападения Австро-Венгрии на Сербию и завоевания ее, а также обещала ей свою помощь и поддержку. Другие сведения, которые после этого получил полк. Д. Дмитриевич, подтвердили точность данных, полученных от русского генерального штаба. Среди же сербской публики по поводу решений, принятых на свидании двух монархов в Конопиште, были распространены фантастические и возбуждающие слухи, всеми овладела страшная нервозность, и воздух был наполнен электричеством.

Когда были назначены маневры австро-венгерских войск в Боснии и когда стало известно, что кронпринц Фердинанд намерен прибыть в Сараево,—полк. Д. Дмитриевич был уверен, что Австро-Венгрия желает совершить нападение на Сербию. После долгого размышления,—как он (полк. Дмитриевич) сам рассказывал об этом в апреле 1915 года, — он пришел к заключению, что нападение на Сербию и войну можно предупредить только убийством Фердинанда, которого все сербское общественное мнение в тот момент рассматривало, как самого большого врага Сербии и сербского народа и как главного инициатора всякого действия против них».

Немецкие исследователи вопроса о «виновнике» немедленно представили целый ворох доказательств, что на последнем свидании Франца Фердинанда с Вильгельмом в Конопиште говорилось только о Румынии—а вовсе не о Сербии. Современное событиям секретное сообщение русского посла в Вене (от 13-26 июня 1914 г.) подтверждает немецкую версию. Шебеко писал Сазонову:

«Во время свидания в Конопиште, которое посвящено было, повидимому, главным образом морским вопросам, там, оказывается, подвергся также обсуждению и Румынский, при чем со стороны императора Вильгельма были сделаны успокоительные заверения, основанные на воодушевляющих, будто бы, короля Карла чувствах глубокой преданности личности императора Франца Иосифа и главе дома Гогенцоллернов.

Более пессимистично отнесся император Вильгельм к будущему.

Исчезновение с политической арены короля Карла, по его мнению может сильно отозваться на направлении внешней

политики Румынии и повести к заключению союзов, на которые нынешний король никогда не согласится. В виду этого вопрос об укреплении Австро-Венгерской границы с Румынией должен быть решен в утвердительном смысле.

Слухи о возбуждении нами вопроса о проливах в связи с возрождением нашего флота тоже, повидимому, сильно беспокоят членов тройственного союза и служили также предметом обсуждения в Конопиште, при чем эрцгерцог Франц Фердинанд, по свидетельству присутствующих при свидании лиц, имел весьма продолжительные совещания с адмиралом Тирпицем, во время которых, как говорят, обсуждались не только настоящая судостроительная программа Австро-Венгрии, согласно которой к 1918 году монархия должна располагать 12-ю дредноутами, но и секретная программа, состоящая в изготовлении на заводах отдельных частей судов, могущих быть собранными, в случае надобности, весьма скоро. Посещение Кронштадта английской эскадрой и пребывание в Париже начальника нашего морского штаба послужили также предметом самого оживленного обсуждения со стороны здешних политических кругов.

Нет никакого сомнения, что Дмитриевич лгал, уверяя, будто убийство Фердинанда казалось ему единственным средством «предупредить войну»: даже не очень глупый маленький ребенок понял бы, что этим средством войну можно только вызвать. Но сербская военщина, чувствуя на своем плече могучую руку северной покровительницы, не боялась войны. А покровительница играла большую игру,— и не даром один из наиболее близких к месту действия игроков, неупоминаемый Станоевичем, но незримо парящий над всею этой картиной— Гартвиг*), не выдержал волнения и умер скоропостижно в тот самый день, когда в Белград пришло известие о сараевском выстреле.

Концепция Каутского оказывается не то, что не верной, а уж очень близорукой. Конечно, после сараевского убийства Вильгельм рвал и метал, и в лепешку готов был расшибить несчастную Сербию. Но уже тут сказалось, насколько его соперники ловчее его и шире размахом: инициатива с самого начала была в их руках. Германский империализм потерпел первое поражение за полтора месяца до начала войны.

---

*) Русский посланник в Сербии.

Итак, война непосредственно была спровоцирована русской военной партией. После того, как эта провокация совершилась, история политической подготовки войны была кончена,—но не была окончена подготовка «общественного мнения» к войне. Одурачивание масс только теперь и начиналось. В истории этого одурачивания видную роль играет эпизод с русской мобилизацией. Изучая «формальные поводы»,—как они сами по себе ни ничтожны,—этого эпизода обойти нельзя.

Тут мы получили за последние годы три первостепенные источника. Ранее всего появился первый том «Царской России во время войны» Палеолога—чрезвычайно подробный рассказ о том, что делалось в социальных верхах «Петрограда» за время войны, поскольку это было видно из французского посольства. Хотя и расположенный в форме поденных записей, рассказ Палеолога, на самом деле, как показывает ближайший анализ, обработан по различным материалам впоследствии, и потому содержит в себе не мало мелких неточностей. Но в крупном, опираясь на документы и, вероятно, нечто в роде коротенького дневника, изложение Палеолога не вызывает больших сомнений. Позднее вышли по-немецки воспоминания Сухомлинова*). Это еще больше «мемуары», чем книга Палеолога (вышедшая — мы говорим о I томе—в 1921 г.). Их апологетически-лживый тон, по отношению лично к автору, мною уже отмечен. Но тем ценнее те места, где Сухомлинов невольно «пробалтывается». Пытаясь рассказывать, как и Палеолог, день за днем (вероятно, тоже по современной записи), Сухомлинов тоже путается в подробностях, а иногда явно их скрывает. Вот почему ценнейшим дополнением к обеим версиям, онемечившегося главы русской военной партии и французского «друга России», представляет вполне современная, составленная следом за событиями, запись русского министерства иностранных дел, опубликованная в IV томе «Красного Архива». По существу, это дневник Сазонова, или материалы для его мемуаров, но им окончательно не обработанные: последнее и придает им исключительную ценность

Официальная, распространявшаяся книгами всех цветов и газетными к ним комментариями, версия была такова: Россия мобилизовалась лишь после того, как были исчерпаны все сред-

*) Помечены 1924 г.,—закончены, как видно из предисловия, уже в 1923 г.

ства мирного соглашения. Австрия напала на Сербию, Германия явно поддерживала Австрию и, по сообщению официальной газеты «Lokal Anzeiger», сама мобилизовалась; правда, сообщение было сейчас же официально опровергнуто—но слишком поздно: в Петербурге уже «нажали на кнопку». Это было в пятницу 31 июля. 1 августа Германия об'явила России войну.

Перечисленные нами источники, исходящие от самых близких к событиям и наиболее осведомленных лиц, дают такую картину. Немедленно по получении австрийского ультиматума Сербии Сазонов восклицает: «c'est la guerre européenne». (Это— европейская война). В три часа дня того же 24 июля, т. е. через несколько часов после получения в Петербурге известия об ультиматуме, происходит совет министров, на котором, по предложению министра иностранных дел, «была принципиально решена мобилизация 4-х военных округов, а также обоих флотов, Черноморского и Балтийского» *). После этого сколько угодно можно было толковать, что «наши военные приготовления направлены исключительно против Австро-Венгрии, и не могли быть истолкованы, как недружелюбные действия против Германии»—дело было ясно даже для младенцев, ибо в Балтийском море ни одного австрийского военного судна не было и быть не могло. После этого, вечером, Сазонов в самом вызывающем тоне («sur un ton trés vif») ведет беседу с германским послом,—и получает первое одергивание со стороны Палеолога, которому он под свежим впечатлением рассказал о своем разговоре с Пурталесом **): «не забывайте, что мое (французское) правительство есть правительство общественного мнения, и что оно может вам оказать существенную поддержку лишь при условии, что общественное мнение будет на его стороне. Наконец, подумайте и об общественном мнении Англии» ***). Сазонов одумался и пообещал всю ответственность свалить на Бертольда****).

Повидимому, однако, совет быть сдержанным Сазонов понял, как относящийся исключительно к германским и австрийским дипломатам. Так как на следующее утро, на совещании в Красном Селе под председательством Николая, он произнес ярко

*) «Красный Архив» т. IV. стр. 8. Курсив мой. М. П.

**) Герм. посол в Петербурге.

***) «La Russie des Tsars», p. 25.

****) Австр. мин. иностр. дел. Там же. 26.

агитационную речь, «сильно подействовавшую на наши солдатские чувства», по словам Сухомлинова *). Что этот последний ни гу-гу о происходившем накануне при его участии совете министров, очень, конечно, выразительно для оценки общей его правдивости,—но тем больше у него было оснований скрывать и воинственный характер совещания в Красном Селе: он, однако, ограничивается тем, что сваливает ответственность за воинственный тон на Николая Николаевича, будто бы, натаскавшего в соответственном духе Николая II за кулисами, пред совещанием.

Все это было в субботу. В воскресенье Сазонов имел беседу с австрийским послом и на этот раз вел себя прилично, получив за то комплимент от Палеолога. В ответ на комплимент, Сазонов пообещал впредь всегда быть паинькой: «до последнего мгновения я буду вести переговоры». **) Но в то же время, «между нами» задал Палеологу вопрос: неужели тот думает, что войны все-таки не будет? На что Палеолог успокоил его, что войны ни в каком случае не избежать. Дело не в войне, а в «общественном мнении», т. е. в одурачивании масс... На этот предмет Сазоновым было дано распоряжение по газетному ведомству: «ругайте, сколько хотите, Австрию,—но будьте сдержаны по отношению к Германии» ***).

Что Палеолог был прав относительно методов действия, очень скоро подтвердил аналогичный совет английского посла Бьюкенена. Весьма, видимо, довольный, что Россия «двинулась серьезно» («she is thorougly in earnest»), он в свою очередь приходил напоминать Сазонову о необходимости всячески избегать мер, могущих подать повод Германии изобразить дело так, что на нее напали: «надо предоставить германскому правительству всю ответственность и всю инициативу нападения. Английское общественное мнение допустит мысль об участии в войне только в том случае, если не будет сомнения, что нападающей стороной является Германия». Палеолог всячески поддерживал эти настояния. С Берлином и Веной дело кончено, говорил он Сазонову.

«Теперь вы должны подумать о Лондоне. Я вас умоляю не принимать никаких военных мер на германском фронте и

---

*) «Erinnerungen», 358.
**) ibid., p. 29.
***) ibid., 30.

быть очень осторожным даже на австрийском, пока Германия не открыла своих карт. Малейшее неблагоразумие с вашей стороны нам может стоить поддержки Англии». «Это и мое мнение» отвечал Сазонов: «но наш главный штаб торопится (s'impatiente), и мне очень трудно его сдерживать». *)

Глава этой последней организации, Сухомлинов, по его «Воспоминаниям», все это время жил безмятежной жизнью «текущих дел» и «ничего не знал». С Сазоновым даже не виделся... Из этого видно, что лгать надо тоже умеючи. Характерно, впрочем, что некоторая пауза между воскресеньем и средой имеется и в дневнике министерства иностранных дел. Повидимому, там эти дни были слишком заняты охаживанием Англии, с одной стороны, и Румынии (на которую очень рассчитывали)—с другой. Решительный день наступил в среду, 29-го. Нет сомнения, что в этот день война висела на волоске,—разумеется, лишь постольку, поскольку дело шло о «моменте». Накануне Николай получил от Вильгельма—уже начинавшего понимать английскую игру, как я уже указывал выше—телеграмму с предложением посредничества в переговорах с Австрией. Но он не согласовал своего выступления со своим представителем в Петербурге, и Пурталес в этот самый день сделал резкое представление Сазонову по поводу русской мобилизации. Когда Николай позвонил Сазонову о примирительном письме Вильгельма, Сазонов ухватился за представление Пурталеса, как за якорь спасения. Тут же кстати подоспело известие о бомбардировке Белграда австрийцами. На спешном совещании с Сухомлиновым и Янушкевичем «по всестороннем обсуждении положения оба министра и начальник генерального штаба пришли к заключению, что, в виду малого вероятия избежать войны с Германией, необходимо своевременно всячески подготовиться к таковой, а потому нельзя рисковать задержать общую мобилизацию впоследствии, путем выполнения ныне мобилизации частичной. Заключение совещания было тут же доложено по телефону государю императору, который из'явил согласие на отдачу соответствующих распоряжений. Известие об этом было встречено с восторгом тесным кругом лиц, которые были посвящены в дело. Тотчас были отправлены телеграммы в Париж и Лондон для предупреждения правительств о состоявшемся решении».

---

*) «Erinnerungen», pp. 32—34.

что общая мобилизация означает наверное войну, это знал всякий военный специалист. В 1894 г. ген. Обручев высказал это всеми словами. Никакая страна не может стерпеть, чтобы на ее границах стоял вооруженный до зубов соперник, и чтобы ему принадлежал выбор момента, когда напасть. Германия давно заявляла во всеуслышание, что лучшая оборона есть нападение («Die beste Deckung ist der Hieb»)—и в этом с ней были совершенно согласны ее будущие противники. «Оба начальника главного штаба об'являют с общего согласия»,—гласит протокол совещания французского и русского начальников штаба от августа 1913 г., «что слова оборонительная война не должны быть истолковываемы в смысле войны, которая ведется оборонительным образом. Они, напротив, подтверждают абсолютную необходимость для русской и французской армий предпринять решительное и, насколько возможно, единовременное наступление, согласно тексту 3 пункта Конвенции, который гласит, что силы обеих договаривающихся держав действуют со всей энергией и настойчивостью *).

Дело, казалось, было в шляпе. Но к вечеру околпаченный своими министрами Николай сообразил, что изо всех событий дня самым поздним, по возникновению, была телеграмма Вильгельма,—и что неловко на предложение посредничества отвечать всеобщей мобилизацией. Неловко, прежде всего, пред теми же французами и англичанами,—здесь последний Романов оказался тактичнее своих слуг. В 11 часов вечера «военный министр сообщил по телефону министру иностранных дел, что им получено высочайшее повеление об отмене общей мобилизации **). Тем временем и до Пурталеса дошло изменение берлинских настроений, и в 2 часа ночи он, «растроганный и взволнованный», ломился к Сазонову, умоляя дать какую-нибудь формулу для соглашения. Сазонов продиктовал ему нечто, содержавшее в себе фактический отказ Австрии от ультиматума. Было по крайней мере 90 шансов из 100, что этого ни в Берлине, ни в Вене не примут,—и таким путем можно было хоть выиграть время.

На утро вся компания снова пришла в движение. Сазонов, справедливо опасаясь, что после вчерашнего Николай его не примет, звонил по телефону Кривошеину, фактическому премье-

*) «Красный Архив», I, 21.
**) «Красный Архив», ibid. 22.

ру за крайней ветхостью номинального премьера, Горемыкина, прося его повлиять на Петергоф в нужном смысле. Но Николай и Кривошеина не принял. Тем временем Сазонов, Сухомлинов, невинный как агнец, и Янушкевич *) снова собрались у последнего. Было очевидно, что нужно спасать войну во что бы то ни стало, иначе момент мог быть упущен безвозвратно,—а когда-то придет другой? «Генерал-ад'ютант Сухомлинов и генерал Янушкевич вновь старались убедить по телефону государя вернуться ко вчерашнему решению и дозволить приступить к общей мобилизации. Его величество решительно отверг эту просьбу и, наконец, коротко об'явил, что прекращает разговор. Генерал Янушкевич, державший в эту минуту в руках телефонную трубку, успел лишь доложить, что министр иностранных дел находится тут же, в кабинете, и просит разрешения сказать государю несколько слов. Последовало некоторое молчание, после которого государь из'явил согласие выслушать министра. С. Д. Сазонов обратился к его величеству с просьбой о приеме в тот же день для неотложного доклада об общем политическом положении. Помолчав, государь спросил: «Вам все равно, если я приму вас одновременно с Татищевым в 3 часа, так как иначе у меня сегодня нет ни одной минуты свободного времени?» Министр благодарил государя и сказал, что прибудет в указанный час».

Из предосторожности решено было, значит, не разговаривать с Сазоновым без свидетелей. «Начальник штаба горячо умолял С. Д. Сазонова непременно убедить государя согласиться на общую мобилизацию в виду крайней опасности для нас оказаться неготовыми к войне с Германией, если бы обстоятельства потребовали от нас принятия решительных мер после того, как успех общей мобилизации был бы скомпрометирован предварительным производством частичной мобилизации. Генерал Янушкевич просил министра, чтобы, если ему удастся склонить государя, он тотчас бы об этом передал ему, Янушкевичу, по телефону из Петергофа для принятия немедленно надлежащих мер, так как необходимо будет прежде всего как можно скорее уже начатую частичную мобилизацию превратить во всеобщую и заменить разосланные уже приказания новыми. «После этого,—сказал Янушкевич,—я уйду, сломаю мой телефон и вообще

*) Начальник генерального штаба.

приму все меры, чтобы меня никоим образом нельзя было разыскать для преподания противоположных приказаний в смысле новой отмены общей мобилизации» *).

В Петергофе Сазонов, в присутствии Татищева, готовившегося ехать в Берлин разговаривать с Вильгельмом, «в течение почти целого часа доказывал, что война стала неизбежной, так как по всему видно, что Германия решила довести дело до столкновения, иначе она не отклоняла бы всех делаемых примирительных предложений (она сама их делала, и Татищев был живой иллюстрацией!!) и легко бы могла образумить свою союзницу». Мотив был, можно сказать, традиционный, так хорошо знакомый еще по анекдотам о Павле Петровиче: «ваше величество, немцы вас обманывают». После часа уламываний, Николай, сильно обозленный, как показывали вырывавшиеся у него выражения, но не уверенный, что Вильгельм его, действительно, не обманывает—кто же в этом кругу и в подобной обстановке мог бы питать такую уверенность?—взял назад отмену мобилизации. «С. Д. Сазонов испросил высочайшее соизволение немедленно передать об этом по телефону начальнику генерального штаба и, получив таковое, поспешил в нижний этаж дворца к телефону. Передав высочайшее повеление ожидавшему его с нетерпением генералу Янушкевичу, министр, ссылаясь на утренний разговор, прибавил: теперь вы можете сломать телефон».

Едва Сазонов вышел от Николая, у того опять начались колебания, и он телеграфировал Вильгельму, что мобилизация еще не война и т. под. Но это уже не могло изменить хода дела—лавина двинулась. Германия, правда, не ответила немедленным открытием военных действий—как Япония в 1904 г.,—а на первое время ограничилась ультиматумом, требовавшим прекращения мобилизации. С таким же успехом можно было требовать прекращения наводнения: элементарная истина, высказанная в 1894 г. Обручевым, не могла не оправдаться—всеобщая мобилизация означала войну.

Прекрасно это понимая, защитники „русской“ точки зрения („русской“, конечно, ее можно называть только иронически, ибо не могло быть ничего, более противоположного интересам русской народной массы) выдвигают две оправдательных версии.

*) «Красный Архив», I, 29-30.

Первая. Шаг Сазонова (фактически, ведь, он настоял на мобилизации) об'яснялся полученным из Берлина в этот день, четверг 30-го, известием о мобилизации германской армии. Пусть известие оказалось ложным, психологическое впечатление оно должно было произвести; когда же выяснилось недоразумение, было слишком поздно. Об'яснение это не выдерживает критики: известие об утке, пущенной «Lokal Anzeiger'ом», пришло в Питер только в 4 часа дня,—а Сазонов уговаривал Николая с 2 до 3-х. Когда пришла телеграмма из Берлина, телеграммы о мобилизации летели уже по России.

Вторая. Военные специалисты, с бывшим именно в те дни начальником мобилизационного отдела ген. Добропольским во главе, утверждают, что частичная мобилизация, только против Австрии, была технически неосуществима: — она сломала бы весь план. Но как они ответят на мобилизацию Балтийского флота с первого же часа? А, во-вторых, до 1914 года Россия не имела ни разу всеобщей мобилизации, а воевала и мобилизовала несколько раз. Мобилизации 1877-78 и 1904-1905 гг. все были частичные. Как же это технически происходило?

Царский генеральный штаб, таким образом, был не одинок летом 1914 года. Он имел надежного союзника в царском министре иностранных дел. Все они, конечно, не «виновники», а простые орудия могучей об'ективной силы, именуемой империализмом. Но иногда полезно присмотреться, как и какими средствами эта сила действует.

Дневник русского министерства иностранных дел почти начисто уничтожает 16-ую главу работы Каутского («Мобилизации»). Лейтмотивом этой главы является «автоматическая» мобилизация России, как ответ на австрийскую мобилизацию. Но мы знаем, что Россия мобилизовала тотчас после австрийского ультиматума, не дожидаясь австрийской мобилизации, притом мобилизовала не только против Австрии, но и против Германии. Вот как опасно составлять обвинительные акты по показаниям только одной стороны. Приведем еще несколько документов—кстати не опубликованных — которые покажут, что события развертывались в политической плоскости гораздо раньше, чем мог дать себя почувствовать «автоматизм» мобилизаций.

Во-первых, еще до не только австрийской мобилизации, но и до австрийского ультиматума мы имеем такую секретную телеграмму Сазонова русскому посланнику в Белграде от

24 июня (7 июля): «Государю Императору благоугодно было разрешить уступку за плату Сербии из военных запасов 120 тысяч трехлинейных винтовок и 120 миллионов патронов с пулями». Винтовки и пули могли понадобиться только для военных целей, а ультиматумом Австрии, упавшим, как гром из ясного неба, 24 июля, (7 июля) еще и не пахло...

Ультиматум пришел, а с ним «автоматически» и русская мобилизация,—против Австрии. 28 июля Сазонов извещает об этом русских послов за границей, а 29 мы имеем такую телеграмму Сазонова посланнику в Бухаресте:

«Прошу вас передать Братиано *) следующее: в случае фактического вооруженного столкновения Австрии с Сербией, нами предусматривается ваше (т.-е. Румынии. М. П.) вступление, дабы не допустить разгрома последней (т.-е. Сербии. М. П.). В этом будет заключаться цель нашей войны с Австрией, если таковая окажется неизбежной. Ответив таким образом на вопросы, поставленные Братиано, благоволите поставить ему в свою очередь категорический вопрос об отношении, которое занято будет Румынией, при чем можете дать понять ему, что нами не исключается возможность выгод для Румынии, если она примет участие в войне против Австрии вместе с нами. Мы хотели бы знать, каковы виды на этот счет румынского правительства».

А сутками позже, 30-го, в день борьбы за мобилизацию в Петергофе, имеем новую телеграмму в Бухарест, расшифровывающую подчеркнутые строки первой:

«Весьма доверительно. Если считаете возможным приступить к более конкретному определению выгод, на которые может рассчитывать Румыния в случае участия в войне против Австрии, можете определенно заявить Братиано, что мы готовы поддержать присоединение к Румынии Трансильвании».

Для нас с читателем, знающих, что проект раздела Австро-Венгрии существовал в петербургских «сферах» уже в мае, тут ничего удивительного нет. Но для Карла Каутского, копающегося в том, мобилизация каких именно австрийских корпусов должна была «автоматически» вызвать русскую мобилизацию, поучительно узнать, что за два дня до «почти единовременной» всеобщей мобилизации в Австрии и в России, по-

*) Румынский министр иностранных дел.

следняя вполне «конкректно» предлагала Румынии за союз кусок монархии Франца-Иосифа, рассуждая при этом о войне с Австрией, как о деле, само собою разумеющемся.

Как наивны были после этого германские «правящие круги», если они точно, как утверждает Каутский, об'ясняли русскую мобилизацию не воинственными намерениями русского правительства. Последнее отнюдь не было столь наивно, и, не ограничиваясь Румынией, искало и посылало искать, помимо Румынии, еще и других союзников на Балканах. От 31 июля мы имеем такую телеграмму Сазонова уже поверенному в делах в Сербии: «Доверительно. Осведомьтесь у сербского правительства, не считает ли оно своевременным нащупать почву, быть может через наше посредничество, о соглашении с Болгарией на счет не только действительного обеспечения ее нейтралитета, но и военного содействия путем территориальных компенсаций, в случае, если бы Сербия получила их в другом месте».

Читая подчеркнутые строки, надо помнить, что Сазонов и мысли не допускал о какой бы то ни было «территориальной компенсации» Австрии за счет Сербии: а вот сербам дать «компенсацию» в Боснии и Герцеговине—это другое дело...

Как видим, «автоматический» марксизм никогда себя не оправдывает. За «автоматизмом» событий всегда скрываются живые и сознательные агенты, не зная о которых и о событиях судить трудно.

К. КАУТСКИЙ.

КАК ВОЗНИКЛА МИРОВАЯ ВОЙНА.

ПРЕДИСЛОВИЕ К НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ.

После революции 9 ноября 1918 г. народные уполномоченные просили меня вступить в министерство иностранных дел в качестве помощника статс-секретаря. Одна из первых задач, которую я себе поставил, сводилась к тому, чтобы убедиться, был ли из'ят из архива, как тогда многие опасались, обличительный материал. Я не мог ничего заметить, что подтверждало бы это подозрение. Напротив, уже первые поверхностные проверки показали мне, что важный материал был в сохранности. Я предложил народным уполномоченным прежде всего издать документы, касающиеся возникновения войны. Это наш долг перед германским народом, который имеет право узнать истину о своих прежних правителях государства. Издание документов необходимо еще и потому, что оно убедительным образом докажет недоверчивой загранице полный разрыв нового режима со старым.

Народные уполномоченные согласились со мной и поручили мне собрать и издать документы, усматривая в моей предыдущей линии поведения гарантию того, что я не утаю никаких неудобных материалов. Было лишь высказано пожелание, чтобы я не опубликовывал отдельно документы тотчас же по нахождении, как это сделал Эйзнер, а лишь тогда, когда они будут собраны полностью. Политически это было не совсем желательно, так как затягивало опубликование материалов и его благоприятное действие для нового режима внутри страны и за границей. Однако, это опубликование сводило на-нет возражения сторонников старого режима, будто бы имеют дело лишь с тенденциозно подобранными, вырванными из общей связи и не имеющими никакой доказательной силы документами.

Я не мог не согласиться с вескостью этого соображения и поступил сообразно ему.

Когда в декабре мои товарищи по партии: Барт, Дитман и Гаазе вышли из правительства, я также отказался от своей должности помощника статс-секретаря, но заявил, однако, о своей готовности в дальнейшем заниматься собиранием и изданием документов о войне.

В ответ на это я получил следующее письмо от 4-го января:

«Уважаемый товарищ!

В ответ на Ваше письмо от 2-го января считаю нужным сообщить Вам, что имперское правительство просит Вас продолжать и в дальнейшем Вашу деятельность в качестве со-издателя документов о возникновении войны.

Имперское правительство. Эберт».

Слово «со-издатель »об'ясняется тем, что незадолго до этого, по установившейся в те недели практике: назначать на каждую высшую должность двоих — одного правого социалиста и одного независимого—ко мне приставлен был Кварк.

После ухода независимых из правительства эта практика прекратилась, и тем самым «со-издательство» Кварка вскоре закончилось. Я остался единственным издателем.

Разумеется, я не один занимался всей этой большой работой. Еще до привлечения мною других помощников мне неизменно помогала моя жена, которая уже в течение десятков лет советом и помощью принимает участие почти в каждом из моих трудов. Однако, вскоре появилась необходимость в особом бюро для осуществления издания.

Издание следовало ускорить, а я на ряду с этим был занят в комиссии по социализации и своими авторскими работами. Поэтому я и Кварк уже в декабре обратились к доктору Густаву Майеру с просьбой предоставить свои силы для целей собирания и упорядочения документов в большей степени, чем это мог сделать я сам. Он охотно согласился, несмотря на то, что и ему из-за этого пришлось отложить некоторые дорогие ему работы. По его инициативе мы привлекли, в особенности для архивной работы, еще д-ра Германа Мейера, архивариуса секретного государственного архива; затем в начале февраля, для ускорения окончания работы, в виду накопляющегося материала, —еще д-ра Рихарда Вольффа и г-жу Н. Штибель (cand. hist. *).

*) Кандидат истории.

Считаю своим долгом всем им, особенно первым двум вышеназванным лицам, выразить сердечную благодарность за преданную и ценную работу в этом большом предприятии.

Их помощь дала мне возможность 26-го марта сообщить графу Брокдорф-Ранцау, что сборник в основном закончен и может тотчас же быть сдан в набор. Конечно, оставалось еще сделать целый ряд проверок, так, например, не у каждого документа удавалось сразу точно установить время его поступления, или его отправки. Однако, эти, а также и другие дополнения, как регистр и т. п., могли быть еще вставлены и во время набора.

С печатанием нельзя было больше медлить, если хотели еще до начала мирных переговоров представить миру самое неоспоримое доказательство того, что германское правительство, ведущее сейчас эти переговоры, не имеет ничего общего с правительством, об'явившим войну.

Однако, правительство, повидимому, иначе понимало дело. Оно отложило издание и опубликовало вместо этих документов отчет о возникновении войны в «Белой Книге» июня 1919 г. (мы еще сошлемся на него в данной книге).—Из этого отчета можно было узнать обо всем, что угодно, но только не о полном разрыве с политикой низвергнутого режима.

В ожидании приглашения приступить к печатанию сборника, я и мои сотрудники продолжали заниматься отделкой и дополнением материала. Но так как шансы на то, что правительство вскоре даст разрешение на опубликование документов, все более исчезали, я не считал возможным удерживать больше моих сотрудников, которых ждали другие неотложные обязанности. В начале мая они закончили свою работу над документами; однако, я мог рассчитывать на их немедленное возвращение к работе, как только, наконец, будет отдано распоряжение о печатании.

Но и после подписания мира распоряжение это долго заставило себя ждать.

Наконец, около середины сентября, я, в один прекрасный день, в связи с документами, был вызван по телефону не министерством иностранных дел, а одной газетой, которая запрашивала меня, правда ли, что мой сборник должны издавать гг. Мендельсон, Монжля и Шюкинг, а не я. Я мог лишь ответить, что

знаю об этом еще меньше, чем сама газета. Я сам узнал об этом факте только из газет.

Правительство, действительно, было столь нелойяльно, что поручило другим издание, мною и под моим руководством предпринятого и осуществленного собрания документов, даже не уведомив меня об этом.

Мне до сих пор не ясно, по каким соображениям меня отшили от издания,—правительство же никогда не приводило никаких мотивов.

Однако, поведение правительства вскоре вызвало такое негодование, что оно вынуждено было переменить тон. Гг. профессор Шюкинг и граф Монжля обратились ко мне уже в конце сентября с заверением, что они предполагают издать исключительно мой сборник, в котором ни одна строчка не будет изменена без моего согласия. Помимо того мне намеревались предоставить всяческую возможность наблюдения за печатанием. Они просили меня санкционировать издание.

Итак, задачей этих обоих лиц являлось, главным образом, проконтролировать мой труд, чего я мог, конечно, не бояться, а также выполнить кропотливую работу, неизбежно связанную с печатанием такого рода труда. Я охотно им это предоставил.

Так как мне не важна моя личность, а гораздо важнее дело, то я не видел никаких оснований разыгрывать обиженного и из'явил готовность сотрудничать, при условии, что тотчас же будет приступлено к печатанию.

Последнее мне также было обещано, и вот, таким образом, появляется теперь, наконец, это, ставшее почти мифическим, собрание документов министерства иностранных дел о возникновении войны.

Во время работы я, разумеется, не довольствовался нанизыванием одного документа на другой. Я старался привести во внутреннюю связь все сведения, которые давала мне эта огромная масса почти в 900 документов, и установить их связь с остальным, уже до этого известным материалом, касающимся возникновения войны. Я делал это не как обвинитель, а как историк, который хочет исследовать, каким образом возникли эти события.

Настоящую работу я предпринял в первую очередь лишь с целью самому разобраться в этом. Историк не может собирать источников, не прорабатывая их вместе с тем для себя. Но

чем дальше подвигалась работа, тем настойчивее становилось во мне желание сделать ее не только для себя самого, но и для широкой публики, имеющей, несомненно, меньше времени, а в большинстве случаев и возможностей, чем я, для тщательной проработки такого огромного материала.

Так постепенно возникала предлагаемая книга. В основном она уже в течение нескольких месяцев была готова, однако, я все откладывал ее издание вследствие появлявшегося вновь материала, как, например, июньской германской «Белой Книги» и публикаций д-ра Гооса, требовавшего постоянных добавлений и переработки.

Мне стоило больших усилий не выступить с моей работой при наличии потока разоблачений о войне, нахлынувшего в течение последних месяцев: молчать там, где я мог бы сказать столь многое, было нелегко.

Я, конечно, считал себя в праве издать мою книгу, в виду постоянных колебаний правительства еще до того, как оно решилось на опубликование давно собранных документов.

С тех пор, как я перестал исполнять обязанности помощника статс-секретаря, я работал в архиве министерства иностранных дел уже не как его чиновник, а как свободный историк. Доказательством этому служит тот факт, что я не получал с тех пор от правительства никакого жалованья и никакого другого вознаграждения.

Историк, пользующийся архивом, не обязан давать отчета какому бы то ни было начальству о том, как он использует плоды своей работы.

Если же я, несмотря на это, молчал, то я делал это не в силу юридических, а лишь политических соображений. Издание этих документов, при наличии критики немецкого народа со стороны его прежних врагов, принесло бы наибольшую политическую выгоду немецкому народу в случае их опубликования *самим* правительством, а не *вопреки* ему. Конечно, это рекомендовалось бы и в последнем случае, хотя бы из соображений внутренней политики. Но пока существовала возможность издания документов самим правительством, я не хотел предупреждать его опубликованием моей обработки материала.

Теперь этот сборник документов, действительно, появляется, и тем самым для меня отпадает всякое основание ждать дольше.

Мои взгляды, несомненно, неоднократно будут оспариваться:

не существует ни одного толкования этой войны, которое нашло бы себе всестороннее признание. И нет языка более двусмысленного и более расчитанного на чтение между строк, более поддающегося самым разносторонним толкованиям, чем язык дипломатов, с которым мы почти исключительно имеем здесь дело. Только кайзер не пользуется дипломатической формой выражений. Его манера выражаться в отношении точности не оставляет желать ничего лучшего. Вильгельмовские замечания на полях доставляют народу редкое удовольствие видеть хоть раз своего кайзера нагишом.

Австрийские документы, несмотря на всю их дипломатическую хитрость, привели, однако, почти к единодушному пониманию вины австрийской политики. Кому удалось правильно оценить австрийскую политику, тому также не покажется трудным по тону немецких документов составить суждение и о германской политике.

При существующей ныне ясности было также очень соблазнительно показать, как глубоко обманут был немецкий народ теми, в особенности из лагеря правых социалистов, которые все время самым резким образом нападали на мое поведение и поведение моих друзей во время войны и создали самую ревностную апологию военной политики вильгельмовского правительства. Их взгляды в настоящее время, поистине, горсть черепков.

Но именно потому едва ли еще имеет смысл в настоящее время сражаться с Давидами, Гейльманами и пр., тем более, что от этого пострадала бы строгость изложения: можно было опасаться, что произведение, обращающееся ко всем, кому дорога правда о возникновении войны, из-за такого рода полемики приобрело бы партийно-политический, даже личный характер, чего я, разумеется, хотел избежать. Я полемизировал поэтому только в тех случаях, когда это было необходимо в интересах раз'яснения взаимоотношений—в остальных же случаях избегал всяких обвинений.

Я готов к тому, что настоящая работа приведет меня, пожалуй, к новым спорам.

Но каково бы ни было отношение к этой работе, одно, во всяком случае, следует постоянно иметь в виду при ознакомлении с опубликованными в ней документами. Они свидетельствуют о мыслях и делах германских политиков, а не немец-

кого народа. Поскольку же вина падает на последний, она может состоять лишь в том, что народ уделял слишком мало внимания внешней политике своих правителей. Но это, однако, вина, которую немецкий народ разделяет со всеми другими народами. Тщетно Маркс уже более полвека тому назад при основании первого Интернационала провозгласил: «Долг трудящихся классов самим овладеть тайнами международной политики и наблюдать за дипломатическими проделками своих правительств».

До сих пор это выполнялось в слишком недостаточной степени. Настоящая война с ее ужасными последствиями более настоятельно, чем когда-либо, указывает на этот — «долг трудящихся классов».

Предлагаемую работу я рассматриваю, как выполнение частицы нашего долга.

Берлин. 1-го ноября 1919 г.

К. Каутский.

I. Виновники.

С тех пор, как разразилась мировая война, один вопрос занимает все умы: кто навлек на нас это ужасное бедствие? Какие лица, какие учреждения являются виновниками его?

Это не только научный вопрос для историка,—это в высшей степени важный практический вопрос для политика. В ответе на этот вопрос кроется смертный приговор, если не физический, то, во всяком случае, политический для тех, кто признан зачинщиками войны. Лица и учреждения, власть которых вызвала столь ужасное бедствие, должны быть политически приговорены к смерти, лишены всякой власти.

Но, именно, потому, что вопрос о виновности за мировую войну является не академическим, а в высшей степени практическим вопросом, имеющим далеко идущие последствия для судеб государственной жизни, действительные виновники с самого же начала пытались замести свои следы. При этом они нашли деятельных пособников в лице всех тех, которые до сих пор заинтересованы во власти виновных лиц и учреждений, хотя бы они сами и не были непосредственными виновниками войны. Это обстоятельство очень долго затрудняло раскрытие виновности, но, с другой стороны, практический интерес к делу обострил критическую проницательность противников такой политики, и многие с самого уже начала напали на правильный след. Таким образом, туман стал постепенно проясняться и был, наконец, окончательно рассеян последними публикациями документов австрийского и германского министерств иностранных дел. Сейчас мы в состоянии все видеть ясно.

Все же имеется еще одна туманность, —якобы глубокомысленная марксистская философия. Маркс учил, что ход истории определяется не отдельными лицами и учреждениями, а, в конечном счете, экономическими отношениями. Капитализм, мол,

создает повсюду в своей высшей форме, а именно, в форме финансового капитала—империализм, стремление к насильственному расширению государственной территории. Это стремление овладевает всеми государствами—они все воинственны по натуре—и вследствие этого будто бы возникла война. Виноваты не отдельные личности и учреждения, а капитализм в целом: его необходимо победить.

Это звучит чрезвычайно радикально, но оказывает очень консервативное действие везде, где это представление господствует над практическим действием. Ведь, капитализм есть не что иное, как абстракция, получаемая из наблюдения над многочисленными отдельными явлениями и представляющая собою необходимое вспомогательное средство при стремлении проследить эти явления в их закономерной связи.

Но преодолеть абстракцию можно лишь теоретически, а не практически. Практически мы можем преодолеть только отдельные явления. Теоретическое познание капитализма не освобождает нас от необходимости этой практической борьбы: напротив, оно скорее нужно для того, чтобы этой борьбе способствовать, давая нам возможность привести в планомерную связь отдельные моменты и делая ее, таким образом, более действенной. Борьба эта всегда остается борьбой против определенных учреждений и лиц, как носителей определенных общественных функций.

Между тем, с марксистской точки зрения, можно лишь сказать, что целью борьбы не должно быть наказание тех отдельных лиц, против которых она направляется. Всякий человек является лишь продуктом той среды, в которой он живет и растет. Даже самого закоренелого преступника несправедливо наказывать. Задача общества состоит лишь в том, чтобы лишить его возможности и впредь приносить вред, превратить его, если возможно, из вредного в полезного члена общества и устранить все те отношения, которые его создали и дали ему возможность приносить вред.

Марксистам следует стать на эту точку зрения и по отношению к виновникам мировой войны. Но это ни в коем случае не марксизм, когда указанием на безличную вину капитализма хотят отвлечь внимание от розыска виновных лиц.

Маркс и Энгельс никогда не довольствовались тем, чтобы говорить вообще о пагубном влиянии капитализма. Они очень

старались проследить влияние отдельных учреждений, партий и руководящих ими политиков, как, напр., Пальмерстона или Наполеона. Сделать то же самое в отношении тех, которые вызвали мировую войну, является не только нашим правом, но и нашим долгом, и по соображениям не только внешней, но и внутренней политики, дабы раз навсегда стало невозможным возвращение лиц и учреждений, повинных в этом ужасном бедствии.

2. Изоляция Германии.

Часто указывают, что последние дни пред началом войны не являются единственно решающими в вопросе о виновности за войну. Если, мол, заглянуть глубже в прошлое и посмотреть, как образовались противоречия, то империализм, стремление к экспансии, будет обнаружен не у одной только Германии, а у всех великих держав.

Совершенно верно. Но это стремление к экспансии еще не об'ясняет мировой войны, своеобразие которой состоит в том, что в ней приняли участие все великие и многие малые державы, и весь мир сплотился против Германии. Показать, как это произошло—в этом и заключается проблема, которая должна быть разрешена. Словечко «империализм» не приближает нас к разрешению задачи.

Возникновение империализма в конце XIX и в начале XX веков характеризуется тем, что самые различные великие державы приходят в конфликт друг с другом. Сначала Франция вступает в конфликт с Италией, а потом с Англией; Америка воюет с Испанией и также с Англией; Англия помимо того начинает войну с бурами, которым сочувствовал весь мир; наконец, Россия ведет войну с Японией, за которой стояла та же Англия.

Наиболее свободной от международных конфликтов, временами переходивших в войны, оставалась в эту эпоху Германия.

Конечно, Германия совершила большую ошибку в 1871 году, насильственно отторгнув от Франции эльзасцев и лотарингцев против их воли и толкнув тем самым Францию в об'ятия России. Французская жажда реванша, воссоединения с оторванными, порабощенными братьями, с течением времени начала принимать более мягкие формы, тем более, что перспективы французов в случае войны с Германией очевидным образом

ухудшались. Ведь, численность населения Франции почти не возрастала, между тем, как население Германии стремительно росло, и благодаря уже одному этому Германия все более приобретала перевес над Францией. В 1866 году территория позднейшей германской империи насчитывала 40 миллионов жителей; территория Франции—38 миллионов. Если бы в 1870 году Франции противостояла, как она надеялась, только одна Пруссия, тогда противник ее располагал бы лишь 24 миллионами людей. Напротив, в 1910 году Франция насчитывает только 39 миллионов жителей, Германия же свыше 65 миллионов.

Отсюда у Франции боязнь войны с могущественной Германией, боязнь, которая еще в настоящее время сказывается в условиях Версальского мира. Отсюда и потребность Франции в союзе с Россией.

Вследствие взаимной вражды Германии и Франции, Россия после 1871 г. чувствует себя в роли их арбитра и, следовательно, господином всей континентальной Европы. В надежде на это Россия решается в 1877 году на войну с Турцией, и в конце концов, встречает препятствие в использовании своей победы лишь со стороны Англии и Австрии. На берлинском конгрессе 1878 года Бисмарк вынужден выбирать между этими обоими державами и Россией. Он освобождается от зависимости царя и поддерживает Австрию и Англию.

С этих пор Россия начинает сторониться от Германии и завязывает все более тесные отношения с Францией. Бисмарк, таким образом, несмотря на свои сильные симпатии к России, все более вынужден ориентироваться на Австрию; к ней в качестве союзника присоединяет он (в 1882 году) Италию, как раз в момент, когда Франция оккупировала Тунис и тем самым глубочайшим образом задела итальянских империалистов, жадно косившихся на этот край.

Англия остается вне этих комбинаций, в «блестящем одиночестве», однако, скорее на стороне тройственного союза, чем русско-французского соглашения; ибо с Францией она приходит в противоречия из-за своих вожделений в Африке (Марокко и особенно Египет с Суданом). Это дает все новую пищу ее старому противоречию с Россией по вопросу о Турции и в особенности об Индии. Зато Англия находилась в дружественных отношениях с Австрией и Италией и избегала явных противоречий с Германией, руководитель которой Бисмарк при конфликтах

Англии с Францией, с одной стороны, и Россией, с другой, раздувал между ними разногласия, чтобы при этом играть роль арбитра и посмеивающегося третьего лица. Эта политика морально стояла не очень то высоко, но была чрезвычайно полезна для экономического процветания Германии. Как раз в эпоху растущего империализма Германия оставалась, таким образом, незатронутой какой-либо войной и могла развивать свою индустрию, свою торговлю, а также расширять свои колониальные владения, используя империалистические конфликты других держав и не принимая в них непосредственного участия.

Очевидно, и в эпоху империализма великая держава могла вести еще иную политику, кроме политики войны. Во всяком случае, для этого требовались государственные деятели с некоторой смекалкой и достаточно самостоятельные по отношению к лицам, заинтересованным в империалистической насильственной политике. В Германии в них было также мало недостатка, как и в других странах; больше того, как раз процветание политики мира особенно усилило их. Баснословный экономический под'ем Германии в конце XIX и в начале XX веков предоставил средства для мощных военных вооружений; он создал класс промышленных магнатов-насильников, т.-е. класс тяжелой индустрии. К нему присоединились в качестве старых политиков насилия— юнкера и большая часть той интеллигенции, которая уже по своему положению призвана была возвещать о военной славе Гогенцоллернов и прививать всей молодежи германскую манию величия. Преемник Бисмарка, Каприви продолжал еще старую политику, сохранявшую мир в разгаре всех империалистических конфликтов окружающих стран. Но когда князь Бюлов в 1897 году стал сначала министром иностранных дел (потом в 1900 году рейхсканцлером), а в месте с ним Тирпиц был назначен главой имперского адмиралтейства, то это означало совершенно новую ориентацию во внешней политике— переход к мировой политике. Если последняя и могла иметь какой-либо смысл, то лишь в установлении гегемонии Германии над всем миром.

По мере того, как эти новые тенденции становились яснее, они влекли за собой полное изменение позиций всех стран по отношению к Германии. Если до этого времени мир был империалистически расщеплен, и, именно, поэтому Германия была в нем самым могущественным фактором, согласно принципу: divide et

impera *), то теперь все противоречия между отдельными странами отступили на задний план пред лицом одного великого противоречия—между этими странами и германской империей, поставившей всех перед угрозой опасности.

Начало этого рокового поворота германской мировой политики положил законопроект о флоте 1897 года, который явился прелюдией состязаний с Англией в вооружении, и имел смысл лишь в том случае, если его конечной целью было свержение британского морского владычества. Эта задача довольно часто выдвигалась как цель германских морских вооружений, в особенности пангерманской прессой и политиками.

Общественное мнение Англии тем самым крайне возбуждалось против Германии.

В эпоху наполеоновских войн британская империя завоевала себе морскую гегемонию, и с тех пор ни одна держава не дерзала нарушить ее. Вскоре после венского мира и сама эта гегемония значительно изменила свой характер. Первые десятилетия XIX века Великобритания была еще преимущественно аргарной страной, которая, хоть и скудно, могла сама себя прокормить.

Впоследствии положение совершенно изменилось. Как одна из самых промышленных стран, Англия вскоре, больше чем какая-либо другая страна, не могла обойтись без значительного ввоза извне не только сырья, но и продуктов питания.

Еще в 1850 году сельское население в Англии, Уэльсе и Шотландии (без Ирландии) было столь же многочисленно, как и городское. Напротив, в 1911 году городское население в Англии и Уэльсе составляло 78%, в Шотландии—75% всего населения.

В XVIII веке Англия была страной экспортирующей хлеб. Еще в начале XIX века ее производство пшеницы было почти достаточным для покрытия ее внутреннего потребления. В среднем, за год, в десятилетие от 1811 до 1820 г. г., ввозилось только 400.000 квартеров пшеницы. В 1850 году требовался уже ввоз почти в 4 милл.кв., а в 1909 году в 10 раз больше, при собственном производстве только в 7 миллионов. Целых 84% потребляемой в Англии пшеницы ввозилось незадолго до войны из-за границы.

Однако, весь этот ввоз совершался исключительно морским путем. Это означало, что в случае войны Англия будет обре-

*) Разделяй и властвуй.

чена на голодную смерть, если она не будет господствовать на море. Ее морское владычество, которое до начала XIX века являлось лишь средством для расширения и обеспечения ее колониальных владений и служило, таким образом, выражаясь современным языком, империалистическим целям, сейчас становилось все более необходимым для сохранения самостоятельности страны. Морская гегемония стала для британского народа на ряду с империалистическим, также и демократическим требованием, по крайней мере, до тех пор, пока исключена была возможность всеобщего разоружения и прекращения войн. Таковы были пацифистские стремления, ставшие очень популярными в массе английского народа, не только у социалистов, но и у либералов, как раз из-за опасности войны для страны. Так как носителями идеи морской гегемонии Англии являлись не только империалистические, но и демократические слои, то это владычество осуществлялось очень либерально, отнюдь не протекционистски или, более того, монополистически, а по принципу свободной торговли, на основе открытых дверей.

Этим Англия достигла того, что в течение всего XIX столетия ни одно государство не делало попыток угрожать ее морскому господству. И лишь Германия в конце XIX века начала политику угрозы морскому владычеству Англии, как раз когда жизненные интересы последней требовали этого господства гораздо решительнее, чем во времена Наполеона I.

Кто знает Англию и англичан, должен был понимать, что одной уже германской политики морских вооружений было достаточно, чтобы мысль о необходимости заставить Германию любой ценой приостановить эти вооружения проникла во все более многочисленные слои английского населения; если невозможно было добиться разоружения Германии каким-либо иным путем, то войной, которая угрожала Германии, вследствие ее предыдущей политики, выступлением Франции и России в качестве ее противников.

Господин фон-Бюлов, положивший начало этой роковой политике, сам сознается в том, что она угрожала Германии войной. В своей появившейся в 1916 году книге «О Германской политике» он пишет:

«В течение первых десяти лет после внесения морского законопроекта 1897 года и начала нашего военного судостроительства, английская политика, которая решилась бы на все,

была бы в состоянии, вероятно, попросту насильственно пресечь развитие Германии в морскую державу, обезвредить нас раньше, чем мы успеем стать морскими хищниками... На 18-м месяце войны «Франкфуртская Газета» констатирует, что Англия вынуждена была при начале военных действий сделать печальное открытие, что она, несмотря на все планы окружения врага, упустила подходящий момент, когда она могла обессилить своего опасного соперника». (стр. 40).

Таким образом, морская политика была затеяна с риском побудить Англию к войне против Германии. Если тогда такой войны не случилось, то этим обязаны были не германской политике, а сдержанности Англии. Последняя предпочитала насильственному разгрому грозного противника в войне так называемое окружение его, т.-е. содействие его изоляции, обусловленное мировой политикой Германии.

Это роковое действие германской морской политики, столь же бессмысленной, сколь и провокационной, было еще усилено ее упорным саботажем всех попыток притти к международному соглашению по вопросу о всеобщем сокращении вооружений и устранении международных конфликтов мирным путем, посредством третейских судов.

Это обнаружилось уже во время первой гаагской конференции в 1899 году, созванной именно для этих целей.

«Как раз в дни Гаагской конференции германский кайзер произнес свою висбаденскую речь, в которой он об'явил «остро отточенный меч» «лучшей гарантией мира» (Фрид.—«Настольная книга о движении в пользу мира», стр. 171).

На этой конференции никак нельзя было заставить германского представителя согласиться с обязательностью решений третейского трибунала по вопросам, хотя бы касающимся требований о возмещениях и юридических споров. Даже эта незначительная попытка ограничить разрешение международных конфликтов силой разбилось о сопротивление Германии, отклонившей впоследствии и всякие попытки притти к ограничению вооружений.

Нет ничего удивительного, что Германию начинали все более ненавидеть не только соперничавшие с германским могуществом империалисты, но даже и защитники всеобщего мира и свободы народов.

Роль злейшего врага европейской демократии, которую до сего времени играл царизм, все более выпадала теперь на долю германской милитаристической монархии. Более бессмысленная политика вряд ли была возможна. Ее следовало осудить не только с точки зрения международного социализма, но даже с точки зрения такого империализма, который считается с существующим соотношением сил. Разумная германская империалистическая политика ни в коем случае не должна была одновременно вызывать вражду двух решающих в Европе на ряду с Германией держав,—Англии и России. Для достижения своих целей, противоположных целям России и союзной с ней Франции, она должна была добиться поддержки Англии, что прежде всего означало отказ от состязания в морских вооружениях. Сообразно характеру английской политики такой отказ явился бы победой принципа «открытых дверей» во всем мире, что сулило германской промышленности самые блестящие перспективы.

Разумеется, такая политика не была бы империалистической политикой, в собственном смысле слова, такой, которая пришлась бы по сердцу представителям тяжелой индустрии—монополистам и милитаристам. Им прежде всего важно было расширение за счет Англии. Но по этому поводу тогда следовало притти к соглашению с Россией. Соединившись с Россией и тем самым более гарантировав себя от французской опасности, Германия могла спокойно вступить в состязание с Англией в морских вооружениях. В случае войны англичане не могли причинить ей ничего страшного. Пусть они даже оккупировали бы ее колонии, подорвали ее морскую торговлю—они были бы не в состоянии взять Германию измором. Последняя, напротив, могла с помощью России привести к крушению основ английского мирового положения на материке и добиться того, чего тщетно пытался достигнуть иным путем Наполеон I, т.-е. оккупировать Египет и проникнуть в Индию.

Но было прямо безумием стремиться к этой цели—низвержения Англии не в союзе с Россией, а путем войны с Россией, с Францией, со всем миром.

3. Германские провокации.

Конечно, первоначально германская политика не означала еще войны Германии со всем миром, но она, во всяком случае, таила в себе опасность такой войны. Чем теснее становилась

блокада, чем более усиливалась изоляция Германии, тем настоятельнее требовали ее собственные интересы, чтобы она избегала всякой провокации, могущей ввязать ее в войну.

Марксист, утверждающий, что каковой бы ни была германская политика, империализм при всех условиях привел бы к войне, напоминает защитника глупых мальчишек, забавляющихся бросанием горящих спичек в пороховую бочку. Не мальчики, утверждает защитник, оправдывая их, вызвали разрушительный взрыв, являющийся результатом их безчинства—виной была наличность пороха в бочке. Если бы в ней была вода, ничего не могло бы случиться. Правильно. Но только в нашем случае мальчики знали, что в бочке был порох. Более того, они даже сами добавили значительную долю его. Можно сказать, что провокации со стороны Германии становились тем многочисленнее, чем более усиливалась ее изоляция и чем более угрожающей становилась опасность мировой войны.

Именно, растущая опасность увеличивала ожесточение обеих сторон, как заграницы, так и Германии. Она заключала в себе новый стимул для увеличения вооружений и тем самым для усиления воинственных элементов. Эта опасность зловещим образом умножала число тех, кто считали войну неизбежной и поэтому в известной мере настаивали на том, чтобы при обстоятельствах, благоприятствующих собственной стране и мешающих противнику, война тотчас же была начата, как превентивная *) война.

Однако, в Германии вместе с ростом вооружений росла и вера в их силу. Разные круги обуяла настоящая мания величия, опиравшаяся на прусскую военную историю, которая в течение полуторастолетий, за исключением Иены, знала лишь одни победы.

Особенно же не могли насытиться провокационными выходками пангерманские круги. Провокации приобретали серьезное значение благодаря тому, что пангерманские круги представляли собой как раз решающую часть общественных слоев, господствовавших в Германии, из среды которых вышло само ее правительство. Зло усугублялось еще личностью кайзера, который, будучи насквозь пропитан милитаризмом, являлся, вместе с тем, поверхностным и безмерно тщеславным, падким на театральные эффекты,

*) Предупредительная война. Примеч. переводчика.

рискующим самыми вызывающими жестами и речами, если только он был уверен, что импонирует этим своим окружающим.

Мы уже видели, как кайзер в дни первой Гаагской мирной конференции, в противовес третейским судам и предложениям о разоружении, об'явил остро отточенный меч лучшей гарантией мира.

Год спустя он провозглашает пред отправляющимися в Китай войсками в Бремергавене 27 июля 1900 г. следующие прекрасные принципы ведения войны:

«Пощады не давать, в плен не брать... Подобно тому, как гунны тысячу лет тому назад прославились под предводительством своего короля Атиллы, так пусть теперь в Китае имя германца прославит себя на тысячи лет таким образом, чтобы ни один китаец никогда больше не посмел хотя бы косо взглянуть на немца».

Если позднее, во время мировой войны, германский способ ведения войны был сведен к хладнокровно-продуманной системе зверства, создавшей немцам славу гуннов, то за это немецкий народ должен поблагодарить своего кайзера.

И если вследствие таких выражений у всех гуманно-мыслящих людей вырастало отвращение к немецкому народу, то в то же время Вильгельм отнюдь не постеснялся бросить вызов империалистам заграницы. Начало положила телеграмма 1896 г. президенту буров Крюгеру, в которой Вильгельм в возникающем конфликте между Англией и бурами открыто заверял последних в своей дружбе.

Вскоре после этого в 1898 г. кайзер провозгласил себя защитником-покровителем 300 миллионов магометан всей земли. Это относилось к магометанам оккупированного Францией Алжира так же, как и живущим под английским владычеством в Египте и Индии, к магометанам в России и к магометанам Турции, которым угрожала Россия.

И если Вильгельм в 1905 г., в момент, когда Франция начала осуществлять на деле свои интересы в Марокко, обещал в Танжере мароккскому султану свою защиту против всякого, кто будет угрожать его независимости, а затем в 1911 г. по той же причине внезапно послал военный крейсер к марокканской гавани Агадир, то это было лишь продолжением его провокационной политики. В обоих этих случаях всеобщий мир был, таким образом, поставлен под вопрос. Дело не улучшилось от

того, что Вильгельм всякий раз, когда нужно было превратить угрозу в действительность, трусил и оставлял на произвол судьбы тех, кому он обещал свою защиту. Так в решительный момент оставил он султана Марокко и особенно позорно буров. Последнее вело лишь к тому, что к ненависти против Германии присоединилось еще и презрение.

Во всех этих конфликтах противостояли друг другу империалисты. В борьбе великой Англии против маленьких бурских республик общественное мнение всего цивилизованного мира единодушно встало на сторону малых и слабых народов. Во время марокккского конфликта, рабочие Германии и Франции солидарно выступили против своих правительств и этим не мало содействовали сохранению всеобщего мира, находившегося под угрозой. Это поведение социалистического пролетариата отчасти смягчило непредусмотрительный скачкообразный, провокационный характер германской мировой политики.

4. Австрия.

Однако, правительство Германии не довольствовалось тем, чтобы делать глупости только за собственный риск. Оно считало себя обязанным покрывать глупости и австрийской политики, также угрожавшей зажечь мировой пожар, но уже не из-за морских вожделений, а вследствие непосредственной угрозы со стороны Австрии независимости самих европейских государств.

Своей мировой политикой Германия достигла того, что у нее не оказалось больше почти ни одного доброжелателя среди самостоятельных жизнеспособных государств Европы. Даже отношения с союзной Италией стали довольно прохладными. Только два государства оставались в тесной дружбе с Германией, два государства, которые потеряли свою жизнеспособность и могли еще устоять лишь при помощи сильного союзника извне; это были Австрия и Турция.

Как государство Габсбургов, так и государство султана Константинополя было каждое в отдельности «государством-национальностей» (Nationalitätenstaat), сохранившимися как единое целое не общими интересами своих национальностей, не преимуществами в благосостоянии и свободе, а лишь военным принуждением. Этот тип «государства-национальностей» становился

все более несовместимым с современной демократией, стремительно растущей в результате развития сношений.

Австрия и Турция (по крайней мере, европейская) были, таким образом, безнадежно обречены на гибель. Но последнее обстоятельство в такой степени было непостижимо для руководящих германских политиков, что они избрали как раз эти государства своей единственной опорой. В самом деле, кого еще они могли избрать при их мировой политике?.

Австрия и Турция находились в вековом противоречии с Россией, которая после своего продвижения к Средиземному морю домогалась Константинополя, но неоднократно принуждена была убедиться в том, что она прямым путем до него не доберется. Россия решилась поэтому на окольный путь—разложить Турцию на ряд самостоятельных, маленьких национальных государств, которые, будучи очень близкими русскому народу по религии и отчасти, как сербы и болгары—по языку, станут, как она надеялась, вассальными государствами царизма. В противоположность австрийскому и турецкому правительствам, Россия покровительствовала движениям за национальную независимость на Балканах, действуя при этом по линии необходимого исторического прогресса, между тем, как первые два правительства противодействовали ему. Того самого монарха, которого свои собственные подданные проклинали, как палача и кровавого царя, приветствовали на Балканах, как «царя-освободителя». Российский империализм, конечно, не добился бы своих целей с помощью балканских народов. Чем более росла их сила и независимость от султана, тем самостоятельнее они должны были становиться и по отношению к царю. Они только до тех пор тяготели к нему, пока нуждались в его защите и пока их независимость была под угрозой с другой стороны.

Этой другой стороной в последние десятилетия перед войной все более становилась Австрия. Руководителям австро-венгерской монархии пред лицом растущих в собственной стране национальных движений румын и южных славян, которых особенно сильно угнетали мадьярские феодалы, показалось в высшей степени опасным иметь у своих границ сильную Сербию и Румынию. Не в меньшей степени бельмом на глазу аграриев монархии, и, опять-таки, в первую голову, у венгерских аграриев, были вывозящие сельско-хозяйственные области Сербии и Болгарии. Наконец, империалисты, военщина, бюрократия и капи-

талисты Австрии хотели господствовать над дорогой в Салоники. Они видели в существовании самостоятельной Сербии препятствие, устранения которого они должны были добиваться.

Политика всех этих австрийских элементов толкала Сербию и Румынию в объятия России.

Если австрийские политики считали необходимым разгром Сербии, чтобы положить конец русским интригам на Балканах, то, в действительности, дело обстояло как раз наоборот. Как раз своей враждой к Сербии австрийцы только усиливали русское влияние на Балканах.

Чтобы парализовать его, руководителям Австрии следовало вести политику предупредительности как по отношению к сербам и румынам в собственной стране, так и по отношению к соседним государствам Сербии и Румынии. Но такой образ действий был неприемлем для вершителей Австро-Венгрии. Ради спасения государства они должны были итти вразрез с своими собственными интересами момента.

Если демократически-национальная и пролетарская оппозиция не в состоянии были свергнуть этих правителей, то Австрия была обречена на гибель, так же, как и Турция, как обречен был всякий, связавшийся на жизнь и на смерть с этим государством.

Но при этом Австрия считала себя еще великой державой, пыталась еще разыгрывать роль независимой, делала все новые попытки к самостоятельной политике, становившейся при возростающих внутренних и внешних затруднениях все более, ошибочной.

Не улучшали дела и личные взаимоотношения правителей государства. Во главе его стоял монарх, никогда не обладавший выдающимися умственными способностями и вследствие жесточайших ударов судьбы особенно нуждавшийся в покое, режим которого носил характер старчества. Но, к его несчастью, народы Австрии ни в какой мере не считались с этой потребностью в покое: все более возрастало их возмущение против невозможного государства, в котором они были сжаты. Под впечатлением этого растущего в стране беспокойства старческая потребность в покое вызывала самые противоречивые явления: она приводила иногда к поразительной уступчивости. Последняя, однако, не могла давать желательных результатов—успокоения народов—

так как она постоянно касалась лишь отдельных пунктов, была лишь политикой заплаты на заплате. На коренную реформу этот режим был неспособен.

Но если эта уступчивость не достигала желанного успокоения, то потребность в покое вызывала величайшую жестокость для насильственного усмирения нарушителей покоя.

Если это прежде всего относилось к внутренней политике, то тем же самым духом была проникнута и внешняя. Первая находилась в Австрии в теснейшей связи с внешней политикой уже потому, что из 8-ми национальностей государства только две жили исключительно в пределах его границ; между тем, как остальные, в значительной части, жили вне его границ, некоторые организовавшись в самостоятельные национальные государства. Если на внешнюю политику Австрии влияли национальные стремления румын, русинов и поляков, то еще больше на нее влияли итальянская и юго-славянская ирредента *).

Ко всему этому прибавилось еще то, что Австрия на ряду с своим императором имела еще второго правителя—эрцгерцога Франца Фердинанда. В 1896 г. ему досталось право наследования престола, приблизительно в то же время, когда Германия начала свою роковую морскую политику. Империалистические стремления, охватившие в это время все великие державы, стали тогда давать себя чувствовать и в Австрии. Однако, Австрия не могла сделать об'ектом своих вожделений заморские территории. Австрийский империализм подобно русскому стремился к экспансии путем расширения своих территориальных границ. Последнего он лучше всего мог достигнуть на юге, приобретением дороги в Салоники, что требовало превращения Албании и Сербии в австрийские колонии. Если со времени аннексии Эльзас-Лотарингии в 1871 г. ни одно государство Европы больше не решалось насильственно присоединить к себе политически самостоятельное население против его воли, то сейчас этого пыталась достигнуть дряхлая, хотя и большая, Австрия по отношению к юношески сильной, но маленькой Сербии, систематическим третированием последней.

---

*) Мелкобуржуазное национальное движение, возникшее в 1878 г. в Италии, воглавлявшееся союзом радикальных элементов, с целью об'единения всех говорящих на итальянском языке частей Австрии (Трентино, Триест), Франции, Швейцарии, острова Мальты—с Италией.
Примеч. переводчика.

Молодой, энергичный, даже беспощадный Франц Фердинанд, не признававший никакой потребности в покое, никакого колебания между уступчивостью и произволом, расчитывавший исключительно на насилие, стал носителем этих империалистических стремлений; при усиливающейся дряхлости императора наследник престола тем более мог способствовать этим стремлениям, чем более возрастало его влияние на армию и на внешнюю политику. С 1906 г. со времени замены Голуховского Эренталем внешнюю политику определял Франц Фердинанд.

Невежественные насильники, какими были Франц Фердинанд и его ставленники, не отступали перед самыми гнусными провокациями, не стесняясь тем, что бросали этим вызов России, покровительнице Сербии и, таким образом, угрожали всеобщему миру. Какое им было дело до всеобщего мира до тех пор, пока за ними стоял сильный немецкий собрат с его мощным бронированным кулаком! Последний же продолжал стоять за ними, так как собственному мировому положению Германии грозила опасность в случае, если единственная значительная военная держава, на которую она могла рассчитывать, потерпела бы ущерб в силе или уважении.

5. Балканские кризисы.

Первое из легкомысленных нарушений всеобщего мира со стороны Австрии произошло осенью 1908 г., когда она без всякой нужды аннексировала территории Боснии и Герцоговины, управляемые ею вместо Турции с 1878 г. до вышеупомянутого момента. Этим она нагло нарушила договор по отношению к Турции и грубо оскорбила национальное чувство южных славян, особенно возмущенных обращением с боснийцами, как с простыми предметами собственности, которые могли быть, по усмотрению, обменены или похищены. Опасность мировой войны была вызвана тогда тем, что Россия видела себя оттесненной на Балканах, не получив за это никакой компенсации. Однако, наглое расторжение договора 1878 г. вызвало самый решительный протест и со стороны остальных государств Европы, особенно Англии. Австрия должна была бы сбавить тон, если бы на ее стороне не стояла германская империя.

Это поведение Австрии создало уже основание для позднейшей мировой войны; кроме того, и германские политики защищали подобное поведение даже во время мировой войны, правда,

еще до крушения. Князь Бюлов хвастается в уже цитированной книге «О германской политике» своей тогдашней позицией.

«Как в моих речах в рейхстаге, так и в моих указаниях представителям за границей я не оставлял никакого сомнения на счет того, что Германия намерена с верностью Нибеллунгов, при всех обстоятельствах сохранять союз с Австро-Венгрией. Германский меч был брошен на чашу весов европейского правосудия непосредственно в пользу нашего австро-венгерского союзника, косвенно же—для сохранения европейского мира, и, в первую очередь, ради поддержания германского престижа и мирового могущества» (стр. 60).

Таков, следовательно, был метод, при помощи которого старый режим пытался сохранить мир: свою задачу он видел не в том, чтобы воспрепятствовать легкомысленным провокациям своего союзника, а в том, чтобы бросить в пользу него на чашу весов германский меч. И этим, как и согласием на расторжение договора, он полагал воздействовать на мир в пользу «германского престижа!».

С еще бо́льшим восторгом говорит Гасгаген в своей книжке «Очерки мировой политики», появившейся в том же году, что и книга Бюлова.

«Неоценимую услугу для укрепления союза обеих стран оказала та ужасная международная травля не только против Австро-Венгрии, но и против Германии, которая была вызвана аннексией Боснии и Герцоговины. Лишь эта травля привела обоих союзников к совершенно неразрывной связи друг с другом» (II, стр. 6).

Действительно, сколь остроумна политика, которая усматривает неоценимую выгоду в возбуждении против себя ужасной международной травли. Ведь, именно, благодаря ей Германия целиком превратилась в пленника внутренне совершенно обанкротившейся Австрии!

«Германский меч» в 1908 г. и 1909 г. потому сохранил всеобщий мир, что Россия вынуждена была спокойно снести унижение, причиненное тогда Сербии, а тем самым и ей самой. Ведь Россия в это время еще не залечила своих ран после поражения в войне с Японией и после революции.

Сербия должна была в унизительной ноте 31-го марта 1909 г. дать клятву, что она исправится и отречется от своей политики протеста против аннексии.

Но Россия, конечно, не признавала себя окончательно разбитой на Балканах. Изолированная Сербия должна была отступить перед Австрией. Русской же политике теперь удалось осуществить союз между правительствами Балкан. Федерация балканских народов в общей республике давно была требованием южно-славянских социалистов. Она сулила наилучшую возможность обеспечить за балканскими народами величайшую самостоятельность по отношению к Турции и Австрии, а также и по отношению к России. Российская политика, конечно, не придавала ни малейшего значения созданию такого об'единения. Напротив, она и на этот раз сумела, как это нередко случалось ей, использовать в своих интересах идею, действующую по линии необходимого развития. Она создала не союз балканских народов, а союз балканских князей, с целью положить конец господству турок в Европе.

В октябре 1912 г. дело доходит до войны против Турции союзных Сербии, Болгарии, Греции и Черногории. Турцию легко побеждают, и державы Европы довольствуются тем, что победители делят между собой добычу под лозунгом: «Балканы для балканских народов».

Так, несмотря на бурлящий котел на юго-востоке, всеобщий мир, казалось, был сохранен. Но тут снова на арену выступает Австрия: она угрожает миру, вторично дает пинка ногой ненавистной Сербии, заставляя ее отказаться от завоеванного ею доступа к Адриатическому морю.

Дело на этот раз становится серьезнее, чем в 1908 г.

Австрия, как и Россия, мобилизуются в феврале 1913 г. Но мобилизация означает лишь подготовку к войне, а не самую войну. Англия посредничает, и Россия еще раз уступает. Таким образом, в марте мобилизация опять отменяется. Мир остается сохраненным, однако, за счет Сербии и, тем самым, ее покровительницы России. Сербия должна отказаться от доступа к Адриатике.

Вследствие этого снова создается опасная напряженная ситуация. Сербия пытается вознаградить себя в Македонии за счет Болгарии. Она находит союзников в лице Греции и Румынии. Об'единенным выступлением им удается разгромить и территориально уменьшить Болгарию.

Но и на сей раз всеобщий мир еще остается сохраненным. Европа остерегается вмешательства. Поэтому 10 августа 1913 г.

в Бухаресте заключается мир. Надеются, что теперь на Балканах наступит успокоение, и этим надолго будет обеспечен всеобщий мир,—как раз за год до начала мировой войны!

Австрии, конечно, не понравился бухарестский мир. Она требовала от Италии санкций на «предохранительные, оборонительные действия» против Сербии. Италия задушила эту идею в зародыше. Можно предполагать совместно с князем Лихновским, что маркиз сан-Джульяно, который назвал этот план «pericolosissima aventura» (опаснейшей авантюрой), предохранил нас еще летом 1913 г. от опасности быть впутанными в мировую войну. Но Австрия в данном случае не нашла отклика и у германского правительства. Не следует забывать, что в Румынии правил один из Гогенцоллернов. Поэтому Германия вначале охраняла бухарестский договор. Вероятно, на этот счет и нужно отнести замечание о «расположении этого великого государя (Вильгельма) к Сербии», в адресе Тиссы от 1 июля 1914г., поднесенном австрийскому императору («Австрийская Красная книга довоенного периода», 1919 г., ч. I, стр. 18).

Однако, правители Австрии не успокоились. Они неустанно подтачивали положение, созданное бухарестским миром. и, в конце-концов, им удалось уговорить Германию.

В то время, как оба союзника подготовляли, таким образом, политику, которая должна была завершиться мировой войной, они превосходно сумели в преддверии ее лишить себя не только всех союзов с правительствами, но и всех симпатий у народов. Австро-Венгрия боролась с стремлениями Кроации и Боснии к большей свободе не только режимом террора, но и процессами и пропагандой. Эта пропаганда велась столь бессовестно и вместе с тем так несказанно глупо, что Австрия должна была допустить, чтобы ей, в частности на процессе Фридьюнга в 1909 г., доказали, что она пользовалась подложными документами, к тому же подделанными в австрийском посольстве в Белграде, под эгидой графа Форгаха. Последний, якобы, роковым образом участвовал в 1914 г. в ультиматуме Сербии и тем самым был одним из виновников мировой войны. Однако еще хуже были те «моральные победы», которых Германия достигла непосредственно перед войной в Цабернском деле (в ноябре 1913 г.). Это громкое дело явно доказало, что в германской империи гражданское население беззащитно перед военщиной, и что последняя целиком правит гражданской властью.

На исходе прошлого столетия процесс Дрейфуса показал, что и французский милитаризм способен на дела, выдающиеся по легкомыслию и надменности. Однако, последнее дело после упорной борьбы кончилось победой гражданской власти, между тем как в Германии Цабернское дело завершилось подчинением гражданских властей. Помимо того, в результате Цабернского дела во Франции вскрылись вновь ее раны в Эльзас-Лотарингии, которые уже стали было заживать. Так шли навстречу мировой войне Германия и Австрия, отягощенные всемирной славой лжи, подлога, насилия, диктатуры сабли и бесправия аннексированных областей.

6. Положение пред войной.

Защитники старого режима полагают, что при исследовании вопроса о войне нужно рассматривать не только последние недели перед войной, но принимать также в расчет и предшествовавшие ей годы. Но, как теперь видно, позиция их, и при такой постановке вопроса, нисколько не выигрывает. Политика центральных держав уже в течение целого ряда лет до мировой войны была такой, что всеобщий мир сохранялся не благодаря этим державам, а вопреки им. Эта политика впервые приняла определенные формы за время руководства Бюлова. Она продолжалась Бетман-Гольвегом, при котором и привела к катастрофе. Пусть останется неисследованным, в какой мере эти лица сами были движущими силами такой политики и в какой мере они действовали, как простые подручные своего государя, которым, в свою очередь, как пешкой, вертели его окружающие, как бы сам он ни воображал себе, что именно он управляет всем огромным государственным механизмом.

Эта определенная связь мировой германской политики с лицами, ее делавшими, не устраняется указанием на всеобщие империалистические тенденции эпохи, обнаружившиеся во всех государствах. Но, с другой стороны, эту связь нельзя расширять до такого рода обобщения, будто бы стремление к мировому господству и борьба путем грубого насилия за свои цели были естественным свойством германского народа.

Империалистические тенденции встречаются у всех капиталистических правительств великих держав. Заставят ли они то или иное из этих правительств вызвать войну, зависит от случая, от международного положения, от сил, как своих собствен-

ных, так и союзнических, а также, не в малой степени, от внутреннего положения, в первую голову, от политической силы и самостоятельности рабочего класса.

Германия и Австрия не всегда были теми, кто угрожали всеобщему миру. В 1902 г. я опубликовал работу «О социальной революции». В ней я указывал:

«Единственным залогом мира в настоящее время является боязнь перед революционным пролетариатом. Остается ждать, сколько времени он, этот залог мира, сможет противостоять накапливающимся поводам для конфликтов. Между тем существует ряд держав, которым еще нечего бояться самостоятельного революционного пролетариата: некоторые из них целиком находятся во власти бессовестной грубой клики финансовой аристократии. Эти державы, до сего времени в международной политике маловлиятельные или миролюбивые, сейчас все более выступают в качестве международных нарушителей мира. Таковы, например, прежде всего Соединенные Штаты и на ряду с ними Англия и Япония. Россия когда-то фигурировала на первом месте в списке международных нарушителей мира— ее геройский пролетариат в настоящее время устранил ее оттуда. Но так же, как и своеволие разнузданного режима, не опасающегося никакого революционного класса у себя в тылу, так и отчаяние колеблющегося режима может вызвать войну, как это было в 1870 г. при Наполеоне III, и может быть еще случится с Николаем II. Со стороны этих держав и их противоречий, а отнюдь не из-за противоречий между Германией и Францией, между Австрией и Италией, угрожает теперь величайшая опасность всеобщему миру». (I, стр. 53).

Это писалось под впечатлением войны японцев против Китая (1894 г.), американцев против испанцев (1898 г.) и англичан против буров (1899—1902 г.г.). А война между Россией и Японией уже подготовлялась. Новая германская мировая политика, конечно, тоже была уже начата, но еще не проявила своей опасности. Однако, в позднейших изданиях моей работы я вычеркнул цитированное здесь место, ибо тем временем обнаружились последствия германской политики и, по мере того, как они выступали яснее, прежние международные нарушители мира уступили свое место центральным державам.

Если рассматривать империалистические тенденции, как аморальные и условиться, что при разрешении вопроса о вине за

войну дело идет о моральном приговоре, тогда можно с полным правом указать на то, что от монаха и раввина, от центральных держав и Антанты одинаково плохо пахнет. Иначе дело обстоит, однако, когда вопрос о вине за войну понимают не как вопрос морали, а как вопрос причинности, и когда спрашивают, какая определенная политика вызвала эту определенную войну. Тогда можно придти, если не к моральному, то, во всяком случае, к политическому осуждению определенных лиц и учреждений; но к осуждению только лиц и учреждений, а отнюдь не всего народа, над которым они господствовали; после их устранения народ, естественно, должен развить совсем иные тенденции.

Немецкий профессор сделал германский народ во времена его величайшей военной мощи ненавистным, во времена его поражения—смешным, тем, что он немцев ставил, как народ идеальных героев, выше англичан, которых он презрительно назвал народом «грязных торгашей». Но столь же мало, как немцы, по сравнению с другими народами, являются бо́льшими героями, столь же мало они были более задорными подстрекателями «мировой войны», чем их противники.

С одним, во всяком случае, следует согласиться:

Если противники Германии временами обнаруживали те же империалистические тенденции, ту же склонность к войне и захватам, если они, таким образом, не стояли выше Германии в моральном отношении, то, во всяком случае, они превосходили ее интеллектуально, вопреки мнению немецкого профессора.

Как раз англичане и американцы умели очень хорошо взвешивать все обстоятельства. В эпоху империализма они вели агрессивную военную политику лишь в тех случаях, когда она не угрожала собственной стране. Они были чересчур умными дельцами, чтобы вызвать войну при таких условиях, когда она могла их разорить. Они не были игроками ва-банк, а солидными капиталистами. Поэтому неверно, что финансовый капитал неизбежно приносит с собой воинственные прихоти и опасности войны. Он совершает это только при совершенно определенных условиях.

Только германский финансовый капитал вырос в таких условиях, что он был теснее всего связан с могущественнейшим и победоноснейшим милитаризмом всего мира. Англо-саксонские государства вообще не знали вплоть до мировой войны никакого милитаризма. Во Франции и России его было более, чем

достаточно. Но этот милитаризм не чувствует себя особенно уверенным в победе после решительных поражений,—однажды в 1870—71 г. г., а затем в 1904—05 г.г.

Связь германского финансового капитала с самым сильным и задорным милитаризмом всего мира заставила его забыть о всяком трезвом расчете. Только благодаря этому стало возможно, что Германия не только участвовала, но даже всеми силами проводила такую политику, которая совершенно ее изолировала и все сильнее провоцировала ее соседей. Она потеряла всякое понимание экономически возможного и гнала своего Дон-Кихота—милитаризм в бой с ветряными мельницами Антанты, в котором не только воинственный рыцарь, но и его верующий Санчо-Панчо должны были пасть на поле сражения растерзанными и разбитыми.

7. Материалы о происхождении войны.

Защитники германской политики войны всегда подчеркивали, что вопрос о «вине за войну» должен быть рассматриваем не только на основании событий, непосредственно предшествовавших войне,—«научная», мол, точка зрения должна заглянуть подальше в прошлое.

Мы уже видели, что дело Германии от этого нисколько не выигрывает. Но одно это старание отклонить внимание исследователя от последних недель, предшествовавших войне, и направить его на более раннее время, определенно указывает на то, что события этих последних недель являются более обличительными, чем предшествовавшие им.

Однако, адвокатам старого германского правительства приходит тут в голову в качестве спасительной мысли новое научное соображение. Если раньше указывалось, что истинный исследователь должен рассматривать события, только взяв их в целом, а не по отдельным, разрозненным частям, то теперь говорят, что всякое одностороннее показание есть зло. Пока не открыты все тайные архивы всех наций и пока не допрошены в качестве свидетелей все участвовавшие государственные деятели, до тех пор, вообще, невозможно, по их мнению, составить себе какое-либо суждение о возникновении войны.

Однако, те, которые приводят подобные соображения, своей собственной практикой доказывают их никчемность, так как

тотчас же по возникновении войны они постарались доказать, что центральные державы не только были атакованы со стороны Антанты, но даже подверглись нападению.

В одном отношении они были бесспорно правы: мир не может при наличии войны ждать, пока весь возможный следственный материал будет налицо. Всякий политик должен занять по отношению к войне позицию сообразно тому материалу, который ему доступен. Он должен позаботиться о том, чтобы его материал был по возможности полнее, но материал этот никогда не может быть без пробелов ни для политика настоящего времени, ни для будущего историка. Последнему, наверно, доступны будут многие секретные архивы, сейчас еще закрытые, зато для него пропали те многочисленные свидетельства, которые могут быть даны современниками и не были ими письменно зафиксированы.

Если всякое знание несовершенно, если нельзя узнать всего, то все же было бы бессмыслицей из-за этого скрывать от человечества то, что уже известно. Более того, такая бессмыслица может стать одной из тех политических ошибок, которые хуже преступления, в особенности когда сокрытие материала должно послужить тому, чтобы покрывать перед нацией и человечеством опасную систему и воспрепятствовать обнаружению ее действий.

В материале относительно возникновения мировой войны, конечно, нет недостатка. Тотчас же в начале ее мы были затоплены потоком официальных Белых, Красных, Желтых, Синих и прочих цветов книг, и вскоре началась критическая обработка их. Уже весной 1915 г. появилась книга «J'accuse» *). Греллинга, которую он позднее продолжил в своем трехтомном сочинении «Преступление». Благодаря большой проницательности ему удалось уже в очень существенных пунктах напасть на правильный след.

Особенное значение приобрел впоследствии меморандум князя Лихновского (от августа 1916 г.), непредназначенный для гласности, но попавший в пацифистские руки, давшие ему вскоре широкое подпольное распространение. К тому же заслуживали еще внимания публикации г. Мюлона.

---

*) Я обвиняю.

Кому недостаточно еще было этих материалов, у того должна была спасть повязка с глаз после ноябрьской революции, по опубликовании Эйзнером доклада баварского представительства в Берлине от 18 июля 1914 г. К сожалению, Эйзнер при опубликовании совершил неосторожность, обработав доклад больше как журналист, заинтересованный главным образом в эффекте, чем как историк, которому важны полнота и неискаженность его источников. Он привел доклад только в выдержках и опустил такие места, которые должны были свидетельствовать, будто бы, о миролюбии германского правительства.

Мы еще увидим, чего стоит миролюбие, которое должно было явствовать из этих пропущенных мест.

Новый материал был впоследствии привнесен Красными и Белыми книгами, опубликованными австрийским и германским министерствами иностранных дел. Вышецитированная австрийская Красная книга «Дипломатические документы к истории периода до войны 1914 г.» (Вена, 1919 г.), в дальнейшем нами кратко упоминаемая, как «Красная книга» 1919 г., дает крайне важные сведения по вопросу о виновности за войну. Напротив, очень критически следует отнестись к разработке этого материала, данного д-ром Родерихом Гоосом, появившейся в Вене под названием: «Венский кабинет и возникновение мировой войны» одновременно с первым томом упомянутой Красной книги. Автор австрийского комментария местами пришел к очень сомнительным, прямо-таки неверным толкованиям, так как ему неизвестны были германские документы.

Еще до австрийской «Красной книги» в июне появилась германская «Белая книга», предназначавшаяся для того, чтобы во время мирных переговоров оказать на победителей влияние в пользу Германии. В действительности, она способствовала только тому, чтобы заново скомпрометировать германскую внешнюю политику. По каким причинам, мы еще увидим дальше.

С тех пор появилось еще одно произведение, которое является основным источником для нижеследующего изложения—осуществленный под моим руководством сборник документов о виновности за войну.

Материалы, появившиеся кроме вышеуказанных, местами дополняют, но ничего не изменяют в общем впечатлении.

Как же представляются события согласно этим материалам?

8. Сараево.

В 5-ой главе мы довели свое изложение до Бухарестского мира и видели, что Вена после этого мира решилась при первой же благоприятной возможности с помощью Германии произвести пересмотр его.

Центральные державы проявляли тогда постоянное беспокойство и большую активность. Германия добилась у Турции того, что германский генерал Лиман-фон-Сандерс в декабре 1913 г. прибыл во главе германской военной миссии в Константинополь и принял там верховное командование над первым армейским корпусом. Россия резко протестовала, но добилась только того, что Лиман получил чин генерального инспектора турецкой армии (в ранге маршала).

Вскоре после того, в марте 1914 г., центральные державы получили удовлетворение, возведя одного из своих ставленников, князя фон-Вид, на престол вновь созданного королевства Албании; это был успех, во всяком случае, очень сомнительного свойства, так как испеченный в Германии «отец страны» уже в мае скрылся от стремительно наступавших на него по пятам «сынов страны», чем поставил себя и своих покровителей в смешное положение перед всей Европой.

Одновременно стали учащаться свидания императора Вильгельма с наследником трона Францем Фердинандом. В апреле они встретились в Мирамаре, 12-го же июня в Конопиште, в Богемии.

«Этими демонстрациями дружбы, которая была слишком пылкой, чтобы не беспокоить, возбуждали любопытство и интерес дипломатов. Во время прогулки в Конопиште германский посланник в Лондоне имел поручение успокоить местное министерство иностранных дел относительно пребывания адмирала фон-Тирпица в свите императора. Кто извиняется, тот сам себя обвиняет. Адмирал, повидимому, предпринял эту прогулку, чтобы подышать свежим воздухом и насладиться запахом роз в Богемии».

Так издевается над безобидностью этой поездки один бельгийский дипломат, барон Байян в своей книге «L'Allemagne avant la guerre, les causes et les responsabilités», Paris 1915, стр. 265*).

---

*) «Германия до войны, причины и ответственность».

Байян был в начале войны бельгийским посланником в Берлине и писал оттуда доклады, столь симпатизирующие Германии, что германское правительство, найдя их по своем вступлении в Брюссель, целый ряд их опубликовало в томе: «Бельгийские документы 1905—14 г. г.».

Между тем Байян после австрийского ультиматума совершенно переменил свое благоприятное мнение о германской политике. Доклады, которые он писал с этого времени, германское министерство иностранных дел не опубликовывало. Их можно найти в „Correspondance diplomatique, relative à la guerre de 1914—1915. Paris, 1915 *)

Помимо Байяна еще г. фон-Ягов в своей книге: «Причины и начало мировой войны» (Берлин, 1919 г., стр. 101) рассказывает:

«Наследник престола желал показать своему другу-императору расцвет роз в его, особенно любимом им, богемском имении».

Аутентичные сведения о том, что было затеяно в Конопиште, мог бы дать только сам Вильгельм. Что свидание понадобилось не только для запаха роз, доказывает доклад, посланный 17-го июня 1916 г. германским послом в Вене, Чиршким, рейхскацлеру. Доклад этот начинается следующим сообщением:

«Граф Бертольд, после от'езда Его Величества Императора, был приглашен Его Высочеством эрцгерцогом Францем Фердинандом в Конопишт. Министр рассказал мне сегодня, что Его Императорское и Королевское Высочество выразило пред ним свое величайшее удовольствие по поводу посещения Е. В. Он подробно беседовал с Е. В. по всевозможным вопросам и мог констатировать во всем полную согласованность взглядов».

К сожалению, доклад не сообщает, какие это были взгляды. Из дальнейшего мы узнаем только, что много говорили о политике, которую нужно вести по отношению к Румынии. Франц Фердинанд не согласен с румынской политикой Тиссы, так как Тисса не согласен на большие уступки румынам в Венгрии. По этому поводу Вильгельм замечает в одной ремарке:

«Ему не следует своей внутренней политикой, которая в румынском вопросе оказывает влияние на внешнюю политику тройственного союза, ставить последнюю под вопрос».

---

*) Дипломатическая переписка, относящаяся к войне 1914—15 г.

Действительно, венгерская политика по отношению к румынам отнимала у румынского правительства возможность разойтись с Россией и Сербией с тем, чтобы перейти в лоно Австрии и выступить против этих государств.

Непосредственно после свидания в Конопиште венское министерство иностранных дел принялось за составление меморандума, который должен был показать, что настоящее положение дел на Балканах невыносимо, и что Австрия вынуждена выступить против России, замышляющей балканский союз против габсбургской монархии.

Для этой цели Австрия пытается привлечь на свою сторону Румынию. Отношение же последней к Австрии значительно ухудшилось:

«Монархия до сих пор ограничивалась тем, чтобы дружеским путем поставить в Бухаресте вопрос о повороте в румынской политике, в остальном же, однако, не видела для себя оснований делать серьезные выводы из этого, все более отчетливо выявлявшегося изменения курса Румынии.

На венский кабинет в этом решении повлиял в первую голову взгляд германского правительства, что дело идет о переходящих колебаниях, последствиях некоторых недоразумений со времени кризиса, которые автоматически изживались бы, если соблюдать в отношении их спокойствие и терпение. Однако, оказалось, что эта тактика спокойного выжидания и дружественных представлений не имела желательного результата: процесс отчуждения между Австро-Венгрией и Румынией не изживался, а напротив, ускорялся».

Меморандум не сулит никакого «поворота в благоприятном смысле» и «в будущем».

Как в докладе о Конопиште, так и в этом меморандуме на первом плане стоит румынский вопрос. Сербский вопрос почти не затрагивается. Не из-за того, что враждебность Австрии против Сербии стала меньшей, но, несомненно, потому, что сербский вопрос, пока германское правительство настаивает на полюбовном соглашении с Румынией, не наталкивается ни на какие препятствия в Берлине. Австрия, напротив, хочет отказаться от тактики «спокойного выжидания и дружественных представлений» в отношении Сербии и Румынии, а также в отношении России. Последнее государство,—заключает меморандум,—означает опасность не только для австрийской монархии,

но также и для Германии. Россия и ее союзница Франция стремились к тому, чтобы сломить военное превосходство обоих империй, при помощи вспомогательных отрядов со стороны Балкан, и осуществлять свою политику экспансии вопреки германским интересам.

«По этим соображениям руководители иностранной политикой Австро-Венгрии убеждены в том, что общий интерес монархии и не в меньшей степени и Германии требует в настоящей стадии балканского кризиса своевременного и энергичного выступления против систематически намеченного и поощряемого Россией плана, которому впоследствии, весьма возможно, нельзя будет уже противодействовать». (Напечатано в Белой книге, касающейся ответственности зачинщиков войны, июнь 1919 г., стр. 68).

Этот меморандум едва ли можно толковать иначе, как требование на языке дипломатии превентивной войны против царизма.

Опасный документ был как раз закончен, когда разразилась катастрофа в Сараеве.

Из Конопишта наследник престола направился на маневры в Боснию. Как раз на этой только что аннексированной, еще раскаленной земле должны были тогда в присутствии Франца Фердинанда состояться маневры, и в связи с ними, он должен был, подобно завоевателю, совершить торжественное вступление в столицу этой страны. Как бы нарочно, с целью особенно сильно оскорбить национальное чувство, днем вступления в Сараево избрали 28-е июня. Это был «Widow dan»—день святого Витта—день национального траура у сербов. В 1389 г. сербы в этот день потерпели на Коссовом поле ужасное и решающее поражение в битве с угнетавшими их турками; воспоминание о нем продолжает еще до наших дней жить в народных песнях. И как раз в этот день должен был с севера вступить в столицу чужой монарх.

И истинно по старо-австрийски, к провокации присоединили еще бессмысленное легкомыслие.

Если уже допустили наследника престола выставлять себя с такой помпой на показ в стране, где господствующий класс прибегал к ужаснейшему террору и этим создал атмосферу покушений, то, по крайней мере, нужно было позаботиться о его личной охране.

Однако, абсолютно ни о чем не позаботились. Растерянность и легкомыслие были так велики, что после первого не удавшегося покушения допустили, чтобы наследник престола вместе с его женой еще раз проехались по улицам, как бы для того, чтобы сделать их удобной мишенью для второго прицела.

В телеграмме от 3-го июля министр финансов и административный глава Боснии, д-р фон Билинский пред'явил тяжкие обвинения в легкомыслии руководящим кругам Боснии и особенно ее военщине:

«И другие ведомства, кроме юстиции, обнаружили симптомы, которые уже заранее несомненно должны были говорить против путешествия эрцгерцога Франца Фердинанда. Ведь, военному губернатору Фельдцейгмайстеру Потиореку лучше всего известно, что осуществление и проведение путешествия было намечено исключительно с военной точки зрения и исключительно по соглашению между эрцгерцогом и губернатором»...

Меньше всего доктор Билинский мог предполагать, что в эту военную программу должно было входить и не военное посещение Сараева. Если бы доктору Билинскому из докладов губернатора было известно о том, что департамент полиции совсем не дорос до своих задач, то, очевидно, долгом их обоих было при всех условиях расстроить поездку (Гоос. «Венск. кабинет», стр. 46—47).

Вслед эа этим, 13-го июля советник отделения фон-Визнер, посланный в Сараево для ознакомления с следственными материалами дела против убийц, телеграфировал:

«Соучастие сербского правительства в руководстве покушением или в подготовке его и доставке оружия ничем не доказано и даже не может быть хотя бы заподозрено. Больше того, имеются данные, что это предположение должно быть исключено».

Таким образом, виновников этого кровавого деяния следовало искать не в сербском правительстве: за него, несомненно, были ответственны невежество, легкомыслие, наглые, правокационные методы австрийского режима насилия.

Причины, вызвавшие покушение на наследника престола, совпадали с теми, которые вслед за ним вызвали гораздо более ужасное покушение уже непосредственно на всеобщий мир.

Ахилл умертвил 12 троянцев во время тризны в память своего покойнаго друга Патрокла. Для тризны Франца Фердинанда в течение целых четырех лет убивались многие миллионы людей из всех пяти частей света.

Для государей Австрии убийство активнейшего носителя существующего режима должно было послужить предостерегающим «менэ тэкэл», настоятельно требовавшим образумиться. Убийство отчетливо показало, какие плоды принесла насильственная политика и самым решительным образом заставляло заменить эту политику политикой свободы и примирения, как единственной, которая могла придать еще некоторую жизнеспособность разрушающемуся по всем швам государству.

Но когда хоть какой-нибудь насильственный режим обращал внимание на подобного рода «менэ тэкэл»?! Он скорее считал себя вынужденным усилить террор и присоединить еще к насилию над своими кроатскими, боснийскими подданными насилие по отношению к соседнему сербскому государству, с которым решили теперь покончить навсегда. Еще до поступления доклада Визнера о виновности в покушении у власть имущих Вены уже сложилась точка зрения, что сербское правительство должно быть сделано ответственным за это деяние по принципу: «Ничего—еврей будет сожжен!».

9. Монархические убеждения Вильгельма.

Если согласно меморандуму, окончательно составленному еще до покушения, главную заботу Австрии составляла Румыния, то теперь, наоборот, на первый план выступила Сербия. Текст меморандума, лишь мельком касавшийся Сербии, теперь сопровождался пост-скриптумом, в котором говорилось:

«Предлагаемый меморандум был только что закончен, как произошли ужасные события в Сараеве.

Все значение злодейского убийства в настоящее время едва постижимо. Но, во всяком случае, если бы в этом явилась еще необходимость, факт злодеяния несомненно доказывает, как непреодолимы противоречия между монархией и Сербией и как опасно и активно ни перед чем не останавливающееся великосербское движение.

Тем настоятельнее для монархии становится необходимость решительной рукой порвать нити, из которых ее противники хотят сплести сеть над ее головой».

Иными словами, Австрия, или вернее, граф Бертольд и его окружающие были готовы к войне с Сербией, а в случае необходимости—и с Россией.

Как отнеслось к этому германское правительство? До сих пор это было не вполне ясно. Дало ли оно Австрии увлечь себя, не отдавая себе отчета в том, что оно совершает, или оно участвовало в этом вполне сознательно, энергично и охотно?

Позиция германского правительства из-за сараевского покушения существенно изменилась по отношению к австрийской политике на Балканах.

Когда Румыния, в 1913 г., в союзе с Сербией вступила во вторую балканскую войну, Гогенцоллерн - король нашел себе прикрытие с тылу против Габсбургов в Гогенцоллерне-Вильгельме. В это время Рим призывал Вену к выдержке.

Еще 2-го июля 1914 г. Бертольд писал Чиршкому:

«Когда Румыния, не спрашивая нас, напала вместе с Сербией на беззащитную Болгарию, вопреки хорошо известным ей нашим интересам, тогда Германия покрывала своим авторитетом Румынию, давая нам понять, что мы должны держать себя спокойно» («Красная книга», 1919 г., т. I, стр. 19.).

Гнев Австрии после Сараева не направлялся уже против Румынии и Сербии, а сконцентрировался всецело на последней. Сербское же правительство, хотя и монархическое, представлялось теперь Вильгельму поощрителем и зачинщиком убийств монархов.

Его династическое сознание, сдерживавшее раньше Австрию от выступления против Румынии, толкало теперь к агрессивным действиям против Сербии. Здесь играли роль не только монархические принципы, но и личный страх. Ведь, приказал же Вильгельм 2-го июля отменить свой намеченный визит соболезнования в Вену, так как предостережения из Сараева заставили его опасаться, что в австрийской столице его поджидает рота сербских головорезов.

Как только Вильгельм узнал о покушении, он, не задумываясь, тотчас же пришел к тому же мнению, какое выразил тогда Франц-Иосиф в своем собственноручном письме к германскому императору. Письмо, полученное Вильгельмом 5-го июля, гласило:

«Все стремления моего правительства должны быть в будущем направлены к изолированию и умалению Сербии».

Кончалось же оно словами:

«Даже и Ты, после последних ужасных событий в Боснии, принужден будешь согласиться, что нельзя уже и думать об устранении тех противоречий, которые отделяют нас от Сербии. Политика всех европейских монархов, стремящаяся сохранить мир, до тех пор будет находиться под угрозой, пока этот очаг преступной агитации в Белграде будет продолжать безнаказанно существовать».

Еще до прибытия этого письма в Потсдам, Вильгельм, не принимая в расчет возможных последствий, решился уже на то, что Сербия должна быть разгромлена. Сараевские выстрелы воспламенили его монархическое сознание неистовой жаждой кровавой мести по отношению к этому народу убийц. Князь Лихновский находился в дни после покушения в Берлине. Он сообщает об одной беседе с Циммерманом, который замещал тогда отсутствовавшего Ягова:

«Его слова обнаружили, несомненно, дурное отношение к России, которая всюду стоит у нас на пути... Что генерал фон-Мольтке настоятельно требует войны, мне, конечно, не было сказано. Я узнал, однако, о выговоре, полученном Чиршким за его сообщение о том, что он советовал Вене умеренность по отношению к Сербии». («Моя лондонская миссия», стр. 27).

Сообщения Лихновского находят себе подтверждение в документах берлинского министерства иностранных дел. Мы воспроизводим доклад, направленный Чиршким рейхсканцлеру 30-го июня. Он приобретает важность из-за примечаний на полях, сделанных кайзером, которые мы приводим в скобках, отмечая их буквой В:

«Граф Бертольд сказал мне сегодня, что по всем имеющимся признакам нити заговора, жертвой которого пал эрцгерцог, сходятся в Белграде. Дело было так хорошо задумано, что для выполнения преступления умышленно были подысканы совсем молодые люди, к которым могут быть применены только более мягкие меры наказания. (Надо надеяться, что не будут! В). Министр с горечью отзывался о сербских замыслах.

«Здесь, даже со стороны серьезных людей, я неоднократно слыш пожелание, что нужно раз навсегда. - (Теперь или никогда! В.) основательно свести счеты с сербами. Надо прежде всего предъявить Сербии ряд требований, и, если она их не примет, действовать энергично. Я пользуюсь всяким поводом, чтобы сдержанно,

но весьма настоятельно и серьезно предостеречь от необдуманных шагов. (Кто его уполномочил на это? Очень глупо! Это его совершенно не касается, так как это исключительно дело Австрии, думать о соответствующих шагах. После скажут, когда дело пойдет скверно: Германия не хотела!! Пусть Чиршкий соблаговолит оставить этот вздор! С сербами надо покончить, и именно, сейчас. В).

Прежде всего нужно себе уяснить, чего, именно, хотят, потому что я до сих пор слышал лишь весьма неясные намеки. Затем следовало бы тщательно взвесить шансы какого-нибудь выступления и иметь в виду, что Австро-Венгрия не стоит обособленно в мире. Необходимо, на ряду с вниманием, уделяемым собственным союзникам, обязательно принять еще в расчет и обще-европейское положение, специально имея в виду поведение Италии и Румынии во всех вопросах, касающихся Сербии. (Все это само собой разумеется, и представляет собой избитые истины. В)».

Этот документ 4-го июля попал от кайзера обратно в министерство иностранных дел. Таким образом, еще до пред'явления Австрией каких-либо требований, Вильгельм уже предрешил: «с сербами надо покончить, и именно, сейчас». Энергично отстаиваемый книгой Гooса взгляд, будто Германия была неповинна в сербском кризисе и лишь тащилась на буксире за Австрией, которой она больше, чем следовало, доверяла, совершенно не состоятелен.

10. Заговор в Потсдаме.

4-го июля австрийский советник посольства, граф Гойос приехал в Берлин, чтобы передать вышеупомянутое собственноручное письмо императора Франца-Иосифа Вильгельму. Не всегда опасные мысли фиксируются письменно с полной отчетливостью. В письме говорилось о необходимости «умаления» Сербии. Граф Гойос устно растолковал это выражение в том смысле, что под ним нужно понимать раздел Сербии между ее соседями. Гойос, доверенный Бертольда, развивал эти планы рейхсканцлеру и помощнику статс-секретаря Циммерману. Это лишало их всякого повода воздействовать на Австрию в сдерживающем направлении.

Уже упомянутая «Белая книга», июня 1919 г., в действительтельности имеющая своей целью обелить германских политиков, разумеется, замечает:

«Венскому министерству иностранных дел впоследствии было чрезвычайно важно установить, что оно не разделяет чисто-личных взглядов графа Гойоса, заключавших в себе захват сербской территории и даже раздел ее» (стр. 56).

Это сообщение не совсем верно. Министерство, конечно, об'явило, что взгляды графа являются его личными взглядами. Однако, оно никогда определенно не доказало, что придерживалось других взглядов: оно не могло этого сделать уже по той причине, что взгляды г. советника посольства вполне согласовались со взглядами его шефа-министра Бертольда. Венское министерство иностранных дел никогда не обнаружило своих собственных намерений в отношении Сербии. Между тем, если бы даже простое отмежевание от Гойоса дало бы успокоительное раз'яснение относительно австрийских планов, то все же оно произошло позже, лишь после 5-го июля, после того, как австрийский посол в Берлине передал германскому императору собственноручное письмо Франца—Иосифа и были приняты решающие постановления.

Много было разговоров о совещаниях 5-го июля, тем более возбуждавших фантазию всего внешнего мира, чем менее он о них знал. В Потсдаме, якобы, имел место коронный совет, на котором принимали участие эрцгерцог Фридрих, граф Бертольд и Конрад фон-Гецендорф, и где решена была война против Сербии, или даже мировая война. Выше цитированная июньская «Белая книга» доказывает, что это совещание является лишь легендой. В доказательство она цитирует сэра Гореса Рембольдта, состоявшего во время возникновения войны советником английского посольства в Берлине, который считает невероятной возможность такого совещания. Этого мнения он держится не вследствие заверений германского правительства, а вопреки им:

«Привычная лживость германского правительства, в действительности, так велика, что я невольно готов поверить всякому отрицаемому им утверждению».

На это почетное свидетельство ссылается «Белая книга» июня 1919 г. в доказательство невиновности старого германского правительства. Сама же «Белая книга» затем сообщает то, что в

действительности должно было произойти 5-го июля в Потсдаме. Она в существенном повторяет все, что уже сообщалось об этом в майском еженедельнике «Германская политика». Этот рассказ звучит весьма невинно.

Согласно ему, 5-го июля австрийский посол Сэгэни завтракал у кайзера Вильгельма в Потсдаме и передал ему собственноручное письмо своего суверена.

Затем к кайзеру пришли Бетман-Гольвег и Циммерман, замещавший находившегося в свадебном путешествии Ягова, и они «обсуждали политическое положение». На другой день Вильгельм отправился в свое путешествие на север. Явный, мол, признак того, что он не замышлял и не ожидал ничего дурного.

«Белая книга» то же самое сообщает об этом факте, опуская лишь указание на северную поездку. Зато она прибавляет:

«Никаких особых решений не было принято, так как заранее было решено, что невозможно отказать Австро-Венгрии в поддержке, соответствующей обязанностям союзника, при ее попытке получить от Сербии действительные гарантии» (стр. 50).

Последнее, очевидно, также должно звучать невинно, однако, не может означать ничего иного, кроме того, что германское правительство уже во время этого «совещания» находило само собой разумеющимся неизбежность требования со стороны Австрии «действительных гарантий». Известно также, что должно было означать заявление Германии о ее готовности содействовать «согласно обязанностям союзника». Принимать по этому поводу «особые постановления», 5-го июля было вряд ли уже нужно!

«Белая книга» июня 1919 г., очевидно, рассчитывает на детски-наивную публику. В начале своего изложения она выступает против утверждения, будто бы 5-го июля состоялся коронный совет, решивший «войну против Сербии», а по другому варианту—«мировую войну». Однако, этот корректив к изложению лишь сообщает:

1. Что никакого коронного совета не состоялось, а были лишь отдельные беседы.

2. Что не мировая война была решена. О войне же против Сербии не было и речи.

Наконец, говорится:

«Из телеграммы (германского правительства) в Вену от 6-го июля и из собственноручного письма императора Вильгельма от 14-го июля ясно вытекает, что и в Берлине считались с возможностью вмешательства России и с его последствиями, но отнюдь не рассчитывали на какую-либо вероятность всеобщей войны. И как это бесспорно обнаруживают приложенные документы, уж совсем не может быть и речи о намерении зажечь европейскую войну» (стр. 57).

Лихновский сообщает по этому поводу в своих мемуарах:

«Впоследствии я узнал, что во время решающего совещания в Потсдаме 5-го июля, венский вопрос нашел себе безусловное одобрение со стороны всех авторитетных лиц, с оговоркой, что не беда, если из-за этого возникнет война с Россией. Так, по крайней мере, говорится в австрийском протоколе, полученном графом Менсдорфом в Лондоне» (стр. 28).

Граф Сэгэни, австрийский посол в Берлине, сообщает о своей беседе с Вильгельмом 5-го июля следующее:

«По его (императора Вильгельма) мнению, не следует, однако, слишком долго медлить с выступлением против Сербии. Россия, во всяком случае, займет враждебную позицию. Но Вильгельм имеет это в виду уже в течение многих лет, и если бы дело даже дошло до войны между Австро-Венгрией и Россией, то мы можем быть уверены, что Германия по привычной союзнической верности будет стоять на нашей стороне. Россия, впрочем, при данном положении вещей, еще ни в коем случае не готова к войне и, несомненно, должна будет еще хорошенько все взвесить, прежде чем апеллировать к оружию. Однако, она будет всячески подстрекать против нас другие державы тройственного согласия и раздувать пламя на Балканах.

Для него (Вильгельма. А. П.) вполне понятно, что при всем известном миролюбии Его Императорского и Королевского Апостольского Величества ему трудно будет, наверное, решиться на вторжение в Сербию. Но, если бы мы, действительно, признали необходимым выступление против Сербии, то он (император Вильгельм) будет сожалеть, если мы не используем настоящий, столь благоприятный для нас, момент» («Красная книга», 1919, I, стр. 22).

Д-р Гоос пытается поставить под сомнение вменяемость графа Сэгэни. В ту же точку бьют четыре автора меморандума о виновности за возникновение войны в «Белой книге», июня

1918 г.—профессора Ганс Дельбрюк, Мендельсон-Бартольди, Макс Вебер и граф Монжля. Мы еще остановимся на этом обстоятельстве в другой связи, здесь заметим только, что сообщение австрийского посла в Берлине находится в полном соответствии с тем, что мы знаем о тогдашнем образе мыслей Вильгельма: его замечания на полях доклада Чиршкого от 30 июня всецело подтверждают этот факт. По капризу судьбы существует свидетельство, относящееся как раз к тем дням, из которого видно, что на сведения Сэгэни можно положиться. 6-го граф вел переговоры с Бетман-Гольвегом. Последний донес об этом Чиршкому, и одновременно Сэгэни послал доклад о тех же переговорах Бертольду. День спустя Чиршкий имел возможность сопоставить оба доклада. 7-го июля он телеграфировал об этом в министерство иностранных дел.

«Доклады графа Сэгэни вполне совпадают с содержанием доставленной мне существующей телеграммы Вашего Превосходительства от 6-го сего месяца».

Не так-то просто морально покончить с таким невыгодным свидетелем.

Верно, что в своих переговорах Бетман высказывался гораздо осторожнее, чем его император. Но так бывало не раз.

Одно обстоятельство, пожалуй, не маловажно. Сэгэни сообщает, что Вильгельм был очень сдержан перед завтраком. Только после завтрака он разоткровенничался.

О чем кайзер вел переговоры со своими приближенными 5-го июля после этой беседы, нам неизвестно. Однако, надо все-таки поверить июньской «Белой книге», сколь бы мало она ни заслуживала доверия, что намерения вызвать европейскую войну тогда не существовало. «Белая книга» лишь замалчивает тот факт, что австрийцам уже тогда развязали руки в вопросе о войне против Сербии, с риском вызвать этим войну с Россией.

В сущности, германское правительство признало это уже в своей первой «Белой книге», опубликованной в начале войны. Оно тогда заявляло:

«Австрия должна была себе сказать, что несовместимо было бы с достоинством и самосохранением монархии еще дальше пассивно смотреть на бесчинства по ту сторону границы. Императорское и Королевское правительство поставило нас в известность об этой точке зрения и запрашивало нашего мнения. Мы

от всей души могли согласиться с нашим союзником в оценке положения дел и заверить его, что выступление, которое он сочтет необходимым предпринять, чтобы положить конец сербскому движению против существования монархии, получит нашу санкцию. Мы при этом хорошо сознавали, что всякое военное выступление Австро-Венгрии против Сербии может вызвать выступление России и тем самым, в связи с обязанностями союзника— впутать нас в войну» (стр. 3—4).

Действительно, было бы пределом легкомыслия, если бы Бетман и кайзер 5-го июля не заглядывали в будущее и не взвесили бы также возможности европейской войны, провоцируемой их собственными действиями.

Странно, конечно, что при таком угрожающем положении кайзер отправился в свое северное путешествие. Но ясно одно: и самый легкомысленный монарх не отважился бы на поездку, не убедившись заранее в боевой готовности военных сил государства. Уже тот факт, что он после «бесед» в Потсдаме отправился в свое летнее путешествие, указывает на то, что ими было предрешено.

Если Вильгельм и Бетман-Гольвег, как последний заявил об этом сам, обещали свое согласие на «военное выступление Австро-Венгрии», с риском быть впутанным в войну с Россией, то следовало привести себя в боевую готовность еще до того, как Вильгельм отправился навстречу полунощному солнцу.

Поэтому совершенно неудивительно, что имеется «записка помощника статс-секретаря барона фон-дер Бусше, статс-секретарю Циммерману», датированная 30-го августа 1917 г. В ней говорится:

«В тот день, когда австро-венгерский посол в июле 1914 г. вручил Его Величеству Императору переданное графом Гойосом письмо императора Франца-Иосифа, рейхсканцлер фон-Бетман-Гольвег вместе с помощником статс-секретаря Цеммерманом были приняты в Потсдаме. В Потсдаме же у Его Величества состоялось совещание военных чинов. Принимали участие: Его Превосходительство Капелле, вместо Тирпица, капитан Ценкер—от штаба адмиралтейства, представитель военного министерства и генерального штаба.

На всякий случай было решено предпринять подготовительные меры к войне. Затем были отданы соответствующие приказы.—Источник совершенно надежный. Бусше».

На тот же самый факт указывают сообщения, приводимые г. фон-Тирпицом в его «Воспоминаниях» (1919 г., стр. 209). Он сообщает, что Вильгельм при всем своем оптимизме, все же считал необходимым быть готовыми на всякий непредвиденный случай.

«По этой причине он уже 5-го вызвал в Потсдам рейхсканцлера фон-Бетман-Гольвега, военного министра фон-Фалькейнгейна, помощника статс-секретаря министерства иностранных дел Циммермана и начальника военного кабинета фон-Линкера. Решено было при этом—избегать мероприятий, способных вызвать политический скандал или причинить особые затраты».

6-го июля кайзер разговаривал в Потсдаме с Капелле, вместо отсутствовавшего тогда Тирпица.

Это до мелочей совпадает с тем, что пишет Бусше. Этими сведениями, правда, еще не вполне рассеивается мрак, покоющийся над потсдамскими «отдельными беседами». Их, конечно, нельзя было назвать «коронным советом». Напротив, в этот роковой час Вильгельм, по всей вероятности, решал самостоятельно. То, что связано с этим днем, можно было бы лучше всего назвать и военным советом. Его можно было бы назвать и заговором, если не против всеобщего мира, то, по крайней мере, против Сербии и России.

11. Заговорщики за работой.

Давление Вильгельма.

Как подействовала невинная беседа о «политическом положении», состоявшаяся 5-го июля в Потсдаме, на австрийское правительство, обнаружилось уже 7-го июля в заседании об'единенного совета министров (протокол заседания теперь опубликован. «Красная книга» 1919 г., стр. 25—38).

Бертольд начал с заявления, что наступил, мол, момент «раз навсегда обезвредить Сербию». С этой целью он вошел в контакт с германским правительством; последнее обещало свою безусловную поддержку в войне против Сербии.

«Он отдает себе ясный отчет в том, что вооруженное столкновение с Сербией могло бы иметь своим последствием войну с Россией».

Но эта война лучше сейчас, чем позднее, так как Россия становится все сильнее на Балканах.

Тисса согласился с тем, что война с Сербией в настоящее время стала вполне возможной, но он против войны, во что бы то ни стало, как и против об'явления войны без дипломатической подготовки.

«Он никогда не согласился бы на внезапное нападение на Сербию без предварительных дипломатических шагов, как об этом, повидимому, помышляют и как, к сожалению, условились даже в Берлине через графа Гойоса.

Таким образом, в Берлине обсуждалась даже возможность об'явления войны Сербии без всякого ультиматума. Но это намерение было расстроено Тиссой, который прекрасно понимал, что в этом случае заранее поставят себя в положение виновных. Он соглашался на ультиматум, но на осуществимый. Если Сербия его примет, то этим будет достигнут больший дипломатический успех, которым можно удовольствоваться.

После долгих рассуждений, к концу заседания можно было констатировать следующие итоги:

1) Что все собравшиеся желают возможно скорейшей развязки конфликта с Сербией военным или мирным путем.

2) Что совет министров готов был бы присоединиться к мнению королевского венгерского премьер-министра, согласно которому следовало мобилизоваться только после отклонения Сербией поставленных ей конкретных требований и пред'явления ей ультиматума.

Напротив, все присутствовавшие, за исключением королевского венгерского премьер-министра, придерживаются того взгляда, что чисто-дипломатического успеха было бы недостаточно, если бы он даже закончился дипломатическим унижением Сербии. Поэтому Сербии должны быть поставлены такие, далеко идущие требования, отклонение от которых заранее можно было предвидеть, после чего приступить к радикальному разрешению вопроса путем военного вмешательства».

Таков был гнусный план в результате обсуждения «политического положения» в Потсдаме 5-го июля. О нем тотчас же было сообщено в Берлин, в докладе Чиршкого от 8-го июля, в котором, между прочим, говорилось:

«Граф Бертольд сказал, что он, во всяком случае, посоветует своему императору,—если бы последний присоединился к тому взгляду, что Сербии прежде всего должны быть поставлены тре-

бования—сформулировать их так, чтобы принятие их заранее было исключено».

Таким образом, в Берлине с самого уже начала были осведомлены обо всем.

Вильгельм не только санкционировал эту политику, но даже настаивал на скорейшем ее осуществлении. Об этом свидетельствуют уже его замечания на докладах Чиршкого из Вены.

Последний 10-го июля сообщает:

«Совершенно секретно».

«Граф Бертольд сообщает мне о своем вчерашнем докладе в Ишле Его Величеству Императору Францу-Иосифу следующее:

«Его Величество император с большим спокойствием обсуждали настоящее положение. Прежде всего он выразил свою живейшую благодарность за позицию нашего Всемилостивейшего Монарха и императорского правительства и сказал, что он вполне разделяет наш взгляд о необходимости теперь же (подчеркнуто Вильгельмом, К.) притти к какому-нибудь решению, (так как со времени замечания Е. В. прошло приблизительно 14 дней, то это тянется очень долго! Это, ведь, собственно, составлено для обоснования самого решения. В) и покончить с невыносимым положением, создавшимся в связи с вопросом о Сербии. О важности такого решения, добавляет граф Бертольд, Е. В. отдает себе полный отчет.

Вслед затем министр ознакомил императора с теми двумя возможностями, которые принимаются здесь в расчет по вопросу о предстоящем выступлении против Сербии. Его Величество полагали, что из этого противоречия, пожалуй, можно было бы найти выход. Однако, в общем и целом, Е. В. склонялись скорее к мнению, что следовало бы поставить Сербии конкретные требования (И еще какие! И не двусмысленные! В.). Он, министр, не может также не признать преимуществ такого выступления. Этим была бы избегнута дурная слава, которая могла бы пасть на монархию, в случае внезапного нападения на Сербию, и Сербия была бы поставлена в положение неправой.

Вместе с тем это выступление очень облегчило бы, как Румынии, так и Англии, по крайней мере, сохранение нейтралитета.

Главной заботой здесь в настоящее время является формулировка соответствующих требований к Сербии (Для этого

у них было достаточно времени! В). Графу Бертольду очень хотелось бы знать, что думают по этому поводу в Берлине. Он полагал, что, между прочим, можно было бы потребовать учреждения в Белграде органа австро-венгерского правительства для наблюдения оттуда за великосербскими происками, настаивать также на закрытии союзов и на увольнении некоторых (Всех! *) В.) скомпрометированных офицеров. Для ответа должен быть назначен, по возможности, самый краткий срок, пожалуй, 48 часов. Конечно, и этот краткий срок достаточен, чтобы Белград мог запросить инструкций из Петербурга (Гартвиг погиб! В.). Если бы сербы приняли все поставленные требования, то это было бы для Бертольда «чрезвычайно неприятный исход». Он ломает себе голову еще над тем, какие можно было бы поставить Сербии требования, приемлемость которых была бы совершенно исключена (Очистить Санджак! Тогда свалка немедленно налицо! Санджак Австрия должна, во что бы то ни стало, немедленно вернуть себе, чтобы помешать об'единению Сербии с Черногорией и доступу сербов к морю. В).

Наконец, министр снова жаловался на поведение графа Тиссы, затрудняющее ему энергичные действия против Сербии. Граф Тисса утверждает, что нужно действовать по джентльменски. (В отношении убийц и после того, что случилось? В.), но это вряд ли рекомендуется, когда дело идет о столь важных государственных интересах и в особенности по отношению к такому противнику, как Сербия.

Министр охотно будет руководствоваться переданным по телеграфу графом Сэгэни предложением императорского правительства уже теперь настраивать через прессу общественное мнение страны против Сербии. Но это должно, по его мнению, елаться осторожно, чтобы преждевременно не встревожить Сербию.

Военный министр с завтрашнего дня уйдет в отпуск, и барон Конрад фон-Гецендорф временно оставит Вену. Это делается, как сказал мне граф Бертольд, умышленно (Ребячество! В.), во избежание всякой тревоги (Примерно, как

---

*) Непереводимая игра слов: в оригинале сказано „der“, что означает в данном случае—„всех“ в противоположность к „einiger“—„нескольких“.
Примеч. переводчика.

во время силезских войн. Я против военных советов и совещаний, помятуя, что более умеренная сторона всегда одерживает верх. — Фридрих Великий. В.)».

Замечания Вильгельма на полях ясно обнаруживают, с одной стороны, его согласие на то, чтобы сделать невозможной уступчивость со стороны Сербии, и с другой стороны, его нетерпение по поводу медлительности Австрии. Наконец, 13-го июля, инертная австрийская масса, казалось, пришла в движение.

Чиршкий сообщает:

«Министр (Бертольд. К.) теперь сам убежден в том, что рекомендуется действовать скорее (Дважды подчеркнуто Вильгельмом, К.).

Он надеется завтра окончательно сговориться с Тиссой о формулировке предназначенной для Сербии ноты, а затем представить ее императору в Ишле, с тем, чтобы еще до от'езда Пуанкаре в Петербург она могла бы быть немедленно передана в Белград.

Случаю было угодно, чтобы как раз в эти дни президент французской республики посетил царя в его столице. Но еще до того, как Пуанкаре отправился в свое путешествие (это случилось 15-го июля вечером), нота должна была быть отправлена Сербии.

Однако, так скоро австрийцы все-таки не могли раскачаться. Тем временем Бертольд и Вильгельм прежде всего с удовлетворением отметили переход Тисса на их сторону.

Чиршкий телеграфирует 14-го июля «совершенно секретно»:

«Граф Тисса посетил меня сегодня после своей беседы с графом Бертольдом. Граф сказал мне, что он до последнего времени неизменно был одним из тех кто постоянно напоминал об осторожности; но каждый день укреплял его все более в сознании необходимости для монархии придти к энергичному решению вопроса (Безусловно! В.). Этим Австрия докажет свою жизнеспособность и окончательно устранит невозможное положение на юго-востоке. К тому же язык сербской прессы и сербских дипломатов совершенно невыносимы по своей надменности. «Я с большим трудом решился,—сказал министр,—рекомендовать войну, но сейчас твердо убежден в необходимости последней и всеми силами буду отстаивать величие монархии!»

К счастью, сейчас среди влиятельных здесь лиц царит полное согласие и решительность. Как сообщает барон Буриан, беседовавший с Е. В. еще на этих днях в Ишле, Е. В. Император Франц-Иосиф очень спокойно судит о положении, и несомненно, будет твердо держаться до последнего конца. Граф Тисса прибавил, что непоколебимая позиция Германии по отношению к монархии, несомненно, имела большое влияние на твердое поведение императора.

В окончательной редакции нота, предназначенная Сербии сегодня, еще не будет составлена. Это будет сделано только в воскресенье (19-го июля). Относительно времени передачи ноты Сербии, сегодня решили лучше подождать до от'езда Пуанкаре из Петербурга, т. е. до 25 (Какая досада! В.). Но тогда, тотчас же по истечении поставленного срока Сербии, должна последовать мобилизация, если Сербия без возражений не примет всех пред'явленных ей требований. Нота будет так средактирована, что Сербия почти наверняка не сможет ее принять. (Дважды подчеркнуто Вильгельмом. К.). Важно потребовать дел, а не заверений и обещаний. При составлении ноты, по его мнению, надо будет обратить внимание на то, чтобы она была понятна для широкой публики, особенно в Англии—и чтобы вина была ясно и определенно взвалена на Сербию.

Барон Конрад во время последней беседы произвел на него очень хорошее впечатление. Он говорил спокойно и очень решительно. В ближайшее время следует, конечно, быть готовым к тому, что публика опять будет жаловаться на здешнюю нерешительность и медлительность. Однако, это не так важно, если в Берлине знают, что на самом деле дело обстоит не так.

В заключение Тисса горячо пожал мне руку и сказал. «Теперь мы будем сообща и спокойно и твердо смотреть в глаза будущему». (Наконец-то имеешь дело с мужчиной! В.).

Теперь ясно, что предположение, будто Вильгельм является жертвенным агнцем вероломства Бертольда, совершенно несостоятельно. Оба союзника были достойны друг друга.

Каков поп, таков и приход.

18-го июля советник посольства, принц Штольберг-Вернигероде в личном письме г-ну фон Ягову сообщает из Вены:

«Вчера я был у Бертольда, который сказал мне, что нота должна быть вручена в Белграде 23 сего месяца. Бертольд надеется,

как я уже сообщил вчера, что австрийские требования, о которых он подробно не высказывался, не будут приняты Сербией. Однако, он не вполне в этом уверен. У меня создалось впечатление, как из его слов, так и из слов графа Гойоса, что Сербия может еще принять эти требования. На мой вопрос, что будет в том случае, если дело не выгорит, Бертольд ответил, что в таком случае придется при практическом проведении отдельных требований применить далеко идущее вмешательство. Если здесь чистосердечно желают окончательного выяснения отношений с Сербией, как это категорически заявил недавно в своей речи Тисса, то, во всяком случае, непонятно, почему бы не поставить таких требований, которые наверняка сделали бы разрыв неминуемым. Если это выступление пройдет так же безрезультатно, как стрельба в Горнберге *) и завершится только так называемым дипломатическим успехом, тогда здесь окончательно укрепится мнение, уже и ныне преобладающее здесь,— что монархия неспособна больше ни к какому проявлению силы. Какие последствия это могло бы иметь, как внутри страны, так и за границей, ясно, как на ладони.»

Таким образом, господа из германских дипломатических сфер Вены были не вполне довольны Бертольдом и не совсем ему доверяли. Однако, не потому, что последний настаивал на войне, а они его увещевали: они опасались, что «монархия» неспособна уже ни к какому «проявлению силы», и все дело может кончиться вместо веселой войны бескровным дипломатическим успехом.

К сожалению, опасения, которыми поделился германский советник посольства с г. германским статс-секретарем относительно австрийского союзника, были совершенно неосновательны.

Медлительность Австрии.

После того, как 5-го июля германское правительство дало свое благословение на задуманную Австрией войну против Сербии, оно настаивало на скорейшем нападении. Австрия же была тяжела на под'ем.

Это резко противоречило правилам прусского милитаризма, который больше всего придает значение быстроте действий.

---

*) Немецкая поговорка, соответствующая русской пословице: «Гора родила мышь». Прим. переводчика.

Кроме того, медлительность Австрии угрожала также расстроить дипломатический концерт, который клонил к тому, чтобы поставить Европу перед совершившимся фактом, прежде чем она успеет разобраться в случившемся. Сербии, таким образом, затруднена будет возможность столковаться с державами Европы, а державам Европы между собой. Благодаря сумятице и вмешательству, которые должны были наступить, Германия сумела бы ловить рыбку в мутной воде и ослабить опасность об'единения держав против легкомысленных нарушителей мира.

Этим об'ясняется краткий срок—48 часов, в течение которого Сербия должна была дать ответ на ноту.

Но тут оказалось опасным ждать с отправкой ноты, ибо каждый день промедления мог принести новые «неожиданности»—мог разоблачить заговорщиков и тем самым свести на нет их замыслы. Давление Германии после того, как уже дано было ее согласие на войну, становится вполне, таким образом, понятно.

Не столь понятна австрийская медлительность. Отчасти ее, быть может, следует приписать укоренившейся черно-желтой *) небрежности, отчасти связанной с нею медлительности в приготовлениях к войне.

Австрия начала эти приготовления тотчас же после потсдамских решений. Уже 12-го июля Ягов телеграфирует Чиршкому:

«Строго конфиденциально: к сведению графа Бертольда:

«По тайным известиям, Россия и Сербия имеют секретную информацию о том, что Австро-Венгрия незаметно усилила свои гарнизоны на с е р б с к о й и р у с с к о й границах».

Таким образом, Австрия уже тогда предпринимала военные приготовления не только на сербской, но и на русской границе.

Этот факт очень важен из-за толков о различных мобилизациях. Мобилизация,—это самый важный, самый явный, последний акт военных приготовлений, однако, не единственный. Перегруппировка войск, концентрация и транспорт военного снаряжения, обратный призыв уволенных в отпуск офицеров, мобилизация транспортных средств и т. п. могут быть предприняты еще до того, как об'явлена военная мобилизация. Кроме того

*) Черно-желтый—австрийский национальный цвет.

Прим. переводчика.

мобилизация проходит тем скорее и тем успешнее, чем лучше сорганизованы остальные военные приготовления. Центральные державы в этом отношении, в начале кризиса 24-го июля, могли значительно опередить других, так как они, ведь, уже с 5-го июля считались с возможностью войны с Россией.

Несмотря на это, Австрия, повидимомому, далеко не удовлетворяла тому, чего желали от нее германские военные политики. Ведь, об'явила же она войну России, в конце-концов, только 6-го августа, несмотря на то, что она уже 31-го июля отдала приказ о всеобщей мобилизации. К этому прибавились еще недоразумения между дипломатами двуединой монархии Австро-Венгрии, столь мало представлявшей из себя единое целое, что политики ее не знали для нее иного лучшего названия, чем «монархия».

Уже 5-го июля Бертольд получил в Потсдаме разрешение на войну против Сербии, но лишь 14-го июля Чиршкий мог сообщить, что и Будапешт дает на нее свое неограниченное согласие. И тут только венские министры сделали попытку столковаться между собой относительно намерений Австрии против Сербии. Удивительно, что в Берлине до этого момента не ощущали потребности заранее точно выяснить себе цели войны, которую уже санкционировали и на начале которой настаивали.

Лишь 17-го июля Ягов телеграфировал Чиршкому:

«Как известно Вашему Превосходительству из прочитанной Вами записи графа Гойоса о его беседе с статс-секретарем, граф Гойос заявил здесь, что Австрия вынуждена расчленить Сербию.

Граф Бертольд и граф Тисса по этому поводу заметили, что приведенное заявление отражает лишь личный взгляд графа Гойоса, и, таким образом, определенно не солидаризировались с ним; в то же время они не сказали, повидимому, ничего большего о своих территориальных планах.

Для дипломатической подготовки по поводу конфликта с Сербией немаловажно было бы с самого начала его знать, каковы представления австро-венгерских дипломатов о будущей конфигурации Сербии: этот вопрос будет иметь существенное влияние как на поведение Италии, так и на общественное мнение, на поведение Англии.

Несомненно, следует считать само собою разумеющимся, что ход событий мог повлиять и видоизменить планы дипломатов Дунайской монархии, все же следовало бы предполагать,

что венский кабинет уже составил себе общую картину намеченных целей и в территориальном отношении. Соблаговолите, Ваше Превосходительство, попытаться в разговоре с графом Бертольдом получить по этому поводу раз'яснение, избегая при этом впечатления, будто мы хотели заранее воспрепятствовать австрийскому выступлению или предписать ему известные границы и цели. Нам было бы лишь важно в известной мере быть ориентированными в том, куда этот путь, пожалуй, может привести».

Это письмо, несомненно, в высшей степени странно.

Подумайте только! 5-го июля германское правительство санкционирует войну с Сербией, сознавая, что она может превратиться в мировую войну. С этого времени оно настаивает на внезапном нападении, а 17-го статс-секретарь министерства иностранных дел в Вене робко запрашивает, может ли он быть «в известной мере ориентированным» о том, куда этот путь войны, «пожалуй, может привести».

И он не спрашивает об этом, даже для того, чтобы сообразовать свои собственные решения—Австрия сейчас, как и позднее, сохраняет свободу действий—а лишь для того, чтобы быть в состоянии правильно дипломатически «действовать» в отношении Англии и Италии.

Берлин никогда по этому поводу не получил от Вены вполне ясного ответа уже по той простой причине, что там сами не знали, «куда этот путь должен был привести». Обе центральные державы вызвали ужаснейшую из войн, не отдавая себе даже отчета о своих задачах и целях.

Ответ должен был быть дан 19-го июля в Вене на заседании об'единенного совета министров о «предстоящем дипломатическом выступлении против Сербии». На этом заседании должны были установить цели войны, которой решено было добиваться. Тогда же граф Тисса выставил требование, чтобы с выступлением против Сербии не были связаны какие-либо завоевательные планы монархии. По его мнению, следует ограничиться исправлениями границ, обусловленными военными соображениями. Он требовал на этот счет единогласного постановления. Как мадьяр, он против какого-либо увеличения числа сербов в монархии. Граф Бертольд держался иного мнения.

Он считал возможным присоединиться к мнению Тиссы только с известной осторожностью. И он согласен с тем, что

Австро-Венгрия не должна аннексировать у Сербии никакой территории; но что Болгария, Греция, Албания, и, быть может, Румыния должны быть наделены возможно большими территориями. Сербия должна быть уменьшена настолько, «чтобы она не была более опасной». Ситуация на Балканском полуострове может, однако, измениться. Может случиться, «что при окончании войны мы уже не в состоянии будем избежать каких-либо аннексий».

Очевидно, взгляды, развитые графом Гойосом 5-го июля в Берлине, были не только его личными взглядами, но в такой же мере отражали взгляды графа Бертольда.

Граф Тисса, однако, не признавал оговорки графа Бертольда. Граф Штюрк полагал, что и в случае, если бы оккупация частей сербской территории была немыслима, то можно было бы путем смены династии, военной конвенцией, или другими соответствующими мероприятиями гарантировать себе безопасность. В виду того, что военный министр выразил готовность одобрить ограничение аннексии стратегическими исправлениями границ и продолжительной оккупацией предмостного укрепления на том берегу Савы, собравшимися министрами было вынесено единогласное постановление:

«Тотчас же в начале войны заявить другим державам, что монархия не ведет никакой завоевательной войны и не имеет в виду присоединить королевство (Сербию). Естественно, что этим решением не исключаются стратегически необходимые исправления границ, уменьшение Сербии в пользу других государств и могущие понадобиться временные оккупации сербских территорий» («Красная книга» за 1919 г., стр. 65—67).

Из всей этой программы державам предусмотрительно сообщили лишь первый пункт, что «монархия» не ведет «никакой завоевательной войны». Но тщательно скрыли от всех дальнейшие пункты, заключавшие, в действительности, в себе программу графа Гойоса, в которой они не признавались. Скрытые пункты не исключали также оговорки графа Бертольда, так тонко облеченной им в слова: «при окончании войны мы уже не в состоянии будем избежать каких-либо аннексий».

Удивительно, что Тисса вполне согласился с этим заключением. Оно, правда, не ставило целью войны завоевание, зато целью его, несомненно, было уничтожение Сербии. Вот

куда, таким образом, должен был, пожалуй, привести «этот путь», согласно намерениям австрийских вершителей государства.

Куда он, действительно, вел, об'яснил 16-го июля граф Лихновский рейхскацлеру в великолепном докладе, приводимом здесь полностью.

Лихновский писал:

«С точки зрения графа Бертольда совершенно понятно его стремление поправить свое сильно пошатнувшееся из-за бухарестского мира положение и уменьшившееся отпадением Румынии влияние монархии на Балканах путем использования настоящего сравнительно благоприятного случая для вооруженного столкновения с сербами. Как известно, руководящие военные круги Австрии уже давно настаивали на укреплении престижа монархии путем войны. В одном случае это была Италия, которую следовало отучить от ее ирредентизма*), в другом случае—Сербия, которая военными подвигами, в духе принца Евгения**), должна была быть принуждена к покорности и лучшим нравам. Я, конечно, разделяю эту точку зрения австрийских государственных деятелей и на их месте, пожалуй, уже раньше использовал бы сербские смуты для разрешения югославянского вопроса в духе Габсбургов.

Однако, первой предпосылкой подобной политики должна явиться ясная программа, покоящаяся на признании, что настоящее государственное и международно-правовое состояние внутри сербско-кроатской семьи народов на продолжительное время непрочно. Положение, при котором одной частью этой нации, раз'единенной лишь из-за религии, а не из-за расы, наделяют австрийское государство, другой частью—венгерское, третьей—двуединую монархию, и, наконец, четвертой и пятой независимым королевствам, долго удержаться не сможет.

Стремление удержать при всех условиях священное status quo по соображениям удобства приводило уже неоднократно, как, например, при последнем балканском кризисе, к полнейшему крушению построенного на этих основаниях политического карточного домика.

---

*) См. страницу 63.

**) Знаменитый австрийский полководец, совершивший в 1716—1717 г. поход на Белград и принудивший Сербию к покорности.

Примеч. переводчика.

Прежде всего я сомневаюсь в том, чтобы в Вене был задуман широко об'емлющий план, который представлял бы из себя единственную основу для прочного урегулирования юго-славянского вопроса—я имею в виду тройственный союз со включением Сербии. Исходя из моего знакомства с местными отношениями, я даже не представляю себе, чтобы в состоянии были произвести подобную государственно-правовую реорганизацию монархии. Ведь, для этого прежде всего нужно было бы преодолеть сопротивление Венгрии, которая самым решительным образом воспротивилась бы своему отступлению от Кроации и Фиуме. Для проведения такой программы Вене помимо всего недостает также подходящей энергичной личности. Там, напротив, стараются удовлетворить лишь потребности момента и довольны, когда многочисленные политические затруднения, никогда не прекращающиеся, вследствие разнородности состава государства, улажены настолько, что есть надежда еще несколько месяцев «тянуть канитель».

Поэтому военное наказание Сербии никогда не имело бы целью или следствием удовлетворительное разрешение необычайно трудного юго-славянского вопроса. В лучшем случае, оно сопровождалось бы тем результатом, что с трудом улаженный восточный вопрос стал бы снова на очередь, чтобы доставить Австрии моральное удовлетворение.

Будут ли в этом случае Россия и Румыния держаться пассивно, оставляя Австрии свободу действий, Ваше Превосходительство в состоянии судить лучше, чем я. По моим здешним впечатлениям, а особенно, после моих конфиденциальных бесед с сэром Эдуардом Греем, я полагаю, что высказанные мною недавно в Берлине взгляды о намерениях России по отношению к нам оказались правильными. Сэр Эдуард Грей уверяет меня, что в России не думают о войне с нами. Подобное же говорит мне мой кузен граф Бенкендорф. В России время от времени систематически появляется известное анти-германское настроение, как следствие славянского национального чувства.

Но этому настроению, однако, противостоит сильная германофильская партия. Ни император, ни кто-либо из влиятельных лиц не насторены антигермански и со времени урегулирования вопроса о Лиман-паше не возникало никаких серьезных осложнений. Граф Бенкендорф, напротив, открыто признал, что в России существует сильное анти-австрийское настроение. Однако,

там никто не думает о захвате австрийских территорий, как, например, Галиции.

Будет ли возможно при подобном настроении воздействовать на русское правительство, чтобы оно держало себя пассивным при австро-сербском военном столкновении, я не в состоянии судить. Однако, я с полной категоричностью могу заявить, что в случае войны не удастся оказать влияние на местное общественное мнение, в пользу Сербии, даже взывая к кровавым теням Драги *) и ее любовника, убийство которых уже давно забыто здешним обществом. Оно принадлежит поэтому к тем историческим событиям, с которыми,—поскольку речь идет о небританских странах,—здесь вообще мало знакомы,—меньше, чем у нас, примерно, обыкновенный гимназист четвертого класса.

Однако, я далек от того, чтобы настаивать на отказе от нашего союза или от нашего союзника. Я считаю союз, вошедший в плоть и кровь обоих государств, необходимым, и рассматриваю его, уже из-за многих немцев, проживающих в Австрии, естественной формой их родства с нами.

Меня лишь интересует, следует ли нам поддерживать нашего союзника или же согласиться на политику, которую я считаю авантюристской, так как она не приведет ни к радикальному разрешению проблемы, ни к уничтожению велико-сербского движения. Если императорская и королевская полиция и боснийские государственные власти вели наследника престола через «аллею бомбометчиков», то я не вижу в этом достаточного основания для того, чтобы мы из-за австрийской политики пандуров **) рисковали «пресловутым померанским гренадером» ***); такой политикой лишь усилилось бы австрийское высокомерие, ставящее себе в данном случае, как это показала эра Эренталя, главнейшей задачей—освобождение по возможности из-под берлинской опеки.

Однако, если бы даже наше политическое поведение действительно определилось взглядом, что после нанесения

---

*) Сербская гражданка Драга Машин, морганатическая жена сербского короля Александра I (1889—1903 г.г.). Убита в 1903 г. вместе с Александром I сербскими офицерами заговорщиками.

**) Венгерские отряды, сформированные из разбойничьих банд.

***) Бисмарк после войны 1871 г. сказал, что «из-за Балкан Германия не пожертвует ни одной костью померанского гренадера».

Примечания переводчика.

«смертельного удара» велико-сербскому движению, счастливая Австрия *), освобожденная от этой заботы, будет нам благодарна за оказанную ей помощь, то я не удержался бы от следующего вопроса: «разве национальное движение в Венгрии было раздавлено после усмирения венгерского восстания с помощью императора Николая после частого применения виселиц и покорения Венгрии при Виллагош (под верховным командованием императорского генерала Гейнау), и разве спасительный подвиг царя создал тесное и полное доверие взаимоотношений между обоими государствами?».

Так писал Лихновский 16-го июля. Разумеется, все его предостережения имели обычный результат пророчества Кассандры. Их абсолютно не понимали.

Между тем настал срок от'езда Пуанкаре в Петербург, а нота Сербии не была еще отправлена. Поэтому решили, как мы уже видели, ждать с передачей до от'езда Пуанкаре из Петербурга. Об этом Чиршкий сообщил 14-го июля:

«После того, как граф Тисса ушел от меня, граф Бертольд пригласил меня к себе, чтобы со своей стороны сообщить мне результат сегодняшнего разговора. К его великой радости, достигнуто, мол, всестороннее согласие относительно существа предназначенной для Сербии ноты. Граф Тисса, к радости министра, пошел навстречу его точке зрения и даже в некоторых пунктах усилил ее. Во всяком случае, в техническом отношении оказалось невозможным передать ноту в Белград уже 16-го или 18-го.

В сегодняшнем разговоре существовало единодушие относительно того, что рекомендуется, во всяком случае, прежде чем предпринять шаги в Белграде, обождать до от'езда г-на Пуанкаре из Петербурга (Ж а л ь! В.). Следует, по возможности, избегать, чтобы в Петербурге под настроением шампанского и под влиянием господ Пуанкаре, Извольского и великих князей не было торжественно отпраздновано братание, которое затем может повлиять на позицию обеих держав и, быть может, даже ее опре-

---

*) Девиз Габсбургов гласил:

«Bella gerunt alii	«Войны ведут другие,
Tu, felix Austria, nube,	Ты, счастливая Австрия, заключай браки,
Namque Mars aliis	Ибо Марс приносит могущество другим.
Dat tibi regna Venus».	Тебе же—Венера».

Примеч. переводчика.

делить. Хорошо, если тосты будут опорожнены после передачи ноты. Передача, таким образом, сможет произойти 25-го июля.

Граф Бертольд, как и граф Тисса, убедительно и многократно просили меня раз'яснить моему правительству, что исключительно пребывание Пуанкаре в Петербурге является причиной отстрочки передачи ноты в Белград: в Берлине могут быть вполне уверены в том, что о медлительности или о нерешительности здесь нет и речи».

Эти постоянные заверения, что Берлин может полагаться на готовность Вены к войне, очень характерны.

В Венском совете министров от 19-го июля Бертольд также заявил, что он против всякого ненужного откладывания: «вследствие того, что уже теперь начинают нервничать в Берлине и сведения о наших намерениях проникли уже в Рим, он не может ручаться за нежелательные инциденты в случае дальнейшего откладывания Конрад фон-Гецендорф настаивает на спешке. Военный министр заявляет: «для мобилизации все готово»!

Следовательно, ноту хотели передать сейчас же, как только будет возможно, но не раньше, чем французский президент оставит Россию. Забавно видеть, с какой тщательностью изучается маршрут Пуанкаре, и как один из заговорщиков делится с другим своими наблюдениями за передвижениями ни о чем не подозревающего путешественника.

17-го июля из Вены сообщают, что ноту передадут уже 23-го июля, так как в этот день Пуанкаре покинет Петербург. Но тут стал важен даже и час от'езда.

21-го июля штаб адмиралтейства доносит Ягову, что от'езд из Кронштадта назначен на 23-е, в 10 часов вечера. В этот же день Ягов запрашивает по телеграфу посла в Петербурге:

«В котором часу предвидится в четверг от'езд президента из Кронштадта?»

22-го Ягов телеграфирует в Вену:

«Я спрашивал у графа Пурталеса о программе визита Пуанкаре. Граф сообщает, что президент в четверг вечером в 11 часов уезжает из Кронштадта. Это по средне-европейскому времени в 9 час. 30 мин. Если шаги будут предприняты в Белграде завтра в 5 час. пополудни, то они, следовательно, станут известны в Петербурге еще во время пребывания Пуанкаре».

На это Чиршкий 23-го отвечает:

«Императорское Королевское правительство благодарит за информацию. Барону Гизлю поручено задержать на час с передачей».

Так случилось то, что нота была передана 23-го в 6 часов вечера.

Отсюда видно, какие заботы терзали австрийских и германских министров перед началом мировой войны.

Ложный расчет.

Решено было напасть на сербов внезапно, чтобы поставить Европу, прежде чем она вполне успеет придти в себя, перед совершившимся фактом, с которым она легче всего примирилась бы. Таким образом, надеялись неожиданным об'явлением войны сохранить всеобщий мир.

Эта была своеобразная мирная политика. Тем не менее германская «Белая книга», июня 1919 г. смеет еще заверять о мирных намерениях имперского правительства с 1914 г. Они, мол, явствуют из того, что правительство, правда, принимало во внимание возможность войны с Россией, но не расчитывало на вероятность всеобщей войны.

Правительство даже надеялось, что Россия снова, как это уже было при прежнем балканском кризисе, даст себя запугать, когда ее захватят врасплох, поставят перед совершившимся фактом и не уступят. В остальном полагались на свое счастье.

Еще 28-го июля барон Байян сообщал из Берлина:

«В Вене так же, как и в Берлине, были убеждены в том, что Россия не в состоянии вести европейскую войну, и что она не посмеет впутаться в такую ужасную авантюру, несмотря на недавно происшедший обмен официальных заверений между царем и Пуанкаре о полном вооружении армий двойственного союза. Тревожное положение внутри страны, революционные происки, недостаточное вооружение, несовершенные пути сообщения—все эти обстоятельства заставляют российское правительство беспомощно взирать на экзекуцию над Сербией. Такого же презрительного мнения держались, если не о французской армии, то, во всяком сдучае, о духе, царящем в правительственных кругах Франции...

Мнение, что Россия не доросла еще до европейской войны, господствует не только в лоне кайзерского правительства, но также и среди немецких промышленников, специальностью кото-

рых были военные поставки. Так, например, наиболее компетентный из них г. Крупп фон-Болен уверял одного из моих коллег, что русская артиллерия в плохом состоянии, недостаточно пополнена, между тем как германская никогда не была в более прекрасном состоянии. При этом он еще добавил: «для России было бы безумием при этих условиях об'явить Германии войну».

Это донесение Байяна подтверждается, с одной стороны, выше приведенным сообщением Сэгэни о состоявшемся 5-го июля его разговоре с Вильгельмом, с другой стороны—тем, что рассказывает Тирпиц в своих воспоминаниях от 6-го июля:

«По соображениям, сообщенным им (кайзером Вильгельмом) утром 6-го июля в парке потсдамского нового дворца моему заместителю по должности, кайзер не считал вмешательство России в пользу Сербии вероятным. Царь, мол, не поддержит цареубийц, да к тому же Россия в настоящее время в военном и финансовом отношении не способна к ведению войны. Затем кайзер в довольно сангвинистических тонах высказал предположение, что Франция будет сдерживать Россию, в виду неблагоприятного финансового положения Франции и ее нужды в тяжелой артиллерии. Об Англии кайзер не говорил. Об осложнениях с этим государством, вообше, не упоминалось» (стр. 209).

В подобном же смысле высказался Ягов 18-го июля в письме к Лихновскому:

«Чем решительнее проявит себя Австрия, чем энергичнее мы ее поддержим, тем вероятнее, что Россия останется спокойной. Конечно, дело не обойдется без некоторой трескотни в Петербурге, но, по существу, Россия теперь небоеспособна. Франция и Англия в настоящее время также не пожелают войны. По всем компетентным сображениям, Россия через несколько лет станет боеспособной. Тогда задавит она нас числом своих солдат, а ее балтийский флот и ее стратегические железные дороги будут уже построены. Наша группа держав тем временем становится все слабее. В России об этом прекрасно знают и потому на несколько лет стремятся к абсолютному покою. Я охотно верю Вашему кузену Бенкендорфу, что Россия в настоящее время не желает никакой войны с нами. То же самое утверждает и Сазонов. Но правительство России, еще сегодня миролюбивое и наполовину дружественное к немцам, становится все слабее, настроение же славянских кругов—все более герма-

нофобским... Я вовсе не хочу какой-либо превентивной войны. Но когда борьба напрашивается, нам нельзя отступать».

Следовательно, Ягов не думает, что Россия в данный момент сможет и будет вести войну. Он даже не хочет насильственно навязать превентивную войну. Если же она, паче чаяния, разразится, то это будет, в действительности, счастьем для германской империи и ее союзника.

Таково было в те дни мнение, широко распространенное не только в Австрии, но и в Германии. Сейчас же после начала войны Пауль Рорбах, пангерманский корифей, хорошо осведомленный о затеях германского генерального штаба, заявил:

«Наше, т.-е. Германии и Австро-Венгрии, главное опасение на этот раз заключалось в том, чтобы временная и мнимая уступчивость России не заставила нас морально ждать, пока Россия и Франция действительно успеют подготовиться» («Война и германская политика». Дрезден, издательство «Величайшая Германия», стр. 82—83).

Для военных вожделений этих кругов характерно, что когда война, действительно, разразилась, пангерманские круги встретили ее не исполненные боязни или печали, не как ужасную катастрофу, а с ликованием, как избавление.

7-го июня 1915 г. баварский король рассказывал:

«Вслед за об'явлением войны Россией последовало об'явление войны и со стороны Франции, и когда, наконец, на нас напали еще англичане, я сказал:

«Я рад этому, и рад потому, что мы теперь сможем свести счеты с нашими врагами: получим, наконец, прямой выход от Рейна к морю».

Таково было миролюбие германских государей при начале войны. Но, несомненно, не все были столь глупы и ветрены, чтобы мечтать о войне. Влиятельные лица из министерства иностранных дел «рисковали» войной, надеясь, однако, что и теперь повторится то же самое, что было в 1909 и 1913 годах, когда Россия ретировалась из-за недостатка в вооружении. Они не принимали в расчет, что российская империя на этот раз будет подвергнута особенно жестокому испытанию: она должна будет, не обнажив меча, отказаться от всех своих политических позиций на Балканах, и последние полностью предоставить Австрии.

Между тем, если действовать внезапно, не дать России времени столковаться со своими друзьями, тогда легче всего будет «мирным путем» поставить ее на колени. Но если бы она, паче чаяния, вздумала защищаться, то и в военном отношении создавались бы более благоприятные перспективы при условии лишения противника из-за краткости срока возможности подготовки.

Усыпление Европы.

Общественное мнение, на всякий случай, нужно было усыпить вплоть до того момента, когда можно будет произвести нападение. Это было не так-то просто. С одной стороны, нужно было убаюкать заграницу, и одновременно поднять воинственное настроение собственного народа; последнее необходимо было безусловно, если с самого же начала не хотели быть парализованными в своих действиях. С другой же стороны, каждый из обоих союзников, повидимому, не вполне доверяли друг другу. Каждый из них тотчас же подозревал вялость у другого, как только пресса переставала энергично подогревать общественное мнение.

Это обстоятельство служило причиной многих назидательных инструкций:

Так, 18-го июля Ягов телеграфировал Чиршкому:

«Норддейче» *) поместит завтра заметки по поводу австрийско-сербского спора, которые, считаясь с европейской дипломатией, средактированы умышленно мягко. Этот высоко официозный орган не должен преждевременно бить тревогу. Прошу позаботиться о том, чтобы молчание «Норддейче» не было ложно истолковано, как-будто Германия менее решительно настроена, чем Австрия».

Еще до этого, 15-го июля, Бертольд писал в Берлин Сэгэни:

«Этой проволочкой, которая неприятна и нам, нетрудно об'яснить и поведение нашей официозной прессы.

Мы должны в данный момент, с одной стороны, воспрепятствовать охлаждению благосклонного нашей политике общественного мнения монархии и, с другой стороны,—не дать возникнуть у других держав мыслям о посредничестве, вследствие все более решительного тона нашей прессы».

---

*) „Norddeutsche Allgemeine Zeitung"—„Северо-Германская всеобщая газета"—официозный орган. Примеч. переводчика.

К регулированию тона прессы прибавились еще и другие средства успокоения европейского общественного мнения. В первую очередь, это был от'езд руководителей военной политики. Мы уже видели, что военный министр и начальник генерального штаба Австрии были отправлены в отпуск с определенной целью ввести в заблуждение Европу.

Вильгельм квалифицирует эти меры, как ребячество, но это довольно странно, ибо сам он, ведь, тогда ушел в отпуск.

Тут следует еще раз остановиться на тех таинственных беседах, которые Вильгельм вел пред своим путешествием на север.

Беседы эти велись чрезвычайно конспиративно, чтобы преждевременно не сеять тревоги. О строгой конспирации свидетельствует заключительная фраза записок Бусшэ — августа 1917 г.: «Источник вполне надежный». Следовательно, дело шло не об общеизвестном в правительственных кругах факте, а об известном лишь немногим близким лицам.

Если бы общественное мнение узнало хотя бы что-нибудь о военном совещании 5-го июля, то о нем тотчас же раззвонили бы повсюду, и весь мир неожиданно узнал бы о том, что было задумано на этих совещаниях. Как бы ни сделалось необходимым вследствие немедленного от'езда Вильгельма в свою северную поездку свидание с военными чинами сейчас же после его беседы с Бетманом, не менее необходимо было также тщательнейшее сохранение тайны об этом свидании.

Эта северная поездка была намечена заранее. Отсрочка ее могла вызвать подозрение. Она стала теперь тоже средством внушить общественному мнению, что Европе не грозит никакой опасности. В самом деле, могла ли возникнуть даже мысль о серьезности положения, если сам германский император предпринял прогулку со своим флотом на север!

7-го июля Вильгельм отправился в свое путешествие, из которого возвратился лишь 27-го. Разумеется, во время своего путешествия он находился в постоянной связи с Берлином. Стремление усыпить общественное мнение Европы приводило иногда к анекдотическим инцидентам. Так 11-го июля граф Ведель, находившийся при свите кайзера, телеграфирует из Берлина:

«При ознакомлении с редактированным министерством иностранных дел черновиком обычной поздравительной телеграммы

к завтрашнему дню рождения короля Сербии, Его Величество поручили мне запросить Ваше Превосходительство, является ли такая телеграмма в данный момент необходимой и удобной».

На что Ягов отвечает:

«Так как Вена не предприняла еще никаких шагов в Белграде, то отказ от посылки обычной телеграммы чересчур поразил бы и, быть может, привел бы к преждевременному беспокойству. Поэтому поддерживаю отправку телеграммы».

Итак, пока что смиреннейше молили небеса о ниспослании всяких благословений на возлюбленного брата, которого изображали кровавым убийцей и которому мечтали вонзить нож в спину. Сколь бы много удовольствий ни сулила прогулка до начала великой бойни, в конце концов, когда решительный момент стал приближаться, Вильгельм начал нервничать. Рейхсканцлеру важно было по возможности более продолжительное отсутствие кайзера, чтобы не тревожить Европу, и не дать ей возможности почуять беду. Вильгельм же, напротив, стал опасаться, как бы горящий фитиль не вызвал преждевременного взрыва: тогда он со своим флотом у норвежских берегов очутился бы в руках англичан, и Россия уже с самого начала войны получила бы свободу действий на Балтийском море. Кайзер настаивал на скорейшем возвращении.

18-го июля Ягов просит графа Веделя дать точные сведения насчет маршрута «Гогенцоллерн» *) и прибавляет:

«Желая локализовать возможный конфликт между Австрией и Сербией, мы не должны тревожить мир преждевременным возвращением Е. В. С другой стороны, следовало бы, чтобы император находился постоянно поблизости на случай непредвиденных событий, могущих потребовать важных и для нас решений (мобилизаций). Быть может, также следовало бы подумать об отправке к концу путешествия крейсера в Балтийское море».

19-го июля Вильгельм издает приказ, чтобы флот к 25-му был стянут в одно место, «дабы—распоряжение об окончании путешествия могло быть быстро выполнено».

Бетман, находившийся во время этого кризиса не в Берлине, а в Гогенфинов **) (Тоже ради успокоения нервов Европы?), телеграфирует 21-го министерству иностранных дел:

---

*) Название яхты, принадлежавшей Вильгельму.

**) Название поместья, принадлежавшего канцлеру. Примеч. переводчика.

«Приказ Е. В. о том, чтобы флот вплоть до 25-го был стянут в одно место, заставляет меня опасаться, что, в случае отклонения ультиматума, из Бальмгольца (где кайзер находился) может быть издан приказ о передвижениях флота, который обратит на себя внимание. С другой же стороны, в случае кризиса, неправильное местонахождение флота может стать роковым!».

Кроме этого Бетман запросил на этот счет мнения штаба адмиралтейства. Последний ответил 22-го июля, что, в случае об'явления Англией войны, можно «определенно предвидеть нападение английского флота на наш».

Ягов посылает успокоительную телеграмму рейхсканцлеру, что Англия настроена совсем мирно: по ее флоту, стянутому на маневры, 27-го отдан приказ разойтись.

Затем, 23-го рейхсканцлер телеграфирует графу Веделю, что австрийская нота «сегодня пополудни» будет вручена, срок же ультиматума истекает 25-го. Германия пока заявит, что она в этой истории не при чем.

«Только вмешательство других держав может вовлечь нас в конфликт. Вряд ли можно предполагать, что это случится немедленно, в частности, что Англия тотчас же решится на интервенцию: само уже путешествие президента Пуанкаре должно отсрочить все решения, так как он, оставляя сегодня вечером Кронштадт, посетит 25-го Стокгольм, 27-го Копенгаген, 29-го Христанию и 31-го прибудет в Дюнкирхен.

Английский флот должен, согласно сообщениям штаба адмиралтейства, 27-го разойтись по своим стоянкам. Преждевременное возвращение нашего флота могло бы вызвать всеобщее беспокойство; особенно в Англии оно показалось бы подозрительным».

Однако, Вильгельм не доверяет этому затишью пред бурей. 25-го он отдает приказ по флоту—быть готовым к немедленному возвращению. Бетман заклинает кайзера подождать еще, чем приводит своего повелителя в ярость. Телеграмма рейхсканцлера с добавлениями Вильгельма гласит:

«Начальник штаба адмиралтейства сообщает мне, что В. В., принимая во внимание телеграмму Вольфа (Неслыханно! В.) дали приказ по флоту о немедленном приготовлении его к возвращению (Возмутительное притязание! Мне и в голову не пришло!!! Исключительно на основании донесения моего посланника о мобилизации в

Белграде! Это может вызвать мобилизацию России, во всяком случае, повлечет за собой мобилизацию Австрии! На этот случай мои сухопутные и морские вооруженные силы должны быть сконцентрированы. А в Балтийском море—ни единого судна!!. Я привык обычно в моих военных распоряжениях руководствоваться не какой-то телеграммой Вольфа, а общим положением; последнего же гражданский канцлер («Гражданский» кайзером подчеркнуто. К.) еще не постиг. В.).

Адмирал фон-Поль, наверное, представил уже В. В. донесения морского атташе в Лондоне и доверенного флота в Портсмуте, согласно которым английский флот не предпринимает никаких подозрительных передвижений (Ему и не нужно. Он уже в боевой готовности и мобилизовался, как это только что показал смотр! В.) а, наоборот, планомерно проводит заранее намеченные дислокации.

Так как все прежние донесения В. В. посла в Лондоне показывают, что сэр Э. Грэй, по крайней мере, пока не думает о прямом участии Англии в могущей возникнуть европейской войне и предполагает настаивать на возможной локализации австро-венгро-сербского конфликта, смею верноподданнейше ходатайствовать, чтобы В. В. пока не издавали никакого приказа по флоту о его преждевременном возвращении. (В момент мобилизации России мой флот должен быть уже в Балтике,—следовательно, он отправляется домой. В.).

26-го июля Бетман еще раз умолял своего императора «оставаться еще пока в Норвегии, так как это в значительной степени облегчит Англии предполагаемое ею посредническое выступление в Петербурге, где, повидимому, имеются колебания». По этому поводу Вильгельм замечает:

«Откуда это (колебания Петербурга) следует? Из представленного мне материала—ни в коем случае!»

А уже раньше по поводу просьбы остаться в Норвегии он замечает:

«Ведь, существует русский флот! В Балтийском море в учебном плавании находятся теперь 5 русских минных флотилий, которые целиком или частично стоят всего в 16-ти часах от Белтов и могут их блокировать. Порт-Артур должен же по-

служить уроком! Мой флот получил приказ отправиться в Киль, и туда он и направляется!»

Очевидно, Вильгельм расчитывает, что тотчас же после вручения ультиматума Сербии мировая война немедленно разразится. Поэтому он наперекор Бетману поспешно отправляется домой. Свое активное вмешательство в военную политику кайзер начинает с ругательств по адресу своего собственного, «смеющего верноподданически ходатайствовать», канцлера, обращаясь с ним, как с чистильщиком сапог, как с суб'ектом, не постигшим еще общего положения. С присущим Вильгельму военным чванством, он полагает, что особенно унижает канцлера, называя его «гражданским канцлером», не имеющим ни малейшего влияния на военные мероприятия.

С другой же стороны, телеграмма свидетельствует не только о покорности Бетмана, который ведет себя, кстати сказать, не как гражданский канцлер, а как гражданский холоп, но и о близорукости и бессмысленной хитрости его политики. Бетман воображает, что более длительной задержкой кайзера у норвежских берегов можно будет хотя бы на несколько дней ввести в заблуждение англичан, относительно опасности австрийского ультиматума.

Неудачной оказалась, между прочим, и его спекуляция на поездке Пуанкаре. Канцлер надеялся, что отсутствие Пуанкаре до 31-го июля отстрочит все решения Антанты и предоставит Австрии свободу действий в отношении Сербии. Но Пуанкаре, подобно Вильгельму, также торопился домой, и совершенно основательно в виду угрожающей ситуации. Президент отменил визиты и прибыл уже 29-го июля во Францию.

Не менее усердно и Австрия одновременно пыталась усыпить общественное мнение Европы. Но австрийские дипломаты взялись за дело более топорно и с самого же начала встретились с большим недоверием. С момента разоблачения их шулерских махинаций против Сербии, репутация австрийцев котировалась по такому же низкому курсу, как ныне австрийская валюта. Они оказывали этой репутации должную честь, давая самые успокоительные заверения в своих миролюбивых намерениях еще за час до передачи ультиматума. Последний намеренно был составлен так грубо, что заранее исключал возможность принятия его.

Французский посол в Вене Дюмэн сообщает 26-го июля; «Г. Шебеко (русский посол в Вене) внезапно возвратился из поездки в Россию. Он отправился в поездку лишь после данного графом Бертольдом заверения, что поставленные Сербии требования в высшей степени приемлемы».

23-го июля товарищ министра иностранных дел в Париже Бьенвеню-Мартэн сообщает французскому послу:

«Г. Дюмэн, которому я поручил обратить внимание австрийского правительства на создавшуюся в Европе тревогу, получил на свой запрос от барона фон Макхио заверение, что тон австрийской ноты и выставленные в ней условия позволяют рассчитывать на мирный исход. Я не знаю, насколько можно доверять этим заверениям, если принять во внимание приемы императорской канцелярии».

Приемы дипломатии всех стран не отличаются чрезмерной правдивостью, но для такой близорукой политики обмана, которая сегодня что-нибудь утверждает, лживость чего она сама уже назавтра вынуждена будет признать, нужно не только известное бесстыдство, но и глупость, являющаяся изумительной даже по сравнению с Оксеншерном *).

После такой обработки общественного мнения ультиматум был вручен Сербии 23-го июля вечером.

12. Ультиматум Сербии.

Вручение ноты.

23-го июля австрийская нота была вручена в Белграде. Она была, в действительности, ультиматумом, который требовал беспрекословного принятия австрийских требований в течение 48 часов. Австрийский посол в Белграде, барон фон-Гизль в телеграмме в Вену от 23-го охарактеризовал эту ноту, как «ультиматум», но получил указание, что она является лишь «выступлением, предоставляющим срок», так как в случае ее отклонения не предполагали ответить немедленным об'явлением войны, а ограничиться пока лишь разрывом дипломатических сношений.

---

*) Германский канцлер, выдвинутый на эту должность шведским королем Густавом Адольфом II, известный своею глупостью. Примеч. переводчика.

Подобным крючкотворством государственные мудрецы с Бальплаца *) надеялись еще на пару дней сохранить в Европе видимость своего миролюбия.

24-го июля нота должна была быть вручена державам, 25-го Сербия должна была на нее ответить. Это неприличная поспешность после такого долгого откладывания была нужна теперь умышленно, чтобы лишить Сербию возможности какого-либо совещания с державами, помешать столковаться державам между собою и исключить всякое постороннее вмешательство.

Германия тотчас же поспешила заверить весь мир и даже собственных представителей за границей, что она ничего не знала о ноте и не оказала на нее ни малейшего влияния; наоборот—она была, мол, ею также поражена, как и остальные державы.

Так, например, 23-го июля в 2 часа пополудни Ягов телеграфировал германскому послу в Стокгольм:

«По всей видимости, Австро-Венгрия, усматривающая угрозу своему существованию в велико-сербской агитации, собирается пред'явить в Белграде очень серьезные требования. Последние нам неизвестны; мы рассматриваем их, как внутреннее дело Австро-Венгрии, на которое нам и не подобало бы влиять».

24 июля Циммерман телеграфирует послам в Париже, Лондоне и Петербурге:

«В здешних дипломатических кругах распространено мнение, что мы побудили Австро-Венгрию к резкой ноте против Сербии и принимали участие в ее составлении. Слух исходит, повидимому, от Камбона. Прошу, в случае необходимости, выступить с опровержением.

Мы не оказывали никакого влияния на содержание ноты и столь же мало, как и другие державы, имели возможность проявить к ней в какой-либо мере свое отношение до ее опубликования».

В этой назидательной инструкции справедливо только одно, что Камбон на самом деле разузнал в чем дело.

---

*) На Бальплаце—площади в Вене—помещалось австрийское министерство иностранных дел. Примеч. переводчика.

24 июля он доносит о разговоре с Яговым:

«Я спросил его, действительно ли берлинскому кабинету совершенно не были известны австрийские требования до того, как они были сообщены Белграду. Когда он это подтвердил, я ему сказал, что я очень поражен тем, что он так усердно отстаивает требования, об'ем и значение которых ему были неизвестны.

«Примите во внимание»,—перебил меня г. фон-Ягов,—«только потому, что мы здесь беседуем с глазу-на-глаз, я Вам разрешаю мне это сказать». («Французская Желтая книга», 1914 г. №30).

Такое же заверение добродетельно-возмущенного Ягова получил британский поверенный в делах сэр Г. Рембольдт, сообщивший об этом 25 июля в Лондон:

«Статс-секретарь повторил очень серьезно, что хотя его и обвинили в знакомстве со всем содержанием ноты, однако, на самом деле, ему ничего не было известно». («Голубая книга», 1914 г., №18).

Об этом разговоре в тот же день доносил и Камбон:

«Британский поверенный в делах осведомился так же, как это сделал вчера и я, у г. фон-Ягова, — знала ли Германия об австрийской ноте до ее отправки, и получил столь недвусмысленно отрицательный ответ, что ему неудобно было больше останавливаться на этой теме. Но он, британский представитель, не мог не выразить своего недоумения по поводу неограниченных полномочий, данных Австрии Германией». («Желтая книга», №41).

Сэр Горэс Рембольт, получивший тогда эти заверения, и был тот самый, изречения которого на счет «привычной лживости Германии», как мы уже видели выше, цитирует «Белая книга», июня 1919 г. Возможно, что он лишь в конце июля 1914 г. впервые пришел к этому мнению.

Если берлинское министерство иностранных дел утверждало, что «оно не оказывало никакого влияния на содержание австрийской ноты и столь же мало, как и другие державы, имело возможность в какой-либо мере проявить к ней свое отношение до ее опубликования», т.-е. до 24 июля, то, как это должно следовать из всего вышеизложенного, оно этим распространяло заведомую ложь.

Германское правительство определенно знало, что нота будет средактирована таким образом, что никакое государство,

уважающее свою самостоятельность, не сможет ее принять. Германское правительство не только знало об этом намерении Австрии, но и санкционировало и поощряло его.

Ведь, впоследствии министерство иностранных дел высказывалось уже более осторожно о своем знакомстве с нотой. Оно отрицало только знакомство с подлинником ноты; с последним, будто бы, ознакомилось одновременно с остальными державами: следовательно, лишь после того, как нота была уже вручена в Белграде.

Но даже и эта увертка несостоятельна.

Еще 21 июля Чиршкий получил экземпляр ноты. Он ее не передал по телеграфу в Берлин. Возможно, из соображений не подвергнуть опасности тайну шифрового ключа.

Он переслал ноту в письме. Таким образом, она прибыла в министерство иностранных дел лишь 22 июля пополудни, между тем, как остальные державы получили ноту лишь 24-го; итак, если даже не принимать во внимание содержание ноты, а лишь ее окончательную редакцию, то и тогда неверно, что Германия не была знакома с нотой раньше остальных великих держав.

Доктор Гоос вынужден признать этот неудобный факт: он пытается спасти себя, или, вернее, правительство Бетмана утверждением, что текст ноты «мог, ведь, поступить в берлинское министерство иностранных дел лишь к тому времени, когда уже нельзя было оказать влияние на венский кабинет путем тщательного обсуждения и внесения предложений».

Г. фон-Ягов в своей книге о начале мировой войны сообщает, что граф Сэгэни пришел к нему вечером 22-го июля между 7-м и 8-м часом и принес ему ультиматум.

«После посещения графом Сэгэни мне было потом представлено и поступившее между тем сообщение ультиматума от нашего посла в Вене» (стр. 110).

Это запоздание несомненно поразительно: потребовалось более 24-х часов, чтобы ультиматум прибыл из Вены в Берлин! Но и в этом случае ультиматум прибыл бы еще вполне во время, для того, чтобы можно было помешать его передаче в Белграде, если этого хотели. Ягов утверждает, что он тотчас же сказал, что нота «довольно резка и перегибает палку». Рейхсканцлер был, будто бы, того же мнения.

«Граф Сэгэни возразил, что теперь тут ничего не поделаешь, так как ультиматум уже послан в Белград и должен быть там передан на следующее утро».

И на этом успокоились и рейхсканцлер, и статс-секретарь.

В одном из примечаний к своей книге Ягов лишь вскользь заметил:

«Посол, вероятно, здесь ошибся, если только в Вене не было колебаний о моменте передачи ноты, ибо, в действительности, ультиматум был передан лишь в 6 час. вечера».

Это должно, мол, означать, что Ягов был обманут Сэгэни относительно времени вручения ультиматума! Он несомненно протестовал бы против этой передачи, если бы он знал, что она произойдет лишь в 6 час. вечера, а не утром.

Но разве он этого не знал? Мы, ведь, только что видели (стр. 103-ья), как заботливо старался Ягов разузнать, в котором часу вечера 23-го Пуанкаре оставит Петербург. А статс-секретарь еще вечером 22-го телеграфировал об этом в Вену, что и послужило причиной передачи ноты не в 5, а в 6 час. вечера. Теперь же он хочет нам внушить, будто бы он ничего не знал об этом и предполагал, что нота будет вручена Сербии еще утром!

11-го августа 1917 г. статс-секретарь Циммерман писал помощнику статс-секретаря фон дер-Бусше:

«Дорогой Бусше!

По существу, сообщение «Ивнинг Ньюс» *) было верно постольку, поскольку мы, конечно, получили сербский ультиматум приблизительно за 12 час. до его вручения. Однако, я никак не помню, чтобы я проболтался на этот счет какому-нибудь американскому дипломату. Поэтому опровержение может последовать. Но я не берусь судить о том, является ли это целесообразным, в виду того, что невозможно же, в конце-концов, вечно скрывать факт нашего знакомства с нотой.

С сердечным приветом Ваш Циммерман».

Но к чему это усердие в отрицании всякого знакомства с нотой, если впоследствии всеми силами защищали ее содержание и текст?

Здесь умышленно разыгрывали комедию с распределенными ролями. 20-го июля нота была получена австрийскими послами с указанием вручить ее 24-го июля правительствам, у которых они были аккредитованы.

---

*) «Ewening Nevs»—«Вечерние новости», Лондонская газета.

Прим. переводчика.

В виду этого граф Сэгэни позволил себе заметить, что для Германии следовало бы все-таки сделать исключение. На что Бертольд ему ответил 22-го июля:

«Данное распоряжение имело по отношению Германии лишь формальное значение. Официальная передача нашей ноты должна была состояться в Берлине с такими же формальностями, как и всем другим связанным международной конвенцией державам. Г. фон-Чиршкому строго конфиденциально уже вчера сообщили упомянутую ноту. Во всяком случае, она уже передана г. послом в Берлин».

Итак, даже по поводу ноты Европа должна была быть намеренно обманута.

Локализация войны.

У германского правительства имелись очень веские основания скрывать, что оно знало об австрийском ультиматуме или более того, что оно состояло в заговоре с Австрией.

Германское правительство, как мы видели, дало 5-го июля свое благословение на войну с Сербией. Оно готово было даже «рискнуть войной» против России и Франции, однако большего оно не хотело. Германия рассчитывала на содействие Италии и нейтралитет Англии. Чтобы вступить в войну, ей необходимо было также воодушевление собственного народа. Но тут германское правительство прекрасно знало, что если бы народ, в массе своей в высшей степени миролюбивый, узнал, что австрийские махинации против Сербии не только были известны кайзеру и его министрам, но даже были ими санкционированы и поощряемы, то против него возникла бы самая резкая оппозиция. Этим самым вся кампания уже заранее была бы подвергнута чрезвычайным опасностям.

Тотчас же после ознакомления с австрийским ультиматумом Сербии, Комитет германской социал-демократии (25-го июля) опубликовал воззвание, в котором говорилось:

«Фурия войны, вызванная австрийским империализмом, собирается посеять смерть и гибель по всей Европе. Если даже осудить происки велико-сербских националистов, то легкомысленная провокация войны со стороны австро-венгерского правительства вызывает все же самый решительный протест. Ведь, требования этого правительства так жестоки, что подобные им еще никогда в мировой истории не были пред'я-

влены суверенному государству. Они могут преследовать лишь одну цель прямой провокации войны.

Классово-сознательный пролетариат Германии, во имя человечества и культуры, пламенно протестует против этих преступных козней подстрекателей войны. Он категорически требует от германского правительства, чтобы оно использовало все свое влияние на австрийское правительство для сохранения мира».

Если бы германский пролетариат имел хоть малейшее понятие о действительном положении вещей, если бы он знал, что «преступные козни подстрекателей войны» были заранее условленной игрой между Веной и Берлином, то он не был бы столь наивен, чтобы призывать германское правительство оказать свое давление на австрийское в пользу мира. Тогда он восстал бы единодушно как против германского, так и против австрийского правительств и к нему присоединились бы громадные массы не пролетарских, трудящихся слоев германского народа. При таком настроении германское правительство ни в коем случае не было бы в состоянии зажечь пламя мировой войны.

Германская социал-демократия могла спасти всеобщий мир. Ее престиж так же, как и престиж германского народа бесконечно возрос бы во всем мире, вследствие того поражения, какое она подготовляла бряцающему оружием германскому правительству.

Единственным средством избегнуть этого было тщательное замалчивание о соучастии и совиновности германского правительства.

Это было не менее необходимо и в том случае, когда дело шло о том, чтобы заручиться помощью Италии и нейтралитетом Англии.

Последние тотчас же, как, впрочем, и весь остальной мир, отвернулись от Австрии.

Тут Германии пришлось делать вид захваченного врасплох, мирно настроенного соседа, которого союзническая верность обязывала стать на сторону дружественной ему державы. Безграничное притеснение Австрии сказалось, мол, в гнусном кровавом сараевском деле. Однако, Германия готова посредничать и спасти мир. Если же при этом придется столкнуться с ненасытной Россией, так что ж, ведь, и самый кроткий, как известно, не уживается, когда это не понутру его злому соседу.

Несчастье лишь в том, что Германия задумала спасать мир своеобразным способом, а именно, она требовала локализации спора. Могло ли быть что-нибудь более разумное? Нужно было постараться, чтобы конфликт остался локальным, не принял более широких размеров.

В опубликованном Эйзнером отчете баварского представительства в Берлине от 18-го июля говорилось:

«(В интересах локализации войны имперский кабинет непосредственно после вручения австрийской ноты в Белграде вступит в дипломатические переговоры с великими державами).

Ссылаясь на северное путешествие кайзера и на пребывание в отпуску начальника штаба верховного главнокомандующего и прусского военного министра, кабинет будет делать вид, что он не в меньшей мере поражен был выступлением Австрии, чем и другие державы.

(Кабинет будет стремиться к тому, чтобы державы рассматривали конфликт между Австрией и Сербией как дело этих обоих государств)».

Помещенные в скобках места отсутствуют в статье Эйзнера. Они и принадлежат к тем пропускам, которыми Эйзнер будто бы извратил неблагоприятным для Германии образом смысл отчета. Подобное может утверждать лишь тот, кто воображает, что стремление Германии к локализации войны было серьезным выступлением в пользу мира. В действительности оно означало лишь препятствие и саботаж всякого мирного выступления. Утверждение, что разгром Австрией Сербии касается лишь этих двух государств, должно было означать не что иное, как будущую гегемонию одной лишь Австрии на Балканах; оно являлось требованием добровольного признания Россией ее устранения с Балкан и, таким образом, признания своего поражения без единого пушечного выстрела. Такое стремление к локализации конфликта ставило Россию перед альтернативой: либо подчиниться, либо об'явить Австрии войну.

Следовательно, требование локализации было самым верным средством неминуемо принудить Россию к войне.

Альтернатива «локализации» конфликта состояла в разрешении его посредством вмешательства Европы, т.-е. либо третейским судом, либо посредничеством со стороны непосредственно не принимавших участие великих держав. Лишь такая сгропеизация проблемы позволяла надеяться, что локальная

война не станет общеевропейской. Но она, конечно, не сулила Австрии перспектив на предоставление ей свободы действий в военном разгроме Сербии. И поэтому со всей категоричностью необходимо было настаивать на таком огнеопасном методе локализации. Последний снова, как и во время аннексионного кризиса 1909 г., означал ставку на слабость России и, вместе с тем, на миролюбие Англии и Франции. В самом деле, в баварском отчете далее говорится:

«5. Циммерман думает, что как Англия, так и Франция, для которых война в данный момент вряд ли желательна, будут воздействовать в примирительном духе на Россию. Кроме того он надеется на то, что блеф является одним из любимейших бутафорий российской политики и что, хотя русский и рад угрожать мечом, однако, в решительный момент он неохотно обнажает его в пользу других».

Но если бы даже случилось иначе, то требование «локализации» войны все еще сулило свои большие преимущества. Оно могло потерпеть неудачу лишь из-за домогательств России. Так пред лицом всего мира, или, по крайней мере, пред своим собственным народом корчили из себя державу, которая стремилась к миру, но натолкнулась при этом на сопротивление России. Последнюю пытались сейчас оклеветать, как нарушительницу мира.

Требование локализации войны стало новым поводом, вызывающим необходимость строжайшей тайны о сношениях Германии с Австрией. Ведь, ясно, что Германия, сама очень энергично содействовавшая подготовке конфликта, не могла заявлять, что он всецело касается только Австрии и Сербии, а отнюдь не какой-либо иной державы.

Мы видим, что у Германии, как и Австрии, имелись очень веские основания, начиная с постдамских постановлений 5-го июля вплоть до вручения ультиматума в Белграде, 23-го июля, скрывать от всего мира свое сотрудничество.

Саботаж мирных стремлений.

Нелегко было делать вид серьезно хлопочущей о мире и одновременно обеспечивать Австрии «ее» войну с Сербией, а к тому же еще и локализовать эту войну, т.-е. поставить Россию пред альтернативной: либо об'явить Австрии войну, либо подчиниться ей без боя.

Прежде всего следовало не давать державам опомниться и сговариться, ставить их постоянно пред все новыми совершившимися фактами раньше, чем могло иметь место какое-либо вмешательство.

23-го июля вечером австрийский посланник вручил в Белграде ноту своего правительства. Лишь на следующий день она была передана правительствам: Франции, Англии, Италии и России. Но 25-го требовался уже ответ Сербии! Несмотря на это Пашич дал ответ к назначенному времени. Это был исчерпывающий документ, который, против ожидания, в существенном соглашался со всеми требованиями австрийского правительства, несмотря на их неслыханную жестокость.

А Австрия? Из Вены оффициально доносили:

«Министр-президент Пашич явился за несколько минут до шести часов в императорское королевское посольство в Белграде и дал неудовлетворительный ответ на австро-венгерскую ноту. В ответ на это барон Гизль об'явил ему о разрыве дипломатических сношений и в шесть часов тридцать минут оставил с персоналом посольства Белград».

Следовательно, спустя всего каких-нибудь тридцать минут после передачи ноты, австрийское посольство уже находилось на пути в Вену. Барон Гизль об'явил о разрыве дипломатических сношений, прежде чем он успел кое-как прочитать сербский ответ, не говоря уже о том, чтобы рассмотреть его по существу.

Между тем, как Вена проявляла величайшую поспешность, чтобы добиться страстно желаемой цели—войны с Сербией, прежде чем Европа сообразила бы в чем дело, Берлин, наоборот, совсем не торопился информировать Европу о том, как он смотрит на эти события.

27-го июля у г. Ягова хватило смелости заявить французскому послу в Берлине, что у него не было еще времени прочитать сербский ответ.

Великим державам при таком образе действий нелегко было ориентироваться. Но каким бы кратким сроком они ни располагали для того, чтобы иметь возможность столковаться друг с другом, одно стало, во всяком случае ясно, тотчас же; в случае войны Австрии с Сербией всеобщий мир подвергался чрезвычайной опасности. В той же мере, как Австрия торопила с войной (а вместе с ней и Германия, о чем, конечно, тогда еще никто не знал), Россия, Франция и Англия старались всеми силами

ее предотвратить. Отнюдь не потому, что правители этих держав были ангелами мира, но лишь потому, что Россия и Франция были недостаточно вооружены для военного столкновения. Англия же увязла в своих ирландских затруднениях. Следовательно, до сих пор центральные державы рассчитывали правильно. Остальные державы Европы и без содействия Германии сошлись на том, чтобы, с одной стороны, добиться у Австрии продления назначенного для ответа срока ради выигрыша времени для переговоров, а с другой стороны, рекомендовать Сербии уступчивость. Как Франция, так Италия и Англия и даже Россия прилагали старания в этом направлении, поскольку этому позволяла краткость срока.

Австрия при негласном содействии Германии отказала в каком бы то ни было продлении срока. Ответ Сербии, как уже было выше указано, оказался в высшей степени предупредительным. Тем не менее 25-го июля Австрия порвала дипломатические сношения, начала сейчас же мобилизацию и 28-го июля об'явила войну. 29-го бомбардировала она Белград. Каждый этот шаг являлся новой провокацией, приносил новый под'ем всеобщего возмущения и все новые затруднения для какого-либо мирного исхода. Несмотря на это Австрия при поддержке Германии твердо шла вперед по раз намеченному пути. Покровительница в то же самое время не переставала изливаться в клятвах миролюбия.

Австрия последовательно отвергала все сделанные ей предложения посредничества, ни одно из которых не исходило от Германии. Последняя довольствовалась либо попросту дальнейшей передачей этих предложений, либо отклонением их с самого начала, как несогласующихся с суверенитетом Австрии. Даже самые настойчивые запросы не были в состоянии выведать у Германии ее собственных предложений. Англия и Россия между тем усердствовали друг перед другом в попытках найти выход из этого тупика.

Очень метко эту ситуацию охарактеризовал уже князь Лихновский:

«Конечно, достаточно было бы одного намека из Берлина, чтобы побудить графа Бертольда, успокоившись на сербском ответе, удовлетвориться дипломатическим успехом. Этого намека, однако, не последовало. Напротив, настаивали на войне. Это был бы чересчур блестящий успех!...

Все более усиливалось впечатление, что мы желаем войны, во что бы то ни стало. Иначе, ведь, нельзя было толковать наше поведение в вопросе, нас непосредственно вовсе не касавшемся. Убедительные просьбы и определенные заявления Сазонова, затем прямо-таки покорные телеграммы царя, неоднократные предложения Сэра Эдуарда, предостережения маркиза Сан-Джульяно и г. Воллати, мои настоятельные советы,—все было тщетно. В Берлине стояли на одном: Сербии должна быть устроена кровавая баня» (стр. 29, 30).

Телеграммы царя можно было, действительно, назвать «покорными». Царь в них форменно умолял о том, чтобы его избавили от ужасной альтернативы—войны или беспрекословного подчинения; он боялся и того и другого в одинаковой степени, потому что как первое, так и второе угрожали ему катастрофой, гибелью.

Но не позволяли ли как раз эти покорные телеграммы надеяться, что Россию снова, как это было в 1909 г., поставят на колени, однако, на этот раз еще основательней, если только остаться непоколебимыми? Так все, казалось, шло, как по маслу для центральных держав.

Вильгельм в эти дни проявлял себя еще очень задорно и агрессивно.

Как он рассуждал по поводу австрийской ноты, прежде чем прочитать сербский ответ, видно из его заметок на телеграмме из Белграда от 24-го июля, прочитанной им 25-го. Телеграмма сообщает:

«Энергичный тон и точно сформулированные требования австрийской ноты застигли сербское правительство совершенно врасплох».

Вильгельм:

«Браво! Признаться, от венцев подобного уже не ожидали!»

Телеграмма продолжает:

«С сегодняшнего утра заседает совет министров под председательством наследника-регента».

Вильгельм:

«Повидимому, Его Величество изволили удрать!»

Великий германский государь не предчувствовал, как еще не одно величество должно будет «удрать» и совсем при других обстоятельствах!

Телеграмма:

«Совет министров, однако, не может придти ни к какому решению».

Вельгельм:

«Надменные славяне!»

В конце телеграммы кайзер замечает:

«Каким дутым оказывается все это так-называемое сербское великодержавие. Так обстоит дело со всеми славянскими государствами. Только сильней наступать на мозоли этой сволочи!»

Таков был язык кайзера-миротворца пред самым началом войны. Весьма далекий от какой-либо критики заносчивого выступления австрийцев, он хулил всякую, даже мнимую уступчивость и, больше того—каждый жест вежливости со стороны союзника.

24-го июля Чиршкий телеграфировал из Вены:

«Чтобы показать России свое расположение, граф Бертольд пригласил к себе сегодня утром российского поверенного в делах».

По этому поводу Вильгельм 26-го июля замечает:

«Совсем излишне. Произведет впечатление слабости и покажется извинением, по отношению к России; такое поведение безусловно неправильно и надо его избегать. Австрия имеет свои веские основания; по этой причине она совершила такой шаг и сейчас задним числом нельзя же поставить действия Австрии на quasi-дискуссию».

Чиршкий заставляет Бертольда рассказывать дальше:

«Австрия не потребует никакой сербской территории».

Это побуждает Вильгельма воскликнуть:

«Осел! Санджак она должна вернуть себе, иначе сербы получат доступ к Адрии» *).

Бертольд:

«Австрия не хочет вызвать никакой перегруппировки сил на Балканах».

Вильгельм:

«Она произойдет сама собой и произойдет неминуемо. Австрия должна получить на Балканах перевес над остальными мелкими державами за счет России, иначе не будет покоя».

---

*) Адриатическое море.

В конце сообщения кайзер замечает:

«Слабовато».

Небходимость сдерживаться, по крайней мере, внешне, как этого требовала выпавшая на долю Германии роль, окончательно выводила кайзера из терпения. 26-го июля, когда Вильгельм собирался снова вступить на германскую территорию, Бетман ему телеграфировал:

«Если бы Россия решилась пойти на конфликт с Австрией, то Англия имеет в виду попытаться посредничать и надеется при этом на французскую поддержку. Пока Россия не предпринимает никаких враждебных действий, я полагаю, что наша позиция, имеющая целью локализацию, также должна оставаться спокойной. Генерал Мольтке, возвратившийся сегодня из Карлсбада, разделяет это мнение».

После слова «локализацию» Вильгельм ставит восклицательный знак, а по поводу слов: «должна оставаться спокойной», он саркастически замечает:

«Спокойствие—первый долг гражданина. Спокойствие, всегда только спокойствие!! Ведь, спокойная мобилизаци есть тоже нечто новое».

Когда дело, действительно, дошло до мобилизации, то, разумеется, сарказм у Вильгельма испарился.

Это настроение прекрасно отражает депеша, отправленная Сэгэни 25-го июля из Берлина в Вену. Она гласит:

«Здесь все предполагают, что на возможный отрицательный ответ Сербии сейчас же последует с нашей стороны об'явление войны, сопровождаемое военными операциями. Здесь видят в каждой проволочке открытия военных действий большую опасность вмешательства других держав. Нам советуют самым настоятельным образом, немедленно выступить и поставить мир перед «fait accompli» *).

Эта телеграмма, как видим, обнаруживает самое энергичное настаивание Германии на скорейшем нападении.

Г. г. проф. Ганс Дельбрюк, Макс Вебер и Мендельсон-Бартольди, как и граф Монжля в своих об'яснениях о происхождении войны рассматривают эту телеграмму как гораздо более безобидную («Белая книга», июня 1919 г.).

---

*) Совершимся фактом.

Они заявляют:

«Телеграмма австро-венгерского посла, графа Сэгэни, от 25-го июля 1914 г., настаивающая, в случае об'явления войны, на немедленном открытии военных действий, находится в соответствии с упомянутым уже взглядом, что локальное ограничение конфликта, а, следовательно, и быстрая ликвидация этого конфликта являются лучшим средством для предотвращения распространения пожара». (Стр. 39).

Телеграмма ясно и определенно требует немедленного об'явления войны с открытием военных операций. Коментарий же вышеупомянутых четырех лиц незаметно придает телеграмме смысл требования немедленного открытия военных операций лишь в случае об'явления войны! А требование поставить мир перед fait accompli они превращают в желание немедленно покончить с этим конфликтом.

Для того, чтобы так истолковывать телеграмму, требуется невероятно много доброй воли. Вне пределов Германии ее трудно будет найти. Путем вольного истолкования хотели затушевать неудобное содержание телеграммы графа Сэгэни от 25-го июля.

Этот прием дал осечку при попытке произвести ту же операцию с телеграммой того же самого дипломата от 27-го июля.

Обе телеграммы, о которых идет речь, попали в руки образовавшейся в 1919 г. «Комиссии союзных и об'единенных держав для установления ответственности виновников войны и определения налагаемых наказаний», и были опубликованы в ее отчете, дающем такой же краткий и, в основном, совпадающий очерк возникновения войны.

Германское правительство могло ответить на этот отчет либо опубликованием документов министерства иностранных дел о виновности за войну, либо полным молчанием. Правительство не сделало ни того, ни другого. Оно поручило выше упомянутым четырем лицам, как «независимым немцам», противопоставить этому отчету Комиссии свою критику. Какими методами пользовались последние при своей работе, мы только что видели на примере их обращения с одной из телеграмм Сэгэни. Быть может было бы более целесообразно поручить этот отчет не «независимым немцам», а «немецким независимым».

Эти господа не лучше поступили и с другой телеграммой от 27-го июля. Она адресована Бертольду и гласит:

«Статс-секретарь, строго конфиденциально, очень решительно, заявил мне, что, возможно, в ближайшие дни германское правительство доведет до сведения Вашего Превосходительства предложения посредничества Англии.

Германское правительство категорически заявляет, что оно ни в коем случае не солидаризируется с этими предложениями; более того, оно решительно против принятия их во внимание и передает их дальше, лишь чтобы удовлетворить просьбу Англии».

Эта депеша представляет собою несомненно очень серьезную вещь. Она требовала со стороны «четырех независимых немцев» прежде всего проверки, согласуется ли содержание телеграммы с политикой, проводившейся Германией вплоть до 27-го. Она напоминает о телеграмме Ягова от 18-го июля, в которой последний сообщает, что мягкий тон «Норддейче Альгемейне Цейтунг» имеет лишь целью ввести в заблуждение «европейскую дипломатию», и не должен повлиять на Бертольда. Однако, наши четыре историка предпочли действовать иначе:

«Комиссия обратилась, как к бывшему рейхсканцлеру фон-Бетман-Гольвегу, так и к статс-секретарю фон-Ягову и получила от обоих одинаковую справку, что «отчет ни в коем случае не может быть признан правильным. Мы считаем сведения этих двух лиц вполне достойными доверия».

Весь вопрос лишь в том, достаточно ли только одного этого утверждения обвиняемых, чтобы внушить всему остальному человечеству такое же доверие к их невиновности. Ведь, об'ективность этих двух мужей как раз и есть то, что ставится под вопрос, вследствие свидетельства человека, безусловно не настроенного против них враждебно, а наоборот, всячески заинтересованного в том, чтобы сообщить о них чистую правду; свидетеля, записавшего сейчас же после беседы с Яговым показания последнего в самой точной форме — к тому же еще свидетельствующего не один раз. Цитированное место помещено в начале отчета; в конце же его говорится:

«В заключение статс-секретарь еще раз изложил мне свою позицию и просил меня, во избежание всяких недоразумений, заверить Ваше Превосходительство что он совершенно не

стоит за принятие английского предложения, несмотря на свое выступление в роли посредника в только что приведенном случае».

Ведь, нельзя же с легкостью отбрасывать такое определенное свидетельство ссылаясь лишь на ничего не говорящее заявление обвиняемых, что «отчет ни в коем случае не может быть признан правильным?».

Но тут спасательной комиссии приходит помощь. Доктор Гоос—как раз во-время бросает ей спасательный круг, благодаря которому комиссия считает себя в праве об'явить это определенное свидетельство Сэгэни незаслуживающим доверия, ибо он, мол, «выжил из ума» (стр. 39).

Это, пожалуй, нельзя признать особенно удачным методом спасения чести старого режима. Стоит лишь вспомнить тогдашнее положение дел. Германское и австрийское правительства подготовляли войну, которая могла стоить жизни этим государствам. Поэтому-то и требовалось назначение на ответственные посты лучших сил. Настоятельно необходимо было, чтобы между обоими союзными правительствами не возникало ни малейших недоразумений и чтобы каждый в точности был осведомлен о намерениях другого. Австрийский посол в Берлине и являлся связующим звеном между обоими государствами; от его ума, проницательности и корректности зависила жизнь народов и правительств. Если предположить, что граф Сэгэни, действительно, был таким старческим идиотом, каким его изображают сейчас защитники Вильгельма и его «присные», тогда австрийское правительство действовало невероятно легкомысленно и бессовестно, оставляя на этом важнейшем посту такого слабоумного болтуна. Однако, ведь, не менее легкомысленно и бессовестно действовало и германское правительство, доверившее при таком положении свои труднейшие и важнейшие поручения идиоту, даже плохо разбиравшемуся в том, в чем с ним говорили. Более тяжкого обвинения против обоих правительств даже нельзя придумать. Оправдания в этом случае хуже самого преступления: предпочтительнее, чтоб народом руководили умные и опытные жулики, чем честные дураки. Ведь, первые не поставят легкомысленно народ в такое положение, которое угрожало бы всему государству, а вместе с ним и его руководителям. На это способен только дурак. Хуже всего, конечно, когда глупость, нечестность и легкомыслие соединяются воедино. Таким образом, предположение о старчестве Сэгэни отнюдь не освобождает от

вины германское правительство: оно лишь переносит его вину в иную плоскость.

Сэгэни, несомненно, в 1914 г. был уже старцем 73-х лет от роду, с которым подчас случались ляпсусы в его докладах. Все же и многое из того, что он приводит, оказывается совершенно правильным, а в данном случае его заявление, как это было уже отмечено, совершенно определенно. Поэтому его свидетельство безусловно следует проверить.

В самом деле, при ближайшем рассмотрении мы видим, что очень важные пункты доклада находят свое подтверждение в германских документах.

Так изложение мотивировки, которой Ягов 27-го обосновывал свое заявление, в правдивости которого можно было усомниться, вполне соответствует тогдашнему образу мыслей германского правительства. Сэгэни передает его следующими словами:

«Германское правительство придает величайшее значение тому, чтобы Англия в данный момент не пошла заодно с Россией и Францией. Поэтому следует всячески избегать всего, что могло бы стать причиной разрыва до сих пор хорошо функционировавшей связи между Германией и Англией. Если бы Германия вдруг заявила сэру Эдуарду Грею, что она не желает передавать Австро-Венгрии предложений, которые, как полагает Англия, в случае посредничества Германии, должны встретить у нас внимательный прием, то тогда тотчас была бы налицо вышеупомянутая возможность разрыва, которой следует безусловно избегать».

Мы видим, что г. граф, разумеется, не был блестящим стилистом. Но в том же смысле, как это здесь излагает Сэгэни,— если не по форме, то во всяком случае, по существу — в тот же день высказывается и Бетман в телеграмме Чиршкому, в которой он сообщает о предложении Грэя и затем продолжает:

«После того, как мы уже отклонили одно английское предложение о конференции, нам невозможно отклонять a limine! (заранее) и эту английскую инициативу.

Вследствие нашего отказа от всякого посредничества весь мир сделал бы нас ответственным за всеобщий пожар и изобразил бы нас настоящим зачинщиками войны. Это поставило бы нас в невозможное положение и в нашей собственной стране, где мы должны делать вид вынужденных воевать. Наше положение тем более затруднительно, что Сербия, по-

видимому, сделала большие уступки. Поэтому мы не можем отклонить роли посредника и должны, учитывая постоянное влияния Лондона и Парижа на Петербург, поставить английское предложение на обсуждение венского кабинета. Прошу сообщить мне о мнении графа Бертольда по поводу английского предложения, как и по поводу желания г. Сазонова вести непосредственные переговоры с Веной».

Этот странный посредник усматривал затруднение в уступках Сербии. Последнее могло казаться осложнением лишь для того, кто стремился к войне, желая одновременно разыгрывать роль вынужденного воевать. Бетман поэтому и не рекомендует английского предложения. Он просто передает его по инстанции, извиняясь, что обстоятельства принудили его к этому.

В Лондон же он телеграфирует:

«Мы немедленно предприняли посредническое выступление в Вене в желаемом для сэра Эдуарда Грэя смысле».

Результатом этого «посредничества» было об'явление войны Австрией Сербии 28 го июля.

Несмотря на это Англия сделала еще одну попытку спасти всеобщий мир. 29-го в телеграмме, который мы займемся подробнее еще в другой связи, Лихновский сообщает:

«Сэр Эдуард Грэй повторил свое, уже Вам известное предложение, что мы должны были бы вчетвером участвовать в таком посредничестве, которое мы принципиально, мол, уже приняли... Но в случае, если бы Ваше Превосходительство взяли на себя посредничество, которое я сегодня утром имел возможность обещать, то это было бы для него, конечно, тоже очень приятно».

Оба напечатанные курсивом предложения отсутствуют в изготовленной для Вильгельма копии телеграммы. Случайно ли это? Напротив, можно предполагать, что от кайзера хотели скрыть «принципиальное принятие» такого рода посредничества. Это прекрасно соотвествовало бы той политике Ягова, о которой доносил Сэгэни. Как бы ни обстояло дело с докладом последнего, несомненно одно: германская политика в первые же дни после вручения ультиматума вполне сознательно вызывала все более растущее недоверие к ее искренности и миролюбию, даже со стороны нейтральных держав.

Поворот в ее упорном саботаже всякой деятельности в пользу мира назревает лишь 28-го июля.

Начинающаяся неуверенность Германии.

Мы уже знаем, что германское правительство действительно желало войны Австрии с Сербией, не боялось даже войны с Россией и, возможно, с Францией. Однако, оно одновременно ощущало настоятельную необходимость иметь свой собственный народ за собой, Италию с собой и Англию не против себя.

Это было для него чрезвычайно трудно, вследствие мешковатости и упорства Австрии, с одной стороны, и вследствие благоразумия Сербии, с другой.

Когда Вильгельм читал ответ, данный Сербией на австрийский ультиматум от 25-го, он должен был себе сказать, что его собственное дело принимает из-за этого весьма невыгодный оборот.

Последнее, повидимому, ему стало очень неприятно.

Он прочитал 28-го июля ответ сербского правительства и сделал по поводу его следующее замечание:

«Блестящее достижение для срока не более 48-ми часов! Это больше того, что можно было ожидать! Для Вены, понятно, большой моральный успех, но из-за этого отпадает всякое основание войны, и Гизлю следовало спокойно оставаться в Белграде! Предвидя подобное, никогда не издал бы приказа о мобилизации».

Конечно, это не мешало ему 4-го августа напыщенно заявить в своей тронной речи:

«Мой высокий союзник, император и король Франц-Иосиф *был вынужден прибегнуть к оружию*».

28-го июля можно было прочесть совсем иное и уже не в беглом замечании. В этот день Вильгельм написал письмо Бетман-Гольвегу, которое уже 18-го с./г. *) напечатало «Дейче Политик». **)

В виду важности этого письма воспроизводим его вторично. Обе заключенные в скобках фразы, весьма достойные внимания, пропущены в передаче «Дейче Политик».

---

*) Очевидно, 1919 года—год издания данной работы Каутского. Примечан переводчика.

**) «Deutsche Politik» – «Германская Политика», еженедельник германского правительства.

Письмо гласит:

«Ваше Превосходительство!

После прочтения сербского ответа, полученного мной сегодня утром, я считаю, что в общем и целом требования Дунайской монархии выполнены. Несколько оговорок, сделанных Сербией по отношению к отдельным пунктам, могут быть, по моему мнению, легко выяснены при переговорах. Но капитуляция (самая позорная), провозглашена в ней urbi et orbi, и поэтому отпадает всякий повод для войны.

Тем не менее, этому клочку бумаги, как и его содержанию, следует придавать условное значение, пока оно не будет превращено в дело.

Сербы—народ восточный, а поэтому лживый, коварный и мастера тянуть канитель. Чтобы эти прекрасные обещания стали действительностью, превратились в факты, надо оказать «douce violence.» *) Последнее можно было бы осуществить таким образом, чтобы Австрия, с целью заставить выполнить обещания, оккупировала что-нибудь в качестве залога (Белград) и удержала его до тех пор, пока petita **), в действительности, не будут проведены в жизнь. Это необходимо еще для того, чтобы дать в третий раз зря мобилизованной армии внешнюю satisfaction d'honneur***) создать для нее видимость успеха перед заграницей и сознание, что она, по крайней мере, побывала на чужой земле. В противном случае при отмене военного похода могло бы возникнуть дурное настроение против династии, которое могло бы стать в высшей степени серьезным. В случае согласия Вашего Превосходительства с моим взглядом, я предложил бы заявить Австрии, что отступление Сербии (в очень унизительной форме) достигнуто, и мы поздравляем ее с этим. Разумеется, этим самым отпадает уже всякий повод к войне. Но все же необходимы гарантии, что обещания будут выполнены. Последнего можно было бы легко добиться временной военной окупацией части Сербии, подобно тому, как мы в 1871 году оставили во Франции войска, пока миллиарды не были выплачены. На такой основе я готов посредничать в пользу мира у Австрии. Предложения или протесты других государств, идущие вразрез с этим, я безу-

*) Деликатное насилие.

**) Требования.

***) Удовлетворение чести.

словно отклонил бы, тем паче, что все более или менее открыто апеллируют ко мне помочь сохранить мир. Последнее я сделаю по-своему и настолько бережно по отношению к австрийскому национальному чувству и к воинской чести ее армии, насколько это возможно. К армии уже обратился с воззванием ее верховный вождь и она готова последовать его призыву. Следовательно, армия непременно должна получить видимое satisfaction d'honneur. Это предпосылка моего посредничества. Поэтому соблаговолите, Ваше Превосходительство, представить мне проэкт в намеченном здесь смысле, который должен быть сообщен в Вену. Я отдал распоряжение Плессену написать в вышеуказанном смысле начальнику генерального штаба, который полностью разделяет мой взгляд. «Вильгельм—I-R» *)

«Дейче Политик» по этому поводу замечает:

«Все это ясно показывает, что кайзер не хотел даже и австро-сербской войны».

В действительности же самое большее, что можно было сказать: кайзер не хотел в этот момент войны. Мы уже видели, что он раньше не только соглашался на войну, но, более того, настаивал на ней. Еще 25-го июля кайзер считал, что «необходимо наступать этой сволочи на мозоли». Но и 28-го июля Вильгельм также не сознает вполне серьезности ситуации. Он все еще играет с огнем, требуя «douce violence», «деликатного насилия» по отношению к сербам, которые по разительному контрасту с фанатиками истины—австрийцами и немцами являются, мол, лживыми и коварными. Чрезвычайно характерно для его милитаристического мышления и для его притворства, когда он говорит, что «в третий раз мобилизованной армии» следует теперь, наконец, дать «внешнюю satisfaction d'honneur», «видимость успеха». Это, мол, является «предпосылкой моего посредничества», от которого зависит всеобщий мир! Итак, кайзер все еще ставит удовлетворение офицерского тщеславия выше всеобщего мира.

Решение 28-го июля тоже еще не превратилось в серьезное давление на Австрию, которая, как бы нарочно, в этот же день об'явила войну, а уже на следующий бомбардировала Белград, дабы третья мобилизация все-таки не была проведена даром.

*) I. R.—Imperator-Rex, что значит «император-король», полный титул Вильгельма. Примечан. переводчика.

Вильгельм и теперь еще, как и прежде, отклоняет даже самые благоприятные предложения выхода из напряженного положения. Об этом свидетельствуют его замечания на докладе Хелиуса, германского военного уполномоченного по Петербургу, от 28-го июля, прочитанном Вильгельмом 29-го июля. Доклад гласит:

«Для Е. В. — Князь Трубецкой, один из свиты императора сказал мне сегодня следующее: после того, как уже опубликован ответ Сербии, следует признать ее добрую волю (это нужно было предвидеть! В.) выполнить полностью требования Австрии. В противном случае Сербия не ответила бы на неслыханно резкую ноту Австрии в таком дружественном тоне, а ее просто... (одно слово непонятно. К.). Двух спорных пунктов Сербия не могла безоговорочно принять, не опасаясь революции, и хочет их поставить на решение третейского суда (Австрия не может этим заниматься. В.) Последнее намерение Сербии вполне лойяльно, и в случае непринятия ее уступок, Австрия взвалила бы на себя тяжелую ответственность виновности в европейском конфликте (Единственная забота, которая не дает мне покоя после прочтения ответа сербов! В.).

На мое возражение, что ответственность пала бы на Россию, стоящую, ведь, вне конфликта. (Правильно! В.), князь Трубецкой сказал: Мы не можем оставить на произвол судьбы наших братьев (Убийц королей и князей! В.).

Австрия может их уничтожить (Она этого не хочет. В.), а этого мы не можем допустить... Мы надеемся, что германский император даст союзной Австрии благоразумный совет чересчур не перегибать палку (Подозрительные фразы, чтобы взвалить ответственность на меня. Я их отвергаю. В.), признать добрую волю Сербии в данных ею обещаниях и передать спорные пункты на решение держав или Гаагского третейского трибунала (Идиотство! В.)... Возвращение Вашего императора нас всех очень успокоило, ибо мы доверяем Е. В. и не хотим какой-либо войны—не хочет ее и император Николай. Было бы хорошо, если бы оба монарха хоть раз снеслись по телеграфу. (Состоялось. Но сомневаюсь, произойдет ли соглашение. В). Таково мнение одного из наиболее влиятельных лиц при дворе и, можно сказать, мнение всех приближенных».

Мы видим, что даже 29-го Вильгельм называет идиотством апелляцию к гаагскому третейскому трибуналу или конференции держав. С другой стороны, он сам сомневается, что непосредственный обмен мнений между Германией и Россией увенчается успехом. Следовательно, Вильгельм, повидимому, все-таки считается с неизбежностью всеобщей войны. Больше всего его, повидимому, заботит не европейский конфликт, а, нашедшее свое выражение в одном из его замечаний, опасение, что глупость Австрии может создать ему репутацию виновника войны. Точно также из некоторых выражений Бетмана не всегда ясно видно—дороже ли всего канцлеру сохранение мира или же он, по образцу Бисмарка 1871 г., озабочен тем, чтобы козлом отпущения были сделаны другие. Вспомним телеграмму Чиршкому от 27-го июля, в которой Бетман говорит, что мы должны делать вид «вынужденных воевать».

В этом же тоне составлена и телеграмма, посланная 28-го июля рейхсканцлером послу в Вене. Бетман жаловался, что Австрия, несмотря на неоднократные запросы, оставляла Германию в полной неизвестности относительно своих намерений.

«Имеющийся уже налицо ответ сербского правительства на австрийский ультиматум позволяет констатировать столь далеко идущую уступчивость Сербии австрийским требованиям, что, в случае абсолютно непримиримой позиции австро-венгерского правительства, следует считаться с постепенным поворотом против него общественного мнения всей Европы.

По данным австрийского генерального штаба активное военное выступление против Сербии будет возможно лишь 12-го августа. Вследствие этого императорское правительство попадает в чрезвычайно затруднительное положение, так как оно тем временем получает предложения посредничества и конференций со стороны остальных кабинетов, и, если он будет и в дальнейшем придерживаться своей прежней неотзывчивости в отношении таких предложений, то, в конце-концов, даже в глазах германского народа на него ляжет клеймо виновности за мировую войну. А на таком фундаменте нельзя начать успешной войны на три фронта. Настоятельной необходимостью является, чтобы ответственность за возможное распространение конфликта на непосредственно незаинтересованные державы пала при всех обстоятельствах на Россию».

Поэтому Бетман-Гольвег советует Вене повторить свое определенное заявление, что она не ищет территориальных приобретений в Сербии, а желает лишь, в виде гарантии выполнения австрийских требований, временно оккупировать Белград и некоторые другие пункты Сербии.

«Если российское правительство не признает правомерности этой точки зрения, то и против него будет общественное мнение всей Европы, которое начинает уже отворачиваться от Австрии. Дальнейшим результатом этого будет весьма существенный сдвиг общего дипломатического, а, вероятно, и, военного положения в пользу Австро-Венгрии и ее союзников.

Соблаговолите, В.Превосходительство, немедленно настоятельно высказаться в этот смысле пред графом Бертольдом и предпринять соответствующие шаги в Петербурге. При этом Вам придется тщательно избегать впечатления, будто мы желаем удерживать Австрию. Дело заключается лишь в том, чтобы найти выход, который сделал бы возможным осуществление преследуемой Австро-Венгрией цели: пресечь жизненный нерв великосербской пропаганды, не вызывая в то же время мировой войны. Однако, если бы последняя, в конечном счете, стала неизбежной, то следовало бы, по мере возможности, улучшить для нас условия, при которых она должна вестись».

Пожалуй, с нами согласятся, что трудно решить, важнее ли было рейхсканцлеру 28-го июля избежать мировой войны или «улучшить для нас, по мере возможности, условия, при которых она должна вестись».

Сам Вильгельм отнюдь не очень-то отзывчиво отнесся к призыву о помощи, с которым царь обратился к нему в своей первой телеграмме от 29-го июля. В немецком переводе *) она гласила:

«Его В. Императору.

Новый Дворец».

«Я радуюсь Твоему возвращению. В этот, столь серьезный момент убедительно прошу Тебя помочь мне.—Недостойная война (!! В). об'явлена слабой стране. Негодование по этому поводу в России неописуемо и разделяется мною полностью. Я предвижу, что очень скоро должен буду уступить давлению,

---

*) Телеграмма была написана по-английски. Примеч. переводчика.

оказываемому на меня, в результате чего я вынужден буду предпринять серьезные шаги, которые приведут к войне. В попытке предотвратить такое несчастье, как европейская война, я прошу Тебя, во имя нашей старой дружбы, сделать все возможное, чтобы помешать Твоему союзнику зайти слишком далеко. (В чем это выражается? В).

Ники».

В виду вышеприведенного заявления самого Вильгельма, что нет никакого основания для войны с Сербией, можно было ожидать, что указание на ужасные последствия военного выступления Австрии против Сербии должно было побудить Вильгельма к немедленному вмешательству для улажения конфликта. Однако, ничего подобного не произошло. Николай просит его употребить все, чтобы помешать Австрии зайти слишком далеко; Вильгельм же спрашивает: «в чем же это выражается?»

Кайзер считает войну против Сербии совершенно необоснованной и все же выражает двумя восклицательными знаками свой протест против квалификации этой войны «недостойной» (ignoble, в германской «Белой книге» переведено «позорная», что слишком сильно сказано).

Но Вильгельм не довольствуется этим. Он добавляет к телеграмме еще следующие рассуждения:

«Признание его собственной слабости и попытка взвалить ответственность на меня. Телеграмма содержит в себе скрытую угрозу и просьбу, похожую на приказ—одернуть союзника. В случае, если В. Превосходительство уже вчера вечером отправили мою телеграмму, она должна была встретиться с настоящей *).

Увидим, как подействует моя телеграмма. Выражение «ignoble war» (недостойная война, К.) не свидетельствует о монархическом чувстве солидарности царя, а, напротив, указывает на его

*) Так на самом деле случилось. Телеграмма царя прибыла 29-го июля в час ночи в Берлин. Телеграмма кайзера к царю была готова, согласно черновику Штумма, 28-го в 10 ч., 45 м. вечера и передана 29-го в 1 ч., 45 м. ночи на главный берлинский телеграф. Следовательно, она была отправлена лишь тогда, когда телеграмма царя прибыла уже в Берлин; последняя не представляет собою ответа на телеграмму кайзера, как можно предположить по германск. «Белой книге», в которой телеграмма Вильгельма датирована 28-ым, 10 ч., 45 м. вечера, а телеграмма царя 29-ым, в 1 час пополудни. К.

панславистские взгляды, т.-е. опасения пред capitis diminutio *) на Балканах, в случае успехов Австрии. Последних можно было ожидать лишь в общем итоге войны. Впоследствии всегда еще найдется время для переговоров, быть может, и для мобилизации, к чему теперь у России нет никаких оснований. Вместо того, чтобы ставить нам ультимативное требование одернуть союзника, Е. В. следовало бы обратиться к Императору Францу-Иосифу и с ним вести переговоры, чтобы ознакомиться с намерениями Е. В.

Не следовало ли бы послать для информации копии обеих телеграмм Е. В. королю в Лондон?

«Социалисты»**) ведут на улицах антимилитаристскую пропаганду. Этого не следует допускать, вообще, а в настоящий момент тем более.

Если это повторится, я об'явлю осадное положение и прикажу арестовать всех без исключений вожаков tutti quanti. Инструктировать Лэбэлла и Ягова в этом направлении. Мы не можем в настоящий момент больше терпеть никакой социалистической пропаганды!»

Эта пропаганда была направлена против войны Австрии с Сербией, которую Вильгельм сам охарактеризовал, как совершенно необоснованную. Вместо того, чтобы одернуть союзника, угрожающего всеобщему миру, кайзер хочет приказать «арестовать tutti quanti», протестующих против войны, требует предоставить свободу австрийскому военному командованию и, пока что, ожидать «общих итогов их успехов».

13. Италия.

Ко времени отправки ультиматума Сербии среди правящих лиц Берлина и Вены еще царила беззаботная самонадеянность. Воображали, что победа уже в кармане: дипломатическая,—в том случае, если Россия подчинится без борьбы уготованному ей, как выразился Вильгельм, capitis diminutio ***), т.-е. позорному унижению, или военная, если Россия даст себя увлечь и возьмется за оружие.

---

*) Уменьшение правоспособности.

**) В оригинале «Soci»—непереводимая на русский язык кличка употребляется презрительно, насмешливо, вместо «Socialisten».

***) Capitis diminutio—уменьшение правоспособности. Примечания переводчика.

Но эта уверенность покоилась на надежде, что в германском народе удастся найти достаточный отклик на конфликт, что Италию можно будет удержать на своей стороне в качестве союзника, а Англию побудить остаться нейтральной.

Тут пришел ответ Сербии. Чем большее действие он оказывал, тем решительнее общественное настроение отворачивалось от Австрии и ее покровителей. Отсюда—появление этой неуверенности, с признаками которой мы только что познакомились.

Мы видели возмущение Вильгельма «социалистами»; не меньше неприятности причинял ему и его итальянский союзник.

Если бы заговорщики из Потсдама видели действительность такой, какой она была, а не такой, какой по их желанию она должна была быть, то им уже заранее нельзя было рассчитывать на поддержку Италии, а наоборот, следовало считаться с ее выступлением в качестве противника.

Ведь, на Балканах Италия была таким же соперником Австрии, как и Россия. Конечно, Австрия гораздо больше, чем Россия стояла на пути Италии, ибо последняя, подобно Австрии, преследовала завоевательные цели на Западной стороне Балкан. Следовательно, после аннексии Австрией в 1909 г. Боснии, между Россией и Италией наступило сильное сближение в балканской политике.

Разумеется, и Сербия могла стать конкурентом итальянского империализма на Балканах, но она тогда была еще мала—страной с 3-мя миллионами жителей, следовательно, совершенно не опасной в сравнении с великой Габсбургской монархией, с ее 50-ью миллионами.

И не только империалистические круги, но и демократия Италии относилась враждебно к Австрии, угнетавшей и преследовавшей миллион итальянцев на своей территории.

В действительности, Италия была союзником лишь Германии, а не Австрии. Между итальянцами и австрийцами существовала ярая вражда, столь глубокая, что уже в 1909 г. начальник австрийского генерального штаба Конрад фон-Гецендорф настаивал на войне с Италией. Настроение черно-желтых*) генштабистов и дипломатов не улучшилось от того, что в 1913 г. Италия расстроила военные планы Австрии против Сербии.

---

*) Австрийских. Примеч. переводчика.

Заговорщики так мало доверяли «союзнику», что считали необходимым самым тщательным образом скрывать от него, как и от всего мира, выступление против Сербии. Италия была захвачена австрийским ультиматумом врасплох не только с виду, как германское правительство, но и на самом деле.

Следовало предвидеть, что итальянское правительство будет этим чрезвычайно огорчено. И, если бы даже оно пожелало стать на сторону Австрии, то это было бы для нее затруднено, так как общественное мнение Италии сейчас же повернулось против Австрии и стало на сторону Сербии. Между тем итальянское правительство было гораздо менее самодержавным, чем германское или австрийское. Ему нельзя было рисковать сопротивлением резко выраженному настроению народа.

Единственным средством привлечь Италию на свою сторону могло быть при этих обстоятельствах — предоставление ей со стороны Австрии значительных компенсаций, которые были бы приняты и народом, например, уступка Трентино.

Дальновидной политике следовало бы сначала удостовериться в этом, прежде чем решиться на военную авантюру, если она уже считала ее целесообразной. Сообразуясь с своей собственной империалистической точкой зрения, Вильгельму и Бетману следовало получить от Австрии, прежде чем они в Потсдаме обещали ей безусловную поддержку в войне против Сербии, заверение о ее готовности пойти на определенные уступки Италии.

Но при тогдашней спешке на это нехватило времени. Затея, вызвавшая ужасную мировую войну, не говоря о моральных соображениях, начала проводиться в жизнь с таким легкомыслием и с такой безрассудностью, что в Берлине сначала вовсе и не подумали о том, чтобы обязать Вену определенными компенсациями в пользу Италии. Не задавались, ведь, даже вопросом, каковы были цели войны против Сербии. Как о целях войны, так и об Италии начали размышлять лишь впоследствии. Десять дней спустя после потсдамского свидания, Ягов 15 июля телеграфировал Чиршкому в Вену:

«Каким бы, в общем, австрофобским не было итальянское общественное мнение, оно всегда до настоящего времени являлось в той же степени сербофильским. У меня даже не возникло сомнений, что при австро-венгерском конфликте оно определенно станет на сторону Сербии. Территориальное расширение австро-венгерской монархии и хотя бы только рост

ее влияния на Балканах встречает в Италии только осуждение и рассматривается там, как ущерб для собственной позиции. Вследствие какого-то оптического обмана перед лицом неизбежной угрозы со стороны соседней Австрии, не дооценивается гораздо более серьезная славянская опасность. Несмотря на прямую зависимость политики итальянского правительства от настроения общественного мнения, вышеуказанный взгляд все-же владеет умами большинства итальянских дипломатов. Я всегда имел возможность констатировать у них чрезвычайную нервозность, когда вставал вопрос об угрозе Сербии со стороны Австрии. Заступничество Италии за Сербию, разумеется, в сильной степени возбудило бы стремление к подвигу со стороны России. В Петербурге считались бы с тем, что Италия не только не выполнит своего долга союзника, но и, возможно, прямо выступит против Австрии. Ведь, крушение монархии открыло бы для Италии виды на приобретение давно лелеемых ею территорий.

Следовательно, по моему мнению, чрезвычайно важно, если Вена либо столкуется с римским кабинетом относительно преследуемых ею целей в Сербии, и удержит его на своей стороне, либо, так как сам по себе конфликт с Сербией не означает никакого casus foederis *), воздействует на римский кабинет в пользу сохранения строгого нейтралитета. Согласно своим договорам с Австрией, Италия имеет право на компенсацию при всяком изменении на Балканах в пользу Дунайской монархии. Таким образом, эти компенсации сыграли бы роль об'екта и приманки в переговорах с Италией. По нашим сведениям, например, предоставление Валоны не рассматривалось бы в Риме, как приемлемая компенсация. Повидимому, Италия вообще отрешилась в данный момент от своего взгляда укрепиться на altera sponda **) Адриатического моря.

В Италии, наверное, будут считать единственной достаточной компенсацией лишь приобретение Трентино, о чем я Вам строго конфиденциально сообщаю. Это был бы, во всяком случае, столь лакомый кусок, что им можно было бы заткнуть рот австрофобскому общественному мнению. Нельзя отрицать, что

*) Casus foederis—случай, при котором союз должен войти в силу.

**) Sponda—ложе, на котором возлежали римские граждане во время пиров. Здесь в смысле желания победно укрепиться на втором берегу Адриатического моря. Примечания переводчика.

отказ от области, сроднившейся с монархией, был бы очень трудно совместим с чувствами, как императора, так и народа Австрии. С другой же стороны, спрашивается, какую ценность представляет собою позиция Италии для австрийской политики, какую цену хотят за нее заплатить и находится ли цена в соответствии с барышом, ожидаемым с иной стороны.

Прошу, Ваше Превосходительство, сделать позицию Италии предметом подробной конфиденциальной беседы с графом Бертольдом и, по возможности, коснуться при этом и вопроса о компенсациях. Следует ли в этом разговоре затронуть и вопрос о Трентино, представляю Вашему усмотрению и знакомству с местными настроениями.

Позиция Италии будет, во всяком случае, иметь значение для поведения России в сербском конфликте; если бы в результате последнего разразился всеобщий пожар, то это имело бы и для нас огромное военное значение.

Во избежение недоразумений, смею еще отметить, что ничего не сообщили римскому кабинету о переговорах между Веной и Берлином, следовательно, и вопрос о компенсациях нами не разбирался.»

Ягову легко было говорить. Ему следовало бы лучше знать ограниченность и косность своих австрийских друзей. О компенсациях в Вене ничего не хотели и слышать.

Так 20-го июля Чиршкий сообщает о беседе с Бертольдом:

«Граф Бертольд сказал, что, по его мнению, при настоящем положении дел, вопрос о компенсациях в данный момент вообще не станет актуальным; во вчерашнем заседании было решено отказаться от какого-либо постоянного присоединения чужой территории, особенно по настоянию графа Тиссы, который подчеркнул, что ни от него, ни от кого бы то ни было другого венгерского правительства нельзя требовать усиления славянского элемента в монархии путем присоединения сербских областей.

В виду этого Италия лишается всякого основательного повода требовать компенсаций. На мое замечание, что Италия рассматривала бы даже разгром Сербии и связанное с ним распространение влияния монархии на Балканах, как ущерб для своей позиции и последнее могло бы привести к притязаниям с ее стороны, министр возразил, что такая точка зрения находится в противоречии с неоднократными заявлениями маркиза ди Сан-Джульяно о том, что Италии нужна сильная Австрия».

После того, как австрийский граф разрешился такой глубокой премудростью, он распространялся еще о принципе национальностей, нарушенном самой же Италией путем занятия Либии, и продолжал:

«Если, впрочем, в Риме в данный момент не могут себе практически представить тесного австро-итальянского сотрудничества, то в нем и не ощущается никакой необходимости. Австрия не требует ни сотрудничества, ни поддержки, а лишь воздержания от враждебного выступления против союзника».

В остальном итальянцы не причинили предприимчивому министру никаких забот:

«Он не строит себе никаких иллюзий относительно антиавстрийских и сербофильских настроений Сан-Джульяно и итальянцев, но он твердо убежден в том, что Италия, как в военном, так и во внутри-политическом отношении, едва ли может думать об активном вмешательстве. Г. Фон-Мерей (австрийский посол в Риме), взгляд которого он, министр, считает правильным, полагает, что Сан-Джульяно главным образом было важно обмануть Австрию и искать себе защиты от общественного мнения Италии».

Уже после этих примеров легкомыслия и ограниченности, германскому правительству должно было стать страшно за союзника, с которым оно пустилось на авантюру, угрожающую привести к «всеобщему пожару».

Однако, Вильгельм был пока что еще преисполнен надежд. Ягов передал ему по телеграфу 25-го июля доклад Флотова из Рима, отправленный оттуда 24-го. В нем говорится:

«В продолжительном и довольно бурном совещании с премьер министром Саландрой и маркизом ди Сан-Джульяно, последний доказывал, что дух договора тройственного союза требовал бы предварительного обмена мнений с союзниками при столь чреватом последствиями агрессивном шаге Австрии. Так как по отношению к Италии этого не было сделано, то она не может считать себя связанной в отношении дальнейших последствий этого шага.

Кроме того, пункт 7 договора тройственного союза (которого здесь у меня нет под рукой), требовал предварительного соглашения контрагентов при изменениях на Балканах, а в случае территориальных изменений одним из контрагентов, возмещения в пользу другого.

На мое замечание, что Австрия, поскольку мне известно, заявила о своем нежелании территориальных приобретений, министр заметил, что такого рода декларация была дана лишь очень условно. Австрия, наоборот, заявила, что в данный момент она не предвидит территориальных приобретений, оставляя за собой право впоследствии, в случае необходимости, на иные, быть может, решения. Министр полагал, что ему, следовательно, не поставят в вину предпринятых им своевременно мер предосторожности.

Австрийская нота так агрессивна и так бестолково составлена, что общественное мнение всей Европы и вместе с ней Италии (Ей хотелось в Албании исподтишка кое-что стянуть, но при этом ее накрыла Австрия. В) будут против Австрии. Никакое итальянское правительство не в состоянии было бы бороться против этого. (Вздор. В.).

По моему впечатлению, единственная возможность удержать Италию состоит в том, чтобы вовремя обещать ей компенсации (Ведь, и маленькому воришке *) всегда должно кое-что достаться. В), когда Австрия предпримет территориальный захват или аккупацию Ловчена **)».

По поводу этой телеграммы Ягов замечает, что итальянский посланник в Берлине Болатти требовал компенсаций, так как в противном случае политика Италии будет направлена на воспрепятствование расширению австрийской территории. Вильгельм подчеркивает слово «компенсаций» и добавляет: «Албанию». В конце телеграммы помещает он, однако, классическое замечание:

«Это сплошной вздор, который разрешится уж сам собой в ходе событий».

Однако в министерстве иностранных дел и даже в генеральном штабе менее оптимистически смотрели на поведение Италии. А сам Вильгельм, как только он снова очутился на суше, стал смотреть на вещи гораздо трезвее, особенно, когда он увидел, как подействовал сербский ответ.

Германское правительство продолжало оказывать давление на Австрию, чтобы она предоставила Италии компенсации.

---

*) Намек на низкий рост итальянского короля Виктора-Эммануила.
**) Название горы, где находится столица Черногории, Цетинье.

Примечания переводчика.

25-го июля Флотов доносил из Рима:

«Во время вчерашней дискуссии с. г. Саландрой и маркизом ди Сан-Джульяно, неоднократно приводившей к острым столкновениям между маркизом ди Сан-Джульяно и мной, с итальянской стороны, казалось, обрисовались три пункта: во-первых, страх перед общественным мнением Италии, во-вторых, сознание военной слабости, и в-третьих, желание выторговать в этом случае кое-что для Италии, если возможно Трентино».

По этому поводу Бетман-Гольвег замечает:

«Е. В. считает безусловно необходимым, чтобы Австрия заблаговременно столковалась с Италией по вопросу о компенсациях. Это должно быть сообщено по специальному поручению Е. В. г. Чиршкому для дальнейшей передачи графу Бертольду.»

Флотов продолжает в своем докладе:

«Маркиз ди Сан-Джульяно открыто не высказал возможности, что Италия могла бы выступить и против Австрии; она проскальзывала лишь в тонких намеках... Как уже сообщалось, маркиз ди Сан-Джульяно, основываясь на тоне австрийской ноты, настойчиво доказывал, что выступление Австрии против Сербии является агрессивным; поэтому всякое могущее возникнуть вмешательство России и Франции не сделали бы войны оборонительной; именно, благодаря этому и отсутствует casus foederis. Уже из тактических соображений я горячо оспаривал эту точку зрения. Однако, Италия, по всей вероятности, будет твердо держаться за эту возможность ускользнуть.

Общий результат, следовательно, таков: на активную помощь Италии в могущем возникнуть европейском конфликте, вряд ли можно будет рассчитывать. Поскольку это сейчас поддается учету, явно враждебное выступление Италии против Австрии можно будет предотвратить разумным поведением последней».

26-го Флотов сообщает затем:

«Маркиз ди Сан-Джульяно продолжает заверять меня, что выступление Австрии является в высшей степени опасным для Италии, так как Австрия из-за irridenta*) может завтра

---

*) Возникший в 1878 г. в Италии союз национально-радикальных элементов с целью об'единения всех говорящих на итальянском языке частей Австрии (Треттино, Триест) Франции, Швейцарии и о. Мальты с Италией.

Прим. переводчика.

таким же образом выступить против Италии. Следовательно, Италия не может дать своего согласия на такой шаг. По конфиденциальным сообщениям из Бухареста, Е. В., король Румынии, придерживается такого же взгляда относительно проживающих в Венгрии румын...

Австрийским заверениям—не посягать ни на какую сербскую территорию, министр все еще не верит... Министр намекнул снова, что, не получив компенсаций, Италия будет вынуждена преградить Австрии путь».

Тот, кто искренне намеревался действовать в пользу всеобщего мира, должен был, конечно, прежде всего оказывать на Австрию давление, чтобы она удовлетворилась сербским ответом. Вместо этого на Австрию оказывали давление в пользу ее соглашения с Италией, чтобы стать более сильной в случае превращения сербской войны в общеевропейский конфликт. Чем больше растет вероятность последнего, тем настойчивее становятся напоминания Вене:

26-го Бетман-Гольвег телеграфирует Чиршкому в Вену:

«Даже начальник генерального штаба считает крайне необходимым прочное сохранение тройственного союза с Италией. Поэтому необходимы соглашения Вены и Рима. Вене нельзя уклоняться от этого соглашения двусмысленными толкованиями договора, а следует, наоборот, принять свои решения в соответствии с серьезностью положения».

Предложения становятся все настойчивее. 27-го Ягов телеграфирует послу в Вене:

«Е. В. Император считает безусловно необходимым, чтобы Австрия заблаговременно столковалась с Италией относительно статьи VII и вопросов о компенсациях. Е. В. специально приказали сообщить это Вашему Превосходительству для передачи графу Бертольду».

Но ни начальнику генерального штаба, ни самому кайзеру не удалось преодолеть пассивного сопротивления господ с Бальплаца *), твердо решивших видеть в итальянцах не союзника, а врага.

И как Италия с присущим ей упорством, так и другой, еще имевшийся у Германии союзник, — Румыния, грозили дать осечку.

---

*) См. стр. 147.

Это все же должно было действовать отрезвляюще. Но в еще большей степени должна была настроить критически позиция Англии.

14. Англия.

До 29-го июля.

Германское правительство надеялось, что в случае конфликта с Россией и Францией ему удастся повлиять на Англию, остаться нейтральной. Вероятно, рассчитывали на то, что Ирландия находилась, казалось, накануне открытого восстания, а также на то, что пацифизм был особенно силен как раз в Англии, не только среди рабочих, но и среди большей части ее буржуазии.

Даже многие мелкобуржуазные элементы, не видевшие ничего предосудительного в колониальной войне, ужасались возможности европейской войны с ее гибельными экономическими последствиями.

Следовательно, германское правительство, действительно, могло ожидать, что война с Германией встретит сильное сопротивление в английском парламенте; но оно не учло того, что это могло относиться лишь к наступательной войне, которая не была бы намеренно спровоцирована. Германские морские вооружения вселяли все более сильное беспокойство населению Англии из-за возможности германского вторжения. Война Германии с целью разгрома Франции или, более того, оккупация Германией Бельгии должна была натолкнуться на самое сильное сопротивление английского народа.

Повидимому, германское правительство со всей серьезностью не принимало в расчет этих обстоятельств. Вся его тактика была построена на предположении английского нейтралитета.

В сообщении Пуртеласа о беседе с Сазоновым (от 21-го июля) говорилось:

«Во время беседы министр неоднократно указывал на то, что, по имеющимся у него сведениям, и в Париже и в Лондоне положение расценивается очень серьезно. При этом он, казалось, старался создать впечатление, что и в Англии очень порицают поведение Австро-Венгрии».

Вильгельм замечает по этому поводу с большой категоричностью: «Он ошибается!» Если бы кайзер прочитал доклады Лихновского с бо́льшим вниманием и с меньшими предрассудками,— от он был бы более осторожен.

Но верно то, что английское правительство при возникновении австро-сербского конфликта в начале старалось занять нейтральную позицию с целью посредничать между Австрией и Россией.

В этом смысле и высказался тогда английский король в разговоре братом Вильгельма, принцом Генрихом; последний 28-го июля писал из Киля:

«Мой дорогой Вильгельм!

Перед моим от'ездом из Лондона, т.-е. в воскресенье утром 26-го июля, я, по собственной просьбе, имел краткую беседу с Джорджи *). Отдавая себе совершенно ясный отчет в серьезности настоящего положения, король уверял меня, что он и его правительство постараются приложить все усилия, чтобы локализовать войну между Австрией и Сербией. Поэтому его правительство, как Тебе уже известно, сделало предложение Германии, Англии, Франции и Италии путем вмешательства попытаться удержать Россию в узде. Он надеется, что Германия в состоянии будет, несмотря на свое союзническое отношение к Австрии, присоединиться к этому предложению, с целью избежать европейской войны, к которой, как он замечает, мы находимся ближе, чем когда-либо раньше. Он сказал дальше дословно следующее: «We shall tray all we can to keep out of this and shall remain neutral» (мы приложим все усилия, чтобы не быть вовлечеными в войну и останемся нейтральными). Я убежден в том, что эти слова были сказаны всерьез, как и в том, что Англия останется нейтральной. Но сможет ли она остаться нейтральной надолго, об этом я не могу судить, однако, питаю сомнение насчет ее отношений к Франции.

Джорджи был очень серьезен, рассуждал и проявлял самое серьезное и искреннее стремление предотвратить возможный мировой пожар, при чем сильно рассчитывал на Твое содействие. Содержание беседы я сообщил Лихновскому (уже 28-го июля. К.) с просьбой передать ее канцлеру...

Твой верноподданный брат
Генрих».

Сообщение о беседе не блещет большой логичностью. В нем говорится, что английское правительство предлагает об'еди-

---

*) Георг V, король Великобритании.

Прим. переводчика.

ниться Германии, Англии, Франции и Италии, с целью удержать Россию в узде и высказывается надежда, что союзнические отношения с Австрией не помешают Германии присоединиться к этому предложению. Ясно, что речь о союзническом отношении могла возникнуть только тогда, когда дело заключалось в том, чтобы Австрию удержать в узде. Вероятно, «Джорджи» говорил о России и Австрии. Но, тем не менее, мы не станем заранее оспаривать достоверности всего письма и указанием на старческую дряхлость à la Сэгэни... Что касается нейтралитета, то, вероятно, было только сказано: мы попытаемся остаться нейтральными до тех пор, пока это будет возможно. Генрих сомневается сам в возможности продолжительного нейтралитета Англии. Вильгельм же рассматривал это намерение короля как обещание, связывающее при всех обстоятельствах.

Кроме того Вильгельм еще до пред'явления ультиматума Сербии понимал английский нейтралитет, как свое неот'емлемое право и не только рассчитывал на него, но даже до некоторой степени требовал его. Он понимал его в том смысле, что Англия должна воздержаться от всякого воздействия на Австрию и предоставить последней свободу действий.

Это видно из замечаний кайзера к докладу Лихновского от 22-го июля. Мы приводим его полностью с добавлением Вильгельма в скобках:

«Как мне конфиденциально сообщают, Сэр Эдуард Грэй заявит завтра графу Менсдорфу о намерении британского правительства всеми мерами воздействовать, чтобы австро-венгерские требования были приняты сербским правительством, в случае их умеренности и совместимости с самостоятельностью сербского государства (Об этом надлежит судить не ему: это дело Е. В. Императора Франца-Иосифа. В.). В том же направлении, по его мнению, использует Сазонов свое влияние в Белграде. Но предпосылкой такого поведения являются отказ Вены от всяких недоказанных обвинений à la Фридиунг и недвусмысленное доказательство Австро-Венгрией связи между сараевским убийством и политическими кругами Белграда. (Ее дело. В.). Все зависит от того, как в Вене составят ноту и каковы результаты предыдущего следствия. На основании легкомысленных утверждений (Что легкомысленно? Как может Грэй употребить такое выражение по от-

ношению к старому почтенному государю! В.) в Белграде нельзя пред'являть претензий.

Я пока постараюсь воздействовать здесь в том направлении, чтобы австрийские требования были безоговорочно приняты, принимая во внимание справедливость требований Австрии об удовлетворении, и необходимость окончательного прекращения постоянного беспокойства. Эти требования должны быть приняты, даже если бы они не вполне соответствовали национальному достоинству Сербии (Его не существует! В.).

Здесь имеются надежды на то, что нашему влиянию в Вене удастся устранить пред'явление невыполнимых требований. (При чем здесь я? Меня это совершенно не касается! Что значит невыполнимые? Эти негодяи призывали к убийству, а потому с ними надо покончить! Чудовищное британское бесстыдство. Я не обязан à la Грэй делать Его Величеству Императору предписания, касающегося защиты его чести. В.). Определенно здесь рассчитывают на то, что мы не будем солидаризироваться с требованиями, явно имеющими целью вызвать войну и не будем поддерживать никакой политики, пользующейся сараевским убийством, как простым предлогом для удовлетворений австрийских вожделений на Балканах и для уничтожения бухарестского мира. Между прочим Эдуард Грэй сегодня опять поручил мне передать, что он старается воздействовать на Петербург в пользу Австрии. Но здесь произвело неприятное впечатление то, что граф Бертольд до сих пор очень подозрительно избегал говорить с сэром Морис де-Бунзеном по поводу сербского вопроса».

К этому докладу Лихновского Ягов добавляет:

«Посол Вашего Величества в Лондоне получит инструкцию относительно формулировки своих заявлений в том смысле, что нам не были известны австрийские требования, и что мы их, однако, рассматриваем как внутренний вопрос Австро-Венгрии, влиять на который нам не подобает».

Вильгельм по этому поводу замечает:

«Правильно! Но это должно быть сказано Грэю достаточно ясно и серьезно, чтобы он видел, что я шутить не намерен. Грэй совершает ошибку, когда он Сербию ставит наравне с Австрией и другими великими державами! Это возмутительно! Сербия это—преступная банда разбойников, которую

нужно привлечь к ответственности. Я ни во что не буду вмешиваться, о чем в праве судить лишь император. Я ожидал такой телеграммы и она меня не поражает! Чисто британский способ рассуждения и снисходительно-повелительный тон, который я с негодованием отметаю!»

Такими мерами Вильгельм намеревался добиваться английского нейтралитета. Конечно, его дипломаты усердно старались разрядить созданную им сгущенную атмосферу, но основное затруднение оставалось: противоречия между австрийской и британской точками зрения были слишком велики, чтобы Англия могла, как она вначале намеревалась, продолжать заступаться за Австрию и сдерживать исключительно Россию.

Это сказалось сейчас же после опубликования австрийского ультиматума. Уже 24-го июля Лихновский сообщает:

«Сэр Э. Грэй только что пригласил меня к себе. Министр находился, повидимому, под сильным впечатлением австрийской ноты. По его мнению, она превосходит все, что он когда-либо до сих пор видел в этом роде. Грэй сказал, что он пока не имеет никаких известий из Петербурга и не знает поэтому, как там отнеслись к этому делу. Но он очень сомневается, сможет ли русское правительство рекомендовать Сербии безоговорочно принять австрийские требования. Ведь, государство, которое приняло бы нечто подобное, вычеркивает себя из списка самостоятельных государств. (Это было бы очень желательно. Оно не государство в европейском смысле, а банда рзбойников. В.). Сэру Эдуарду Грэю также трудно в этот момент давать какие-либо советы. Ему остается только надеяться, что в Петербурге сложится снисходительный (!! В.) и спокойный взгляд на положение; пока дело идет о... локализованном столкновении между Австрией и Сербией, его, сэра Эдуарда Грэя, это дело никак не касается (Правильно. В.). Иначе обстояло бы дело, если бы общественное мнение России заставило правительство выступить против Австрии.

На мое замечание, что к балканским народам нельзя применять ту же мерку, что и к культурным европейским народам (Правильно, они вовсе таковыми и не являются! В.) и поэтому, как это уже показал их варварский метод ведения войны, с ними надо разговаривать другим языком, чем, например, с британцами и немцами (Правильно! В.) Министр возразил, что если он и может согласиться с этим взглядом,

то он все же сильно сомневается, чтобы его разделяли в России. (В таком случае и Россия тоже не лучше. В.).

В случае вступления Австрии на сербскую территорию (Это безусловно случится. В.), опасность европейской войны надвигается вплотную. Последствий такой войны вчетвером (Грэй определенно подчеркнул число четыре), подразумевая под этим Россию, Австро-Венгрию, Германию и Францию (Он забывает про Италию. В.) совершенно нельзя предвидеть. Каков бы ни был исход этого дела, несомненно одно, что в результате его наступит полнейшее истощение и обнищание: будут уничтожены промышленность и торговля, и мощь капитала разрушена. Результатом падения производительной деятельности будут революционные движения, как это было в 1848 г. (! В.).

Сэр Э. Грэй больше всего, помимо тона ноты, сожалеет еще о том кратком сроке, который делает войну почти неизбежной. Он выражает свою готовность вместе с нами воздействовать на Вену по поводу продления срока (Бесполезно! В.), так как в этом случае, пожалуй, можно будет найти выход (?!! В.). Грэй просил меня передать Вашему Превосходительству это предложение.

Затем он предложил, чтобы на случай опасного осложнения четыре непосредственно не участвующие в конфликте государства: Англия, Германия, Франция и Италия взяли на себя посредничество между Россией и Австро-Венгрией. (Излишне, так как Австрия поставила уже Россию в известность, а Грэй, ведь, не может ничего иного предложить. В посредничестве я не приму участия, разве только, если Австрия меня определенно об этом попросит, что мало вероятно. В вопросах жизни и чести другим не советуют. В.).

Министр явно старается делать все, чтобы предотвратить европейское осложнение и не может скрыть своего глубокого сожаления по поводу вызывающего тона австрийской ноты и краткого срока.

С другой стороны мне говорят в Foreign Office *), что есть основание предполагать, будто Австрия слишком не дооценивает силу сопротивления Сербии. Во всяком случае, это будет длительная, ожесточенная борьба, которая необычайно ослабит Австрию

*) Английское министерство иностранных дел.

и в которой она сама себя обескровит. (Вздор! Война может дать Англии Персию... В.). К тому же будто бы имеются сведения о более чем ненадежной позиции Румынии: в Бухаресте, мол, заявили, что выступят против всякого, кто нападет».

В этом документе особенно заслуживают внимания три пункта. Первое — спокойствие, с каким Вильгельм ожидает войну еще 26 июля. По его мнению—вздор, что Австрия может в ней обескровиться. Опасение, что война принесет всем участникам ее экономическую разруху и революцию, ему кажется столь смешным, что кайзер находит его достойным лишь восклицательного знака.

Во-вторых, видно, что Вильгельм 26 июля, прочитав доклад Лихновского, рассчитывал еще на вступление Италии в войну, конечно, на стороне Германии.

Наконец, следует отметить, что Грэй мыслит себе войну, которой он опасается, лишь как войну четырех, не упоминая об Англии. Таким образом, он старается еще быть нейтральным. Грэй вынужден это делать, желая выступить в роли посредника.

Но для успеха такого посредничества требовалось, чтобы и Германия была искренне нейтральной. Последнее уже заранее было сомнительно, и в ходе переговоров все более усиливалось подозрение, что она лишь лицемерно прикрывалась маской нейтралитета, чтобы иметь возможность незаметно помогать Австрии, которая не желала сойти с своего пути политики войны.

Англия должна была считаться с возможностью, что Германия вместе с Австрией будут толкать к войне против России и Франции. Ведь, в союзе с Италией Германия могла быть уверенной в победе. Если же такое намерение существовало, тогда следовало опасаться, что в надежде на нейтралитет Англии воинственные тенденции Германии еще более усилятся. И поэтому следовало предостеречь Германию, что ей нельзя рассчитывать на этот нейтралитет. Это предостережение могло еще спасти мир, находившийся под сильнейшей угрозой. Оно последовало 29 июля.

29-е июля.

Предостережение нашло подготовленную почву. Мы уже констатировали перемену настроения в Берлине, начавшуюся 28 июля, вызванную, вероятно, социалистическими демонстрациями против войны в Берлине, ходатайствами Лихновского и

упрямством Италии. Все это наводило на мысль, что веселая война двух против двух может превратиться в очень скверную — двух против четырех.

Тут Бетман попытался обещаниями привлечь на свою сторону Англию.

В беседе с сэром Эд. Гошеном 29 июля он замечает:

«Предполагая нейтралитет Англии, мы можем заверить английский кабинет в том, что мы, даже в случае войны, не стремимся ни к какому территориальному расширению в Европе за счет Франции. Далее, мы заверяем, что будем уважать нейтралитет и неприкосновенность Голландии до тех пор, пока его будут уважать наши противники».

Однако, канцлер уже тогда одновременно подготовляет вторжение в Бельгию:

«Что касается Бельгии, то мы не знаем, к каким контроперациям может нас вынудить выступление Франции в возможной войне. Но если предположить, что Бельгия не выступит против нас, разумеется, мы были бы готовы дать заверение в том, что неприкосновенность Бельгии после окончания войны должна остаться ненарушенной.

Эти предполагаемые обещания кажутся нам самым подходящим основанием для дальнейшего соглашения с Англией, над которым до сих пор постоянно трудилась наша политика. Заверение о нейтральной позиции Англии в данном конфликте would enable me to a general neutrality agreement in the future of wich it would be premature to discuss the details in the present moment. (дало бы мне возможность заключить общий договор о нейтралитете на будущее, детали которого в данный момент обсуждать было бы преждевременно)».

Формулировка составленного по-английски предложения причинила Бетману большие затруднения. Сначала он было написал: «в случае, если бы наметился общий договор о нейтралитете на будущее, мы ответили бы на это соглашением по вопросу о флоте».

Затем он вычеркнул эту фразу и написал: «создало бы нам возможность рассчитывать на договор о всеобщем нейтралитете на будущее. В данный момент я не могу еще подробнее высказаться относительно основ и деталей такого договора, так как Англия, вероятно, поставила бы вопрос на обсуждение в целом».

Но и эта формулировка ему не понравилась. В конце-концов, он остановился на составленной по английски.

Это затруднение очень показательно. Накануне войны Бетман-Гольвег старался склонить Англию покинуть Францию и Бельгию на произвол германского военного превосходства. Надежда на достижение последнего была бы у него лишь в том случае, если бы он преподнес Англии успокоительные заверения относительно германской морской и мировой политики. Но и тогда еще виды на это были бы слабыми, ибо словесным обещаниям еще противостояла реальность германского флота. Тем не менее кой-какой успех все же был бы еще мыслим. Однако, даже в тот момент, когда Германия шла навстречу этому ужасному кризису, Бетман-Гольвег не мог решиться, хотя бы лишь в виде приманки, упомянуть о соглашении по вопросу о флоте. Он не сумел сказать ничего, кроме неопределенной фразы о «договоре о всеобщем нейтралитете на будущее», которая, разумеется, не давала ни малейшей гарантии того, что победоносная Германия не обратит впоследствии и против Англии все свое неотразимое военное превосходство.

Это предложение и было отклонено Грэем, и при этом весьма энергично, как позорная попытка заключить сделку с Германией за счет Франции, колонии которой отошли бы тогда к Германии. Но еще до того, как британское правительство получило известие об этом предложении, оно уже очень внушительно предостерегло Германию. Германия все же была поставлена в известность, что Англия, несмотря на свое желание посредничать в качестве нейтральной державы между Австрией, Сербией и Россией, не может обещать своего нейтралитета, в случае войны между Германией и Францией.

Это сообщение, которого, конечно, нельзя было не ожидать, поразило Вильгельма как громом. Ярость и страх боролись в нем и заставили его, как мы сейчас увидим, совсем потерять голову.

29 июля Лихновский послал две депеши в Берлин. В одной из них он, между прочим, сообщал, что сэр Э. Грэй очень серьезно расценивает положение:

«Самое неприятное впечатление произвела на него вчерашняя телеграмма сэра Мориса де-Бунзена (английского посла в Вене. К.), согласно которой граф Бертольд категорически отклонил предложение Сазонова уполномочить графа Сапари

(австрийского посла в Петербурге. К.) вступить с ним в переговоры о сербско-австрийском конфликте».

С целью избежать войны, министр далее обсуждал возможности посредничества и соглашения.

Важнее следующая депеша:

«Сэр Э. Грэй только что снова пригласил меня к себе. Министр был совершенно спокоен, но очень серьезен, и встретил меня словами, что положение все более обостряется (Наглейший и неслыханнейший образец английского фарисейства, который я когда-либо видел! С такими мерзавцами я никогда не заключу договора о флоте. В.). Сазонов заявил, что он после об'явления войны (Сербии. К.) не в состоянии больше вести непосредственных переговоров с Австрией и просил здесь Англию снова возобновить посредничество (Несмотря на обращение царя ко мне! Значит, меня обошли. В.) Российское правительство рассматривает предварительное прекращение враждебных действий, как необходимое условие этого посредничества.

Сэр Э. Грэй повторил свое уже сообщенное Вам предложение, что мы должны участвовать в такого рода посредничестве вчетвером, какое нами уже принципиально принято. Он лично считал подходящей основой для посредничества об'явление Австрией своих условий, пусть даже после оккупации Белграда и других мест (Хорошо. Уже несколько дней мы пытаемся достигнуть этого. Но тщетно! В.) Если бы, однако, Ваше превосходительство решились взять на себя посредничество, как я об этом сегодня утром мог обещать, то это было бы Грэю, разумеется, также приятно. Посредничество он считает в данный момент настоятельно необходимым, если не хотят вызвать европейской катастрофы (Если бы вместо посредничества в Петербурге и Париже было произнесено хоть одно внушительное слово, что Англия им не поможет, то это тотчас же создало бы спокойное положение. В.).

Затем, сэр Э. Грей сказал мне, что у него имеется для меня дружеское и частное сообщение; он не желает, чтобы меня ввели в заблуждение наши столь сердечные и личные отношения и наш интимный обмен мнений по всем политическим вопросам: он желал бы избегнуть в будущем упрека (Неминуем. В.) в неискренности. (Ага! подлый фарисей! В.).

Британское правительство желает поддерживать и впредь существующую с нами дружбу и оставаться в стороне до тех пор, пока конфликт ограничивается Австрией и Россией. (Это значит, что мы должны оставить Австрию. Неслыханная пошлость и дьявольское фарисейство—зато чисто по-английски! В.). Но если бы мы и Франция были вовлечены в войну, то дело сейчас же приняло бы иной оборот, и британское правительство считало бы себя, пожалуй, вынужденным принять спешные решения (Уже приняты. В.). В этом случае нельзя было бы долго оставаться в стороне и выжидать (Т.-е. они нападут на нас. В.). Когда разразится война, то это будет величайшей катастрофой, какую когда либо видел мир. Грей, по его словам, далек от какого-либо желания угрожать, - он лишь хотел предостеречь меня от разочарований, а себя от упрека в неискренности (Совершенно неудачно. Все-таки он был неискренен во все эти годы вплоть до его последней речи. В.) и потому избрал форму частного обмена мнений.

Сэр Э. Грэй добавил еще, что его правительство (Мы тоже! В.) должно считаться и с общественным (Новоиспеченным! В.)мнением. (Если правительство захочет, ему легко управлять и вертеть общественным мнением, ибо пресса его беспрекословно слушается. В.). До сих пор оно было в общем благосклонно настроено к Австрии, так как признавало право на известное удовлетворение, но теперь оно, вследствие австрийского упорства, совершенно переменило позицию (С помощью джинго- *) прессы! В.)

Моему итальянскому коллеге, который как раз сейчас от меня уходит, сэр. Э Грэй сказал, что он постарается, в случае принятия Австрией посредничества, помочь ей получить всякое возможное удовлетворение; об унизительном отступлении Австрии не может быть и речи, так как сербы при всех обстоятельствах наказаны и с согласия России принуждены будут подчиниться австрийским требованиям. Таким образом, Австрия может добиться гарантий на будущее и без войны, которая ставит европейский мир под знак вопроса.

Лихновский».

---

*) Джингизм—в Англии и Америке ярый шовинизм.

Примеч. переводчика.

Эту телеграмму Вильгельм сопровождает еще следующим заключительным замечанием.

«Англия открывает свои карты в тот момент, когда ей кажется, что мы загнаны в тупик и находимся в безвыходном положении! Гнусная торгашеская сволочь пыталась обмануть нас банкетами и речами. Наглым обманом являются направленные по моему адресу слова короля в разговоре с Генрихом: «We shall remain neutral and try to keep out this as long as possible» Грэй уличает короля во лжи и этот разговор с Лихновским — является лишь проявлением угрызения совести по поводу промелькнувшего у него сознания, что он нас обманул. Вместе с тем, это по существу угроза, соединенная с блефом, чтобы раз'единить нас с Австрией, помешать мобилизации и взвалить вину за войну на нас. Он знает определенно, что стоит ему только произнести одно серьезное предостерегающее слово в Париже и Петербурге и порекомендовать им нейтралитет, и оба тотчас же притихнут. Но он остерегается вымолвить такое слово и вместо этого угрожает нам! Мерзкий сукин сын! Англия одна несет ответственность за войну, и мир, а уж никак не мы! Это следует и публично установить».

Лишенные всякой меры выражения определенно свидетельствуют о сильном разочаровании, вызванном у Вильгельма намеком Грэя. Этот намек должен был предвидеть всякий, хоть до некоторой степени трезвый и искушенный политик; его ожидал и принц Генрих тотчас же, как только Георг сообщил ему, что он пытается остаться нейтральным, пока это будет возможно.

Уже в опубликованном Эйзнером отчете баварского советника посольства Шена от 18-го июля говорилось:

«Война между двойственным соглашением и тройственным союзом вряд ли будет в данный момент на руку Англии, принимая во внимание хотя бы положение в Ирландии. Но если, паче чаяния, это случится, то, по существующему здесь мнению, мы найдем наших английских кузенов на стороне наших противников; ибо Англия опасается, что Франция, в случае поражения, будет сведена на уровень державы 2-го ранга и этим будет нарушено balance of power (европейское равновесие), сохранение которого Англия считает необходимым в собственных интересах».

Вильгельм совершенно упустил это обстоятельство из виду в своих политических расчетах и рассматривал обещанное Грэем

в период посредничества стремление к возможному нейтралитету, как обещание нейтралитета, связывающее его при всех обстоятельствах, даже в случае войны против Франции. Более того, он понимал этот нейтралитет, как обязательство Англии слепо поддержать германскую политику в Петербурге и в Париже.

Вряд ли можно было себе представить более бессмысленную политику.

На другой день Вильгельм высказывается еще более подробно об английском предостережении в связи с докладом г. фон-Пурталеса из Петербурга о его беседе с Сазоновым.

Российский министр пытался уговорить германского посла «ходатайствовать перед своим правительством о том, чтобы оно согласилось на участие в переговорах вчетвером с целью найти средства дружеским путем склонить Австрию (Российская мобилизация—дружеский путь?! В.) отказаться от затрагивающих суверенитет Сербии требований».

Это благоразумное предложение, сулившее благоприятные перспективы на сохранение мира и на которое в «принципе» согласилось с Англией германское министерство иностранных дел, встречается с сопротивлением германского посла в Петербурге. Последний разделывается с ним остроумным замечанием:

«Россия требует от нас сделать в отношении Австрии то же самое, что теперь ставится в вину Австрии по отношению к Сербии».

По поводу этого смехотворного толкования, Вильгельм, как и следовало ожидать, замечает: «Прекрасно».

Пурталес уговаривает затем Сазонова все-таки предоставить Австрии свободу действий в Сербии:

«При заключении мира будет еще достаточно времени остановиться на вопросе о бережном отношении к сербскому суверенитету. (Великолепно! В.).

После того, как германский посол, при горячем сочувствии своего императора так славно потрудился над соглашением между Россией и Австрией, он переходит к вопросу о частичной российской мобилизации, последовавшей вслед за австрийской; при этом он не выражает «никакой угрозы, а лишь дружественное предостережение».

«Сазонов заявил, что отмена приказа о мобилизации уже невозможна и что в этом виновна австрийская мобилизация».

Вильгельм сопровождает это длинным рассуждением.

«Если мобилизацию нельзя уже отменить—а это не верно— то почему тогда царь три дня спустя обратился ко мне и взывал к моему посредничеству, не упоминая об издании приказа о мобилизации? Ведь, это ясно доказывает, что мобилизация показалась ему самому чересчур поспешной, и он ради успокоения своей пробудившейся совести, pro forma *) лишь сделал потом этот шаг перед нами. Царь прекрасно знал, что это уже безполезно, так как он не чувствует себя достаточно сильным, чтобы приостановить мобилизацию. Легкомыслие и слабость должны ввергнуть мир в самую ужасную войну, имеющую цель, в конечном счете, гибель Германии. В этом я в настоящее время нисколько не сомневаюсь. Англия, Россия и Франция сговорились — принимая за основу casus foederis в отношении к Австрии—сделать австро-сербский конфликт предлогом повести против нас истребительную войну.

Отсюда циничные замечания Грэя в разговоре с Лихновским: пока война ограничивается Россией и Австрией, Англия будет соблюдать спокойствие и лишь тогда, когда мы и Франция вмешаемся, он (Грэй. П.) вынужден будет выступить против нас. Это означает, что мы должны либо подло предать нашего союзника и предоставить его на произвол России и тем самым расколоть тройственный союз, либо подвергнуться нападению и наказанию со стороны тройственного соглашения за нашу союзническую верность; в этом случае их зависть тогда найдет, наконец, себе удовлетворение в том, что они сообща совершенно разорят нас. Такого in nuce **) истинное, ничуть неприкрашенное, положение вещей, уже давно подготовляемое медленно и верно Эдуардом VII. Эта политика продолжалась и систематически укреплялась тайными переговорами Англии с Парижем и Петербургом. Теперь она доведена, наконец, до своего завершения и осуществлена Георгом V. При этом, из глупости и неспособности нашего союзника нам строят ловушку. Таким образом, пресловутое «окружение» Германии стало таки непреложным фактом, несмотря на все попытки наших политиков и дипломатов воспрепятствовать ему. Сеть внезапно затянулась над нашей головой, и Англия с презрительной насмешкой добилась самых блестящих успехов в твердо прово-

*) Формально.
**) По-просту.

димой ею чисто антигерманской мировой политике. Против нее мы оказались бессильными, между тем, как она заставляет нас изолированными биться в сетях, вьет из нашей союзнической верности к Австрии веревку для нашего политического и экономического удушения. Грандиозная работа, достойная удивления даже со стороны того, кто из-за нее погибает! Эдуард VII и после своей смерти сильней меня—еще живущего! И здесь нашлись люди, полагавшие, что Англию можно привлечь или утихомирить теми или иными незначительными мероприятиями!!!. Неустанно, неотступно преследовала она свою цель нотами, торжественными предложениями, scares *), Гельденом **) и т. д., пока это зашло так далеко. А мы попались в ловушку и ввели единичный темп ***) в судостроительстве, в трогательной надежде успокоить этим Англию!!! Все предостережения, все просьбы с моей стороны оказались тщетными. Теперь приходит английская так называемая благодарность за это! Из затруднения, проистекающего из нашей союзнической верности к достопочтенному старому императору, создается для нас такое положение, которое дает Англии желанный предлог для уничтожения нас, под лицемерной маской права и справедливости. Этим самым Англия получает возможность оказания помощи Франции, которая мотивируется заботами о сохранении пресловутого balance of power в Европе. На самом деле это означает натравливание всех европейских государств в интересах Англии, против нас! Теперь все эти козни должны быть беспощадно раскрыты, с них должна быть публично сорвана маска христианского миролюбия, и фарисейское притворство должно быть пригвождено к позорному столбу. Наши консулы в Турции и Индии, агенты и т. п. должны разжечь среди магометанского мира пламя восстания против этого ненавистного, лживого и бессовестного народа торгашей. Если нам уже суждено истечь кровью, то Англия, по крайней мере, должна потерять Индию».

Эта филиппика характеризует Вильгельма. После того, как он своим заговором с Австрией поставил Германию в такое ужасное положение, он вовсе не думает о том, как ему выпутать страну из беды, а мечтает лишь о театральном эффекте, пред-

*) Английское слово—запугиваниями.

**) С 1905 г. английский статс-секретарь военного ведомства, тщетно пытавшийся реформировать британское военное дело.

***) Выпускание из верфи по одному судну. Примеч. переводчика.

вкушает, как он безжалостно раскроет все козни своих противников, дерзко сорвет с них маску христианского миролюбия и пригвоздит к позорному столбу их фарисейское притворство.

Он совершенно позабыл про собственные «козни», которые уж никак не терпят разоблачения и про свою собственную «христианскую кротость» и «фарисейское миролюбие».

Но вместе с тем он, повидимому, считает войну уже решенным делом. После всех его напыщенных фраз, единственное, что приходит ему в голову—не попытка спасти мир, а призыв к восстанию всего магометанского мира. Он готов уже примириться с мыслью, что Германия в грядущей войне истечет кровью—единственное его желание, лишь чтобы Англия понесла здоровый удар. В действительности же, все это запутанное пустословие свидетельствует лишь о полнейшем смятении. Отказ Италии и предостережения Англии озадачивают кайзера и совсем лишают его остатка присутствия духа.

15. Последние попытки спасти мир.

Совсем иное действие оказывают эти обстоятельства на гражданского канцлера. Он пытается спасти то, что еще можно спасти. Но для этого настоятельно требуется проявить и по отношению к союзнику нечто иное, чем «верность Нибелунгов». Глупость и упрямство этого союзника привели не только к тому, что европейская война угрожала разразиться в одну ночь, с этим еще примирились бы, т. к. с возможностью ее считались заранее. Но глупость и упрямство Австрии угрожали создать необходимость вступления центральных держав в войну при самых неблагоприятных условиях: без Италии, возможно против нее и против Англии. Со стороны же собственного народа Германии грозил убийственный упрек в легкомысленном приведении к этой ужасающей катастрофе.

На Вену должно было быть оказано самое сильное давление, с целью побудить ее, наконец, к более разумной политике.

Но с этой тенденцией скрещивалась другая—милитаристская, считавшая войну неизбежной, раз уже мобилизация началась. И, именно, потому, что число врагов становилось так велико, она настаивала на скорейшем нападении, как единственной возможности уцелеть: несколькими внезапными решающими ударами она рассчитывала приобрести военный перевес, возможно, увлечь за собой колеблющуюся Италию и запугать Англию.

Так боролись две противоположные тенденции. Исход борьбы зависел от потерявшего почву кайзера. Этим об'ясняются колебания накануне войны: с одной стороны, давление на Австрию в пользу мира и, с другой стороны, скоропалительность в мобилизации и поспешность в об'явлениях войны.

В этих противоречиях усматривали умышленное лукавое вероломство. Я вижу в этом лишь результат сумятицы, наступившей у руководящих кругов Германии со времени предостережения Англии, и усугубленной еще поведением Австрии. Долю влияния этого драгоценного союзника не следует забывать. Приведем несколько примеров:

Чем ближе надвигалась угроза войны, тем важнее становилось привлечь на свою сторону Италию. Еще 29-го июля рейхсканцлер писал Ягову:

«Не целесообразно-ли послать еще одну телеграмму в Вену, с категорическим заявлением, что нас совершенно не удовлетворяет тот способ, каким Вена разрешает с Римом вопрос о компенсациях? Вся ответственность за позицию, которую Италия может вследствие этого занять в возможной войне, целиком падает на Вену. Если Вена накануне возможного европейского пожара угрожает своим поведением расколоть тройственный союз, то это обстоятельство грозит распадением всего союза, в целом. Заявление Вены, что в случае продолжительной оккупации части сербской территории она сговорится с Италией, находится помимо всего прочего в полном противоречии с данными ею в Петербурге заверениями о своей территориальной незаинтересованности. Сделанные в Риме заявления, наверное, станут известны и в Петербурге. Двурушнической политики мы, как союзники, не можем поддерживать.

Я считаю такую телеграмму необходимой, иначе мы не можем больше посредничать в Петербурге и вынуждены будем окончательно плестись в хвосте Вены. На последнее я ни в коем случае не согласен, даже рискуя быть обвиненным в компромиссничании.

Если с Ващей стороны нет возражений, прошу немедленно отправить соответствующую телеграмму».

Подобного рода настойчивые наставления, однако, не имели никакого успеха у упорствующих венских дипломатов. Бертольд продолжал давать уклончивые ответы. Фон-Мерей, ярый враг итальянцев, назначенный австрийской государственной

премудростью послом в Риме, превзошел еще Бертольда. 29-го июля Фон-Мерей писал в Вену, что чем более предупредительной будет Австрия, тем более заносчивой и жадной станет Италия. 31-го июля он жаловался на то, что вопреки его советам граф Бертольд, под давлением германского правительства в вопросах о компенсациях, уже на три четверти пошел Италии навстречу. Это было, разумеется, преувеличено: ибо у Бертольда нельзя было выманить что-либо большее, чем неопределенные намеки. Напротив, Ягов должен был жаловаться на Мерея, указывая, что последний не выполняет полученных им инструкций в вопросе о компенсациях.

Сам граф Бертольд сообщил в совещании министров от 31-го июля, что он: «поручил императорскому и королевскому послу в Риме ответить на компенсационные требования в неопределенных выражениях и одновременно снова твердо подчеркнуть, что венский кабинет далек от мысли о территориальных приобретениях. Но если бы монархия вынуждена была предпринять не только временную оккупацию, то все еще найдется время подробнее остановиться на вопросе о компенсациях» (Гоос, стр. 305).

При такой явно провоцирующей политике проволочек, Италия, разумеется, была потеряна для центральных держав.

Между тем, тогда гораздо важнее было, чем вербовать себе союзников, самим выпутаться из опасности войны.

В виду мобилизации эта опасность так возросла, что во избежание ее необходимо было немедленно действовать скорее; рейхсканцлер не мог решиться на это, вероятно, вследствие отвращения, которое питал Вильгельм ко всякому посредничеству вчетвером и к Гаагскому третейскому Трибуналу.

Еще 29-го июля вечером прибыла известная телеграмма царя, наделавшая впоследствие много шума. К началу войны в германской «Белой книге», приведшей все тогдашние телеграммы царя, как раз про эту «позабыли». В ней говорилось:

«Благодарю за Твою миролюбивую и любезную телеграмму.

Оффициальное сообщение, сделанное сегодня Твоим послом моему министру, было совсем в другом духе. Прошу Тебя выяснить это противоречие (О г о! В.). Было бы хорошо передать австро-сербскую проблему Гаагской конференции (! В.) Я полагаюсь на Твою мудрость и дружбу. Твой любящий тебя Ники». (Б л а г о д а р ю, в з а и м н о. В).

В ответ на эту телеграмму Бетман-Гольвег немедленно телеграфировал послу в Петербурге:

«Прошу, Ваше Превосходительство, немедленно выяснить в беседе с г. Сазоновым мнимое противоречие между Вашими словами и телеграммой Его Величества. Идея Гаагской конференции и в этом случае будет исключена».

В виду такого отвращения к прямому пути в пользу мира оставался лишь окольный путь—нажима на неповоротливую, тупую Австрию, в которой война успела уже разнуздать все милитаристские инстинкты.

В ночь с 29-го на на 30-е июля уже не стремились так тщательно, как еще 23-го, избегнуть всякого впечатления, будто «мы желаем удержать Австрию» (см. стр. 137).

30-го июля в 3 часа ночи рейхсканцлер сообщил послу в Вене телеграмму Лихновского с предостережением Грэя и добавил к ней следующие соображения:

«Если Австрия отклонит всякое посредничество, то мы, следовательно, стоим пред пожаром. В этом случае Англия выступит против нас, Италия и Румыния будут, по всей вероятности, не с нами и мы останемся вдвоем против четырех великих держав. В виду явно враждебного отношения Англии к войне, главная тяжесть борьбы пала бы на Германию. Политический престиж Австрии, воинская честь ее армии и ее справедливые требования к Сербии могли бы быть в достаточной мере удовлетворены оккупацией Белграда или каких-нибудь других пунктов. По сравнению с Россией, Австрия путем покорения Сербии укрепила бы свою позицию на Балканах. Учитывая эти обстоятельства, мы вынуждены настойчиво и твердо рекомендовать венскому кабинету решиться на принятие посредничества на указанных почетных условиях. Ответственность за могущие возникнуть в противном случае последствия была бы как для Австрии, так и для нас чрезвычайно тяжкой».

Еще более энергичен тон заключительной части телеграммы, отправленной рейхсканцлером послу в Вене 30-го июля в 2 часа 55 минут ночи с сообщением доклада из Петербурга:

«Мы не можем навязывать Австрии вести переговоры с Сербией, с которой она находится в состоянии войны. Однако, отказ от всякого обмена мнений с Петербургом был бы роковой ошибкой, так-как он прямо провоцирует военное вме-

шательство других держав, избегнуть которого Австро-Венгрия заинтересована в первую голову».

Телеграмма продолжает.

«Несмотря на то, что мы готовы исполнить свой союзнический долг, мы вынуждены, однако, отклонить легкомысленное вовлечение нас Веной в мировой пожар, не обращающей никакого внимания на наши советы. В итальянском вопросе Вена также, повидимому, пренебрегает нашими советами.

Прошу немедленно переговорить об этом со всей решительностью и серьезностью с графом Бертольдом».

Австрия оказывала пассивное сопротивление германскому нажиму. Это приводило Бетман-Гольвега прямо в отчаяние. 30-го июля в 9 час. вечера он послал в Вену Чиршкому телеграмму за № 200:

«Если Вена, как можно предположить из разговора Вашего Превосходительства по телефону с г. фон-Штуммом, откажется от всяких уступок, в особенности от последнего предложения Грэя, то вряд ли окажется тогда возможно взвалить вину за возникающий европейский пожар на Россию. Его Величество взял на себя по просьбе царя посредничество в Вене. Он не мог его отклонить, не желая вызвать явного подозрения, что мы хотим войны.

Успех этого посредничества, конечно, затруднен тем, что Россия мобилизовалась против Австрии. Мы сегодня сообщили об этом Англии с добавлением, что нами уже поднят в дружеской форме вопрос в Петербурге и Париже о приостановлении российских и французских военных мероприятий. Новый шаг в этом направлении мы можем сделать лишь посредством ультиматума, который означал бы войну. Исходя из этого, мы посоветовали сэру Эдуарду Грэю, со своей стороны, настоятельно воздействовать в этом смысле в Петербурге и Париже и только что мы получили через Лихновского его согласие на это. Если старания Англии увенчаются успехом, а Вена будет продолжать упорствовать, то она этим докажет, что она во что бы то ни стало добивается войны, в которую мы уже втянуты, между тем как Россия остается свободной от вины. Это создает для нас совершенно невозможное положение в глазах собственной нации. Следовательно, мы можем лишь настоятельно рекомен-

довать Австрии принять предложение Грэя, который последовательно придерживается занятой им позиции.

Соблаговолите, Ваше Превосходительство, немедленно самым решительным образом переговорить об этом с графом Бертольдом, а, быть может, и с графом Тиссой».

Эта телеграмма также позволяет сомневаться, что было важнее Бетман-Гольвегу: сохранение мира, или взваливание ответственности за войну на Россию. Однако, факт нажима на Вену был налицо и, в конце-концов, это должно было произвести свое действие в пользу мира.

Но этот нажим был встречен упорным и коварным сопротивлением Австрии, не побоявшейся обманывать своего германского союзника, так же как и весь остальной мир. Австрия при этом делала вид, что уступает давлению Германии, в действительности же она ничего не предпринимала для осуществления своих уступок.

В венском совете министров 31-го июля граф Бертольд сообщил:

«Его Величество санкционировали предложение о том, чтобы Венский кабинет тщательно *избегал принять* английское предложение *по существу*, однако, проявил предупредительность в форме своего ответа, и, таким образом, пошел навстречу желанию германского рейхсканцлера не озадачивать (английского) правительства».

Г. граф добавил:

«Если бы выступление и теперь закончилось лишь одним усилением престижа, то по мнению председательствующего (Бертольда), оно предпринято было бы совершенно напрасно. *Одной оккупацией Белграда монархия абсолютно ничего не достигла бы* даже, если бы Россия дала на это свое согласие».

Бертольд сообщил свое намерение ответить на английское предложение в очень предупредительной форме. Однако, он намеревался при этом поставить условия, отклонение которых можно было бы заранее предвидеть, а также избегать касаться вопроса «по существу», что означало в переводе с австро-парламентского пустословия на немецкий язык—не касаться самого дела.

Тисса вполне присоединился к Бертольду. Он также придерживался взгляда, что

«было бы ошибочно вдаваться в meritum (т.-е. в содержание английского предложения. Во всяком случае, военные операции)

против Сербии должны итти своим ходом; но весь вопрос заключается в том, необходимо ли уже в настоящий момент известить державы о новых требованиях по отношению к Сербии. Тисса, со своей стороны, предложил бы ответить на английскую инициативу следующим образом: монархия принципиально готова была бы ее подробнее рассмотреть, но лишь при условии, что операции против Сербии будут продолжаться, а российская мобилизация будет приостановлена».

Это истинная насмешка над предложением мира встретила единодушное одобрение со стороны всей честной компании совета министров.

Неудивительно, что и за эту вероломную политику Австрии, расстраивающую всякое мирное посредничество, ответственность была взвалена на германское правительство, в виду тесного сотрудничества Германии с ее союзником и поддержки ею саботажа мира с самого уже начала.

Но в этом последнем грехе, сделавшем войну неизбежной, Германия не виновата. Перечень ее грехов и так достаточно велик.

После 29-го она пыталась спасти мир. Единственным препятствием, на которое она тогда натолкнулась, оказалось, как мы уже видели, австрийское правительство.

Однако, Германия встретилась еще с одним более сильным, более близким препятствием:

Последнее поручение рейхсканцлера Чиршкому—требование оказывать давление на Австрию в смысле уступчивости, о котором мы здесь упоминали, не было приведено в исполнение. 30-го июля в 9 часов вечера телеграмма была отправлена, а в 11 часов 20 мин. за ней последовала уже вторая, сообщавшая:

«Прошу пока не выполнять инструкций за № 200».

Что же случилось за это время?

Ответ на этот вопрос дает следующая телеграмма рейхсканцлера к послу в Вене:

«Я приостановил выполнение инструкций за № 200 потому, что мне только что сообщил генеральный штаб о происходящих военных приготовлениях наших соседей на востоке; они вынуждают нас принять *спешные решения*, если мы не хотим подвергнуться неожиданностям. Генеральный штаб настойчиво требует по возможности, немедленных конкретных информаций об австрийских решениях, в особенности касающихся

военного характера. Настоятельно прошу позаботиться, чтобы мы завтра получили ответ».

И эта телеграмма также не была отослана, а заменена была другой, в которой отмена инструкций об'яснялась получением телеграммы от короля Англии. Однако нельзя сомневаться в том, что первое заявление было правильно. Повидимому, побоялись допустить подобное влияние генерального штаба на внешнюю политику. В лице генерального штаба выступает теперь новый фактор, который становится решающим в возникновении войны.

16. Мобилизации.

С самого начала кризиса у большинства правительств существовало известное недоверие не только к Австрии, но и к Германии, несмотря на страстные заверения Берлина в том, что он в той же степени был поражен венским ультиматумом, как и весь остальной мир.

Совместный саботаж всяких попыток со стороны Австрии и Германии посредничества, вплоть до 29-го июля, который Австрия продолжала на сей раз, вопреки желанию Германии, — стараясь, однако, явно это не показывать — все это ставило миролюбие центральных держав под большое сомнение и все более усиливало опасения Антанты, что они желают «всеобщего пожара».

Лишь немногие заграничные дипломаты верили еще 30-го июля, что Германия серьезно старается посредничать. К таковым принадлежал бельгийский посланник в Петербурге г. де Л'Эскайль, который 30-го июля сообщает:

«Бесспорно, что Германия здесь, как и в Вене, старалась найти какое-либо средство избежать всеобщего конфлинкта, но при этом она натолкнулась, с одной стороны, на твердую решимость венского кабинета—не отступать ни на шаг, с другой стороны, на недоверие петербургского кабинета к заверениям Австро-Венгрии, помышлявшей будто бы лишь о наказании, а не о захвате Сербии».

На пути через Германию телеграмма попала в руки германского правительства, поспешившего ее опубликовать, т.-к. она, мол, доказывает, что Германия действовала с величайшей само-

отверженностью в пользу мира. Германское правительство опубликовывало впоследствии еще многие другие сообщения бельгийских дипломатов за время целого десятилетия до войны, в которых в очень доброжелательном тоне говорилось о миролюбии Германии.

Эти сообщения свидетельствуют лишь о том, что как раз среди бельгийских дипломатов очень сильно было доверие к германской политике. Тем более странным кажется, что германское правительство одновременно с этими бельгийскими свидетельствами опубликовывало еще и другие, которые должны были доказать, что Бельгия еще задолго до войны вступила в заговор с Англией и Францией против Германии.

Что касается сообщенного де Л'Эскайлем недоверия петербургского кабинета к заверениям Вены о ее нежелании нарушить неприкосновенность Сербии, то это недоверие существовало не только в Петербурге. 29-го июля Бетман-Гольвег писал Чиршкому в Вену:

«Эти заявления австрийских дипломатов не носят уже больше характера частных заявлений, а наоборот, должны рассматриваться как отражение желаний и стремлений Австрии. С растущим беспокойством я слежу за поведением венского правительства и за его разноречивыми выступлениями перед разными правительствами. В Петербурге оно заявляет о своей территориальной незаинтересованности. Нас оставляет в полной неясности относительно своей программы. От Рима отделывается ничего не говорящими фразами по вопросу о компенсациях. В Лондоне граф Менсдорф дарит Болгарии и Албании части Сербии вопреки торжественными заверениями Вены в Петербурге. В виду этих противоречий я должен сделать вывод, что сообщенное в телеграмме за № 83 разоблачение графа Гойоса предназначено было, очевидно, для простаков. Австрийское правительство, повидимому, замышляет планы, которые оно считает целесообразным скрывать от нас, в надежде обеспечить себе, на всякий случай, германскую поддержку и боясь потерять ее в случае открытого признания опасности.

Настоящие замечания, в первую очередь, предназначены для личной ориентировки Вашего Превосходительства. Графу Бертольду прошу лишь указать, чтобы он принял меры против существующего недоверия к заверениям, данным им державам о неприкосновенности Сербии».

Между тем поведение самого Бетман-Гольвега стало возбуждать явное недоверие. Все более распространялся взгляд, что Германия желает войны. Так создалось то роковое состояние, при котором всякий готовился к войне: приготовления, которые сначала могли производиться лишь тайком, в известный момент должны были, однако, вылиться в открытую мобилизацию.

Германские дипломаты предвидели сами опасности такого состояния. В столь часто упоминаемом докладе баварского представительства от 18-го июля говорилось:

«Намереваются отказаться от мобилизации германских войск и одновременно предлагают воздействовать при помощи наших военных представительств на Австрию, чтобы она не мобилизовала всей армии, а в особенности стоящих в Галиции войск, избегая таким образом автоматической контр-мобилизации России. Последняя привела бы нас и Францию к подобным же мероприятиям и, следовательно, к европейской войне».

Это место Эйзнер, к сожалению, пропустил. Оно, якобы, должно было свидетельствовать о германском миролюбии. Во всяком случае, оно говорило о том, что Германия не стремилась любой ценой к европейской войне, а хотела лишь сербской. Но, ведь, это место в то же время свидетельствует, что мобилизация Австрии должна была «автоматически» повлечь за собой российскую мобилизацию, которая вызвала бы вслед за ними европейскую войну.

Слово «автоматически» должны иметь в виду все те, которые утверждают, что Россия мобилизовалась совершенно неосновательно и тем самым доказала свое стремление к войне.

Кому дорог был мир во что бы то ни стало, тот должен был, конечно, прежде всего, не соглашаться на об'явление войны Сербии. Но раз роковой шаг был сделан, то тем самым уже создана была тревожная атмосфера, повлекшая за собой всеобщую мобилизацию. Если хотели этого избежать, то следовало, по меньшей мере, держаться в рамках программы, намеченной в баварском докладе: следовало воспрепятствовать такой мобилизации Австрии, которая могла бы встревожить Россию.

Этого, однако, не случилось.

Австрийская мобилизация была довольно тщательно замаскированной, но Бетман-Гольвег в одной из своих речей о войне

4-го августа, говоря о российской мобилизации, сам признал, что для последней имелись основания.

«Австро-Венгрия мобилизовала лишь свои корпуса, непосредственно направленные против Сербии, а на севере лишь два довольно отдаленных от российской границы армейских корпуса».

Уже 25-го июля Австрия начала мобилизацию восьми армейских корпусов, которая должна была, как это было известно самому германскому правительству, «автоматически» повлечь за собой российскую.

Кроме того, это должно было также значить, что частично начатая мобилизация также автоматически влекла за собой и всеобщую. Последняя произошла в Австрии и в России почти одновременно — 31-го июля. Русские утверждали, будто Австрия опередила их этими мероприятиями.

Французский посланник в Петербурге Палеолог сообщал 31-го июля:

«На основании всеобщей мобилизации Австрии и предпринимаемых Германией в течение 6 дней тайных непрерывных мобилизационных мероприятий, издан был приказ о всеобщей мобилизации российской армии».

1-го августа мобилизовались затем Англия и Франция совершенно так, как это предсказывал баварский доклад.

В самих же германских правительственных кругах российскую мобилизацию об'ясняли отнюдь не военными намерениями российского правительства. 30-го июля германский военный уполномоченный в Петербурге телеграфировал:

«Мне кажется, что здесь мобилизовались из страха пред грядущими событиями, без агрессивных намерений».

Даже после всеобщей российской мобилизации 31-го июля Бетман заявил Лихновскому в Лондоне:

«По-моему, не исключена возможность, что российская мобилизация вызвана теми курсировавшими здесь вчера абсолютно ложными и немедленно официально опровергнутыми слухами о происшедшей здесь мобилизации, которые были сообщены, как факт, в Петербург».

Но если бы даже признать, что мобилизации имели целью лишь защиту — они все же колоссально усилили всеобщее напряжение. Опасность положения вследствие этого чрезвычайно возрастала. На ряду с дипломатами теперь получили слово генштабисты, между тем как у гражданского канцлера произошел

поворот в пользу мира. Целью генштабистов было не предотвратить войну, которую они считали неизбежной, а, наоборот, выиграть войну. Но шансы на победу становились тем сильней, чем внезапней произвести нападение, чем меньше оставить противнику времени для собирания своих сил. Итак, попытки канцлера спасти мир начались лишь в тот момент, когда вся его предыдущая политика войны уже выдвинула на первый план самый сильный стимул к войне.

Уже 29-го июля имеются доказательства о вмешательстве в политику германского генерального штаба. В тот день генеральный штаб послал министерству иностранных дел экспозэ не о военном, а о политическом положении: раз'яснять его рейхсканцлеру все-таки не было делом штаба. Экспозэ было озаглавлено:

«К обсуждению политического положения».

Оно начиналось следующими рассуждениями:

«Бесспорно, что всякое государство Европы отнеслось бы к конфликту между Австрией и Сербией не иначе, как с чисто человеческим интересом, если бы в него не была внесена опасность всеобщего политического осложнения, которое уже сейчас грозит мировой войной. Уже более пяти лет Сербия является причиной европейских осложнений, тяжелым бременем, нависшим над политической и хозяйственной жизнью народов. С терпением, граничащим со слабостью, Австрия до настоящего времени терпела постоянные провокации, направленные на политический подрыв ее государственной устойчивости со стороны народа, перешедшего от цареубийства в собственной стране к цареубийству в соседней. Только после последнего кошмарного преступления Австрия прибегла к крайнему средству, чтобы каленым железом выжечь нарыв, угрожающий постоянно отравлять тело Европы. Следовало ожидать, что вся Европа будет ей за это благодарна. Вся Европа вздохнула бы с облегчением, если бы нарушитель ее мира был бы надлежащим образом наказан и тем самым были восстановлены спокойствие и порядок на Балканах. Но Россия стала на сторону преступной страны. Лишь в виду этого австро-сербский конфликт превратился в грозовую тучу, которая угрожает ежеминутно разразиться над Европой».

И так далее. Таковы были политические наставления, даваемые генеральным штабом рейхсканцлеру и принимаемые послед-

ним с покорнейшим послушанием. О генштабистском понимании истории не стоит терять и слова. Укажем лишь на то, что германские генштабисты превратили сербское цареубийство в дело сербского н а р о д а. Они успели уже забыть, что это было делом их к о л л е г.

Доклад указывает затем на то, что Россия заявила о своем намерении мобилизоваться. Вследствие этого Австрия вынуждена произвести мобилизацию не только против Сербии, но и против России, после чего столкновение обоих стало уже н е и з б е ж н ы м.

«Однако, это представляет для Германии casus foederis. Только чудо могло бы еще предотвратить войну».

«Германия не желает вызвать этой ужасной войны. Однако, германское правительство знает, что если бы оно не захотело притти на помощь своему союзнику в момент, когда решается его судьба, то это роковым образом нарушило бы глубоко укоренившиеся чувства союзнической верности,—о д н у и з п р е к р а с н е й ш и х ч е р т н е м е ц к о й д у ш и -и, следовательно, пошло бы вразрез со всеми чувствами своего народа».

Таким образом, Германия не «желает вызвать эту ужасную войну», но ее вынуждают к этому «одна из прекраснейших черт немецкой души», столь блестяще представленная германским генеральным штабом. Следовательно, верность заговорщическому договору от 5-го июля тоже принадлежит «к прекраснейшим чертам немецкой души!»

Но после этого обращения к немецкой душе, генеральный штаб становится довольно неприветливым:

«По имеющимся сведениям, и Франция, повидимому, проводит подготовительные мероприятия к возможной мобилизации. Ясно, что Россия и Франция идут рука об руку в своих мероприятиях.

Следовательно, Германия, если столкновение между Австрией и Россией станет неизбежным, произведет мобилизацию и готова будет принять войну на два фронта.

Для предполагаемых нами, в случае необходимости, военных мероприятиий, чрезвычайно важным является возможно скорее точно узнать, намерены ли Россия и Франция пуститься на войну с Германией. Чем скорее подвигаются вперед подготовления наших соседей, тем быстрее они сумеют закончить свои мобилизации. Военное положение становится из-за этого со дня на

день все более неблагоприятным и может привести нас к роковым последствиям, если наши предполагаемые противники будут в полном спокойствии подготовляться и впредь!»

Обратите внимание на этот тон! Генеральный штаб отнюдь не доносит правительству о проведении всех приготовлений для мобилизаций на случай издания правительством соответствующего приказа, но он, не стесняясь, командует: Германия мобилизуется, как только станет неизбежным столкновение между Австрией и Россией. Вместе с тем он заявляет с той же категоричностью, что это столкновение можно предотвратить лишь чудом.

Однако, мобилизация, согласно принципам германского генерального штаба, означает войну. Следовательно, генеральный штаб провозглашает уже войну «на два фронта» и требует скорейшего нападения, так как «военное положение со дня на день становится для нас все более неблагоприятным.»

Таков смысл этого обращения генерального штаба к рейхсканцлеру. В нем высшая военная инстанция претендует взять в свои руки право решения иностранной политики и привести к военной развязке, как раз в тот момент, когда гражданская власть начинает поддаваться, уступать и делать хотя бы один небольшой шаг к миру.

Разумеется, канцлер сдался не без борьбы. Об этом еще во время войны поставило нас в известность письмо, автор которого, скрываясь под псевдонимом «Юниус Альтер», защищал точку зрения военной партии. В письме говорилось:

«Что касается оффициальной деятельности канцлера накануне войны... то является установленным фактом, что его стремления до самого последнего момента были направлены на то, чтобы любой ценой помешать, не взирая ни на какие военные последствия, возникновению войны, давно уже ставшей неизбежной. Тщетно настаивали начальник генерального штаба, военный министр и авторитетные морские чины на издании приказа о мобилизации; им, правда, удалось почти убедить кайзера в четверг (30-го июля) в неотложной необходимости этого мероприятия, так что уже пополудни берлинские полицейские органы и «Локаль Анцейгер» сообщили приказ о мобилизации. Однако, вмешательству г. фон Бетмана удалось расстроить издание этого спасительного (!К.) и решающего приказа. Он и впредь упорно питал надежду, что сумеет с помощью Англии привести

к соглашению между Веной и Петербургом. В виду этого опять были потеряны два драгоценных дня, которые нам стоили не только части Эльзаса, но и потоков крови. 1-е августа тоже было не использовано, если бы в этот день руководящие военные чины не заявили, наконец, что они, в случае дальнейшей оттяжки приказа о мобилизации, снимают с себя всякую дальнейшую ответственность. Даже после происшедшей мобилизации г. фон Бетман-Гольвег сделал последнюю попытку добиться отмены приказа, но для этого, к счастью—было уже слишком поздно: военные чины—политически более прозорливые—восторжествовали в двенадцатый час». (стр. 19—20).

Обвинения (!) г. «Юниус Альтера» подтверждаются докладом французского посла в Берлине от 30-го июля. Г. Камбон сообщает:

«Один из послов, с которым я нахожусь в самых тесных отношениях, виделся в 2 часа с г. Циммерманом. По заявлению товарища статс-секретаря военные круги очень настаивают на издании приказа о мобилизации, так как всякая оттяжка лишает Германию известных ее преимуществ. Однако, до сих пор удавалось противостоять давлению генерального штаба, который видит в мобилизации войну. У меня, между прочим, имеются веские основания предполагать, что здесь уже провели все мобилизационные меры, которые могут быть осуществлены до опубликования всеобщего приказа о мобилизации. Между тем хотели бы, чтобы мы о'бявили мобилизацию первыми, тогда ответственность за это можно будет приписать нам».

Против преждевременного об'явления мобилизации,—что в немецком понимании означало—войны, боролся не один Бетман-Гольвег. Вместе с ним боролись и другие руководящие лица из министерства иностранных дел, которые прекрасно сознавали, при каких неблагоприятных международных условиях Германия вступает в войну: они не желали преждевременно разрывать тонкую нить мира, сотканную, наконец, в последнюю минуту.

Так, бельгийский барон Байян сообщает 1-го августа из Берлина в Брюссель:

«В 6 часов вечера (должно, вероятно, означать в 5 час. К.), когда из Петербурга еще не поступило никакого ответа на ультиматум императорского правительства, г.г. фон-Ягов и Циммерман направились к канцлеру и императору с целью добиться, чтобы приказ о всеобщей мобилизации сегодня еще не был издан. Но они натолкнулись при этом на упорное сопротивление во-

ённого министра и возглавляющих армию лиц, которые изложили императору пагубные последствия оттяжки на 24 часа. Приказ был немедленно издан».

В странном противоречии с этими сведениями находится сообщение, даваемое Тирпицом в своих мемуарах. Согласно мемуарам Бетман-Гольвег в последний день, будто бы, сам усиленно настаивал на мобилизации и в противоположность Мольтке требовал, чтобы за мобилизацией немедленно последовало также и об'явление войны (стр. 239—241).

Эти противоречия еще нуждаются в проверке. Но одно несомненно: беспомощность правящих кругов, начавшаяся с 29-го июля, быстро усиливалась изо дня в день. В такой же мере росли и разногласия среди этих кругов. Бетман уже не мог укротить вызванных им самими духов. Он сам не сознавал, насколько он был прав, когда 30 июля заявил в прусском совете министров: курс потерян, и лавина пришла в движение.

17. Об'явление войны России.

Приготовления к об'явлению войны.

Общая растерянность отчетливо обнаружилась при об'явлении войны России. Последняя утром 31-го июля одновременно с Австрией издала приказ о всеобщей мобилизации. Обе державы заявили, что она является только мерой предосторожности и не означает еще войны. Переговоры из за этого не должны были быть прерваны.

Так, русский посол в Вене сообщил 31-го июля в Петербург:

«Несмотря на всеобщую мобилизацию, я продолжаю обмен мнений с графом Бертольдом и его сотрудниками».

Вполне понятно, что Германия с своей стороны ответила на русскую мобилизацию контр-мобилизацией. Все тогда мобилизовались, даже Голландия. Если бы Германия, как все другие державы и в частности Франция, считала мобилизацию простой мерой предосторожности, то против этого шага нельзя было возражать.

Германский посол в Париже, Шен 1-го августа сообщает в Берлин:

«Министр-президент заявил мне, что только что изданный здесь приказ о мобилизации вовсе не означает агрессивных намерений. Это подчеркнуто и в самом приказе. Все еще имеется

возможность продолжать переговоры на основе предложения сэра Э. Грэя, к которому Франция присоединилась и которое она горячо поддерживает.

Против столкновений на границе с французской стороны предприняты меры предосторожности — установлением 10-ти километровой зоны.

Министр-президент все еще не может отказаться от надежды на мир».

Если бы Германия сопровождала свою мобилизацию такими же заверениями, то переговоры, действительно, могли бы еще продолжаться и завершиться, в конце концов, миром. Ведь, в 1913 г. Россия и Австрия мобилизовались — между тем война из-за этого не последовала. Мы уже видели выше, что одним из поводов, почему Вельгельм считал войну против Сербии необходимой, несмотря на то, что сербский ответ и исключал всякое основание для войны, состоял в том, что Австрия теперь в третий раз мобилизовалась. Если бы еще раз случилось, что «армии», т.-е. господам офицерам, не было бы дано удовлетворение их «воинской чести», то это было бы чревато роковыми последствиями.

Тирпиц считал об'явление войны 1-го августа ошибкой. Мольтке не придает об'явлению войны в этот день, как замечает Тирпиц, «никакого значения.»

Следовательно, мобилизация еще не должна была означать войны. За ней могла еще в последний момент последовать демобилизация, если бы за это время столковались. Кровавый исход был бы, таким образом, предотвращен.

В телеграмме в Петербург от 31-го июля, в которой Бетман указывал на мобилизацию в Германии, он одновремено жаловался на то, что Россия мобилизовалась, несмотря на ведущиеся переговоры. Между тем, Австрия, несмотря на ведущиеся переговоры, не только мобилизовалась, но и об'явила войну Сербии и бомбардировала Белград. Если после этого переговоры все еще были возможными, то нечего бы так придираться к обыкновенной мобилизации России.

Но не только в этом пункте рейхсканцлер видел соломинку в глазу России, а не бревно в глазу Австрии. Он требовал, чтобы Россия сейчас же приостановила всякие военные действия не только против Германии, но и против Австрии, не требуя того же от Австрии. Он только так и должен был формули-

ровать свое требование, если хотел, чтобы Россия отклонила его.

Не менее странным кажется, если сопоставить телеграмму рейхсканцлера России с одновременно отправленной телеграммой Шену для французского правительства. Приводим их рядом:

Нота к России.

«Несмотря на ведущиеся еще посреднические переговоры и, несмотря на то, что мы сами до последнего момента не предпринимали никаких мер к мобилизации, Россия мобилизовала всю свою армию и весь флот. Следовательно, она мобилизовалась и против нас. В виду этих мероприятий России, мы вынуждены были в целях защиты государства об'явить об угрожающей опасности войны, что не означает еще мобилизации. Однако, мобилизация должна последовать, в случае, если Россия в течение 12-ти часов не приостановит всех военных мер против нас и Австрии и не сделает нам по этому поводу определенного заявления. Прошу немедленно сообщить г. Сазонову и телеграфировать час сообщения».

Нота к Франции.

«Несмотря на наше, все еще продолжающееся участие в посредничестве и, несмотря на то, что мы сами не приняли никаких мер к мобилизации, Россия издала приказ о мобилизации по всей своей армии и флоту. Следовательно, она мобилизовалась и против нас. В виду этого мы об'явили об угрозе военным положением, за которым должна последовать мобилизация, в случае, если Россия в течение 12-ти часов не прекратит всех военных мер против нас и Австрии. Мобилизация неизбежно означает войну. Прошу запросить французское правительство, намерено ли оно остаться нейтральным в русско-германской войне. Ответ должен последовать в течение 18-ти часов Немедленно телеграфировать час пред'явления запроса. Требуется крайняя спешность!».

Как видим, обе ноты, несмотря на заключительную фразу ноты к Франции, почти дословно совпадают, за исключением одного предложения: Франции сообщается, что мобилизация неизбежно означает войну. В предназначенном для России тексте это решающее предложение, только и делавшее сообщение ультиматумом, отсутствовало.

Как это об'яснить? Упущение это можно об'яснить двумя совершенно различными мотивами: во-первых, желанием генерального штаба преждевременно не встревожить Россию, оставить ей еще надежды, что несмотря на мобилизацию, можно еще продолжать вести переговоры и, следовательно, удержать ее от форсирования мобилизации. Но пропуск мог вытекать и из желания гражданского канцлера,—не сжигать за собой, несмотря на мобилизацию, всех кораблей.

В самом деле, в России на сообщение германского правительства еще не смотрели, как на ультиматум.

В 12 час. ночи Пурталес сообщает г. Сазонову депешу рейхсканцлера. На следующий день 1-го августа, в 2 часа пополудни царь ответил на нее телеграммой Вильгельму:

«Я получил Твою телеграмму. Я понимаю, что Ты вынужден мобилизоваться, но я желал бы от Тебя такой же гарантии, какую я дал Тебе—а, именно, что эти мероприятия не означают войны, и мы будем продолжать вести переговоры на благо наших обеих стран и всеобщего мира, столь дорогого нашему сердцу. Нашей, давно испытанной, дружбе должно посчастливиться, с божьей помощью, помешать кровопролитию. Исполненный доверия, срочно ожидаю Твоего ответа».

Ничего не подозревающему «Ники» и не снилось, что его давно испытанный друг «Вилли» в это время уже отправил ему об'явление войны и, следовательно, начал уже войну.

Обоснование об'явления войны.

Вильгельм ужасно торопился об'явить войну. Поспешность его напоминала поспешность, проявленную Австрией 25-го июля по отношению к Сербии.

В 12 часов дня кончился срок, по истечении которого, согласно об'явлению рейхсканцлера, Германия намеревалась мобилизоваться, если бы Россия немедленно не произвела полной демобилизации. Между тем австрийская мобилизация развертывалась, и война против Сербии продолжалась.

И уже в 1 час ночи, не издавая приказа о мобилизации, в Петербург отправлено было об'явление войны.

Германская «Белая Книга», которая обычно приводит все документы на немецком языке, даже составленные на иностранных языках, как, например, обмен телеграммами между кайзером и царем, стыдливо приводит это, столь важное для каждого немца,— об'явление войны России лишь на французском языке. Об'явление того и стоит. В нем говорится в переводе с французского:

«С самого начала кризиса императорское правительство было озабочено, чтобы привести его к мирному разрешению. В виду желания Е. В. Императора России, Е. В. германский Император в согласии с Англией взял на себя роль посредника перед кабинетами Вены и Санкт-Петербурга. Между тем, Россия, не дожидаясь результатов, приступила к мобилизации всех своих сухопутных и морских сил.

Вследствие таких грозных мероприятий, не вызывающихся никакими военными приготовлениями со стороны Германии, Германская Империя увидела себя перед лицом серьезной и непосредственно угрожающей опасности. Если бы императорское правительство упустило момент реагировать на эту опасность, то оно поставило бы под угрозу безопасность и даже существование Германии. В виду этого Германское Правительство считало необходимым обратиться к правительству Е. В. Императора Всероссийского с настойчивым требованием приостановить вышеупомянутые военные меры. Так как Россия отказалась исполнить это требование (не нашла нужным ответить на наше требование) и своим отказом (своим поведением) показала, что ее действия направлены против Германии, я имею честь, по поручению моего правительства, довести до сведения Вашего Превосходительства нижеследующее:

«Его Величество, мой Августейший повелитель именем Империи принимает вызов и рассматривает себя в состоянии войны с Россией».

Это об'явление войны сопровождалось следующей телеграммой к Пурталесу:

«В случае, если российское правительство не даст удовлетворительного ответа на наше требование, соблаговолите, Ваше Превосходительство, вручить ему сегодня в 5 час. пополудни (по средне-европейскому времени) следующее заявление...

В тексте приведенного об'явления войны одни предложения приводилась в двух различных вариантах (другой вариант заключен в скобки), из которых следовало выбрать тот, который соответствовал бы ответу Сазонова.

Что же случилось между тем в Петербурге?

Пурталес сообщил в Петербурге об'явление рейхсканцлера о том, что Германия вынуждена мобилизоваться, если Россия не отменит своей мобилизации против Германии и Австрии. Он телеграфировал об этом из Петербурга 1-го августа в 1 час ночи:

«Поручение выполнил только что в полночь. Г. Сазонов опять указывал на техническую невозможность прекращения военных мероприятий и пытался снова убедить меня в том, что переоцениваем значение российской мобилизации, которую нельзя сравнивать с нашей. Он убедительно просил меня указать Вашему Превосходительству на то, что обязательство, взятое

на себя в сегодняшней телеграмме Е. В. царем Николаем под его честное слово по отношению Е. В. Императору и Королю, должно успокоить нас относительно намерений России. Я указал на то, что царь отнюдь не берет на себя никаких обязательств безусловно отказаться от военных действий, а готов не прибегать к ним, пока имеются еще надежды на устранение российско-австрийских разногласий из-за Сербии. Я прямо поставил министру вопрос, может ли он мне гарантировать, что Россия сохранит мир, даже если бы не произошло соглашение с Австрией. Министр не в состоянии был дать мне на этот вопрос положительного ответа. В таком случае, возразил я, нам нельзя ставить в упрек то, что мы не намерены давать России дальнейшую возможность опередить нас в мобилизации».

Это все. И в этой беседе отсутствует какое бы то ни было указание на то, что мобилизация Германии означает об'явление войны. Между тем это определенно было подчеркнуто в ноте для Франции.

Затем как бы в довершение всего, следует решающего значения телеграмма Пурталеса, не достигшая уже своего адресата—берлинского министерства иностранных дел, отправленная из Петербурга 1-го августа в 8 час. вечера.

«После расшифровки, произведенной в 7 ч. веч. по русскому времени (в 6 час. по средне-европейскому. К.), я три раза подряд спрашивал г. Сазонова, может ли он сделать мне требуемое в телеграмме за № 153 заявление относительно прекращения военных действий против нас и Австрии. После троекратного отрицательного ответа на вопрос, я вручил порученную мною ноту».

Г. Пурталес так торопился с вручением ноты, что даже не заметил содержавшейся в ней двойной редакции обоснования об'явления Германией войны. Нота была передана российскому правительству с обоими содержавшимися в ней вариантами,—поистине уникум в истории об'явления войны!

Между тем рейхсканцлеру, вероятно, стало немного не по себе от таких приемов разжигания войны.

Уже формулировка последнего предложения в тексте об'явления войны создавала затруднения.

Одно предложение сводилось к тому, чтобы сказать:

«S. M. l'Empereur, mon auguste Souverain au nom de l'Empire declare acepter la guerre, qui Lui est octroyée». (Е. В. император,

мой августейший повелитель, именем империи заявляет, что принимает войну, которая ему навязана).

Это был плохой французский язык, т. к. «octroyer» означает только в немецком употреблении «навязывать»; во французском же—означает «позволить» или «разрешить».

Быть может по этой причине поставили вместо «octroyer»—«forcée sur Lui», что на лучшем французском языке означало «навязанная».

Но затруднение заключалось не в словах, а в деле. Сознавали, что по всему ходу событий никак нельзя было назвать войну навязанной. Лишь впоследствии, когда необходимое ура-патриотическое настроение было создано, хватило дерзости и для этого. Итак, избрали выше-сообщенную замысловатую формулировку:

(«S. M. l'Empereur, mon auguste Souverain, au nom de l'Empire relève le défi et Se considère en état de guerre avec la Russie» *).

«Навязывание войны» превратилось в простой «вызов к войне». Кайзер считает, что война уже разразилась.

Так невероятно, слабо и чудовищно было обосновано об'явление ужаснейшей из войн, которая оправдывалась бы лишь самыми крайними мотивами. Но таковых нельзя было подобрать, несмотря на то, что со времени начала кризиса самой главной заботой Бетман-Гольвега было поставить Россию в положение виновной и взвалить на нее всю ответственность за надвигающуюся войну. Когда же в довершение всего получена была телеграмма царя, признававшая правомерность германской мобилизации, но лишь не соглашавшаяся с тем, что она должна повести к войне, то господам из министерства иностранных дел их об'явление войны показалось, наверное, самим сугубо необоснованным. Иначе нельзя было понять, почему они после этого сделали еще попытку помешать об'явлению о мобилизации, которое не было еще провозглашено. Попытка им, однако, не удалась: в 5 час. приказ был издан. «Гражданский канцлер» все еще не мог успокоиться. Мы уже цитировали сообщение «Юниус Альтера», что «вслед за последовавшей мобилизацией г. Бетман-Гольвег сделал еще последнюю попытку добиться отмены приказа; к счастью, однако, было уже поздно».

---

*) Е. В. Император, мой августейший повелитель, именем империи принимает вызов и рассматривает себя в состоянии войны с Россией.

Это, повидимому, относится вот к чему: хотя в час пополудни об'явление войны и было уже отправлено в Петербург, тем не менее канцлер еще в 9 час. 45 мин. вечера представил кайзеру телеграмму, адресованную царю, в которой еще раз предлагались переговоры и в которой «Вилли», как Вильгельм еще и теперь подписывался,—заявлял:

«Немедленный, ясный, недвусмысленный ответ Твоего (Ники) правительства, единственный путь избежать бесконечного несчастья...Я должен самым серьезным образом потребовать от Тебя немедленного издания приказа по Твоим войскам, чтобы они ни при каких условиях не совершили ни малейшего нарушения наших границ».

Эта телеграмма, переданная на главный телеграф в 10 час. 30 мин. вечера, т. е. через 9 час. после отправки об'явления войны, является несомненно одним из самых странных эпизодов в ужасной комедии ошибок 1-го августа. Она, действительно, вызвала в Петербурге сильнейшее удивление. Пурталес доносит об этом оттуда еще за 3 часа до своего от'езда в Стокгольм:

«Только что г. Сазонов запросил меня по телефону, чем об'яснить следующий факт: Е. В. император России получил несколько часов тому назад телеграмму Нашего Августейшего государя, датированную 10 ч. 45 м. вечера, в конце которой содержится просьба, чтобы царь Николай приказал своим войскам ни в коем случае не переходить границы. Г. Сазонов спрашивает, как об'яснить подобную просьбу после того, как вчера вечером я передал известную ноту (об'явление войны. К.). Я ответил, что, по-моему, единственным об'яснением может быть то, что телеграмма моего императора, вероятно, отправлена еще *позавчера*, в 10 час. 45 мин. вечера».

В самом деле, телеграмма от 1-го августа, 10 час. 45 мин. вечера была совершенно непонятна. Единственное правильное об'яснение, конечно, не пришло в голову германскому послу, но даже, если бы он о нем догадался, то вряд ли решился бы его сообщить. Об'яснение состояло в том, *что его «всемилостивейший государь» вместе со своими советниками совершенно потеряли голову*.

Открытие Россией военных действий.

В виду того, что Вильгельм и его окружающие не могли уже предотвратить вызванное ими бедствие, ибо, как торжествующе

замечает германский патриот «Юниус Альтер»: «к счастью было уже поздно»—и в виду того, что их собственная мотивировка об'явления войны должна была им самим казаться совершенно недостаточной,—они начинают искать предлога, чтобы сделать Россию зачинщицей мировой войны. Этот трюк был совершен в меморандуме, пред'явленном рейхсканцлером 3-го августа рейхстагу. В нем лишь вскользь упоминается о заявлении, сделанном Германией, что она считает себя, в случае неудовлетворения ее требования о демобилизации, «находящейся в положении войны». Вслед за этим далее говорится:

«Но еще до получения сведений об исполнении этого требования российские войска уже 1-го августа пополудни перешли нашу границу и начали продвигаться по германской территории — следовательно, почти в то же время, когда была отправлена вышеупомянутая телеграмма царя.

Таким образом, Россия начала войну против нас».

Это был, несомненно, самый поразительный аргумент, приведенный тогда министерством иностранных дел в оправдание войны. Подумайте только! Германское правительство поручает своему послу в Петербурге об'явить России в 5 час. войну. В тот же день «пополудни» российские войска переходят германскую границу; следовательно, приходит к заключению германское правительство, Россия начала войну, ибо это случилось к тому времени, когда в Берлине не было еще никакого сообщения о том, что об'явление войны Петербургу пред'явлено.

Таким образом, оказывается, об'явление войны входит в силу не с момента пред'явления его, а лишь с того момента, когда об'являющий войну узнает, что другая сторона получила это об'явление.

Но может быть, русские войска перешли границу раньше 6-ти часов., еще до этого времени, когда в Петербурге действительно было пред'явлено об'явление войны? Германский меморандум хочет в этом уверить, говоря, что нарушение границы произошло «уже пополудни».

Для того, чтобы судить, действительно ли Россия начала войну, было бы крайне важно знать точно подробности нарушения границ. Если, например, где-нибудь два или три казака по собственному почину перешли через границу, то это еще не было событием, которое давало бы право говорить об открытии

«Россией» военных действий. Подобные инциденты бывают и в мирное время.

Как реагируют на такие происшествия, показывает, например, нота Вивиани, направленная в Берлин 2-го августа, в которой он протестует против нарушения границ, совершенных, якобы, германскими войсками в различных местах французской границы. Им были точно указаны местности и военные части, о которых шла речь. Вивиани ограничивался лишь протестом и не вздумал заявить, что «Германия начала войну против Франции».

Повидимому, однако, 1-го августа на российской границе не произошли даже и такие незначительные нарушения границ, по крайней мере, не раньше вручения об'явления войны.

Германский меморандум, указывая «пополудни», придает этому времени особое значение, несмотря на его неопределенность. Ведь, следовало бы в виду важности факта точно указать час нарушения границы.

Однако, переход русских войск через германскую границу не мог иметь места сейчас же пополудни, если бы даже он действительно произошел 1-го августа; это явствует уже из того, что рейхсканцлер в 9 час. 45 мин. вечера представил кайзеру еще одну телеграмму царю. В этой телеграмме к царю обращались с призывом издать приказ по его войскам, с запрещением всякого нарушения границ. Как уже было выше указано, эта телеграмма была отправлена министерством иностранных дел после 10-ти часов. В это время министерство, следовательно, не могло еще иметь каких-либо известий о переходе через границу, в противном случае, телеграмма была бы совершенно излишней вследствие об'явления войны.

В самом деле, первое известие о переходе русскими границы Вильгельм получил утром 2-го августа. Бетман тогда ему сообщает:

«Согласно донесению генерального штаба (сегодня в 4 часа утра), произошла попытка взрыва полотна железной дороги и продвижения двух эскадронов казаков к Иоганесбургу. В виду этого наступило фактическое военное положение».

Здесь, наконец, точно обозначаются время и место. И тут-то оказывается, что «пополудни 1-го августа» в действительности было «утром 2-го августа.» Враждебные действия со стороны России начались приблизительно 10 часов спустя после пере-

дачи в Петербурге германского об'явления войны. Вот каким образом «Россия начала против нас войну».

Если, тем не менее, германское правительство приписывает этим враждебным действиям решающую роль в возникновении войны, то оно этим лишь доказывает, как мало обоснованным казалось самим германским дипломатам их собственное об'явление войны.

В неоднократно упомянутом меморандуме германского правительства от 3-го августа, об'явление войны, насколько это возможно, и отодвинуто на задний план. Изложение меморандума является образцом информации, вводящей в заблуждение.

Меморандум сообщает:

«Императорский посол в Петербурге 31-го июля в 12 час. ночи исполнил возложенное на него поручение сообщить г. Сазонову о ноте.

Ответа российского правительства мы так и не получили.

Два часа спустя, после истечения назначенного в этом сообщении срока, царь телеграфировал Его Величеству Императору».

Затем следует цитивованная уже телеграмма.

Конечно, исчерпывающему историческому изложению следовало бы отметить, что об'явление войны было отправлено в Петербург до телеграммы царя и час спустя по истечении поставленного срока. Но об этом здесь не говорится ни слова.

Повидимому, такой незначительный пустяк легко проглядеть. Поистине, чудо, что об'явление войны все же напечатано в приложении за № 25. К сожалению, этого пустяка уже никак нельзя было устранить.

Вслед за перепечаткой телеграммы царя, которая получена была после 2-х часов, в меморандуме далее говорится:

«Затем *) Его Величество ответил».

И приводится телеграмма Вильгельма. Но не в пример всем другим телеграммам кайзера царю, точный час отправки которых меморандумом приводится, только в этой телеграмме царю время отправки не указано. Никто из читателей не подозревает, что слово «hierauf» означает здесь не «тотчас» а

---

*) В немецком оригинале hierauf имеющие два значения «затем» и «тотчас».

Примеч. переводчика.

8 час. спустя после телеграммы царя, т. е. в 10 часов вечера. В виду двусмысленности выражений меморандума всякий мог считать, что телеграмма была отправлена до 5-ти часов, ибо вслед за перепечаткой ее в меморандуме говорится:

«Так как поставленный России срок истек, а ответа на наш запрос не последовало, то Его Величество Император и Король издал 1-го августа в 5 час. пополудни приказ о мобилизации всей германской армии и Императорского флота.

Императорский посол в Петербурге получил между тем (!! К) поручение заявить российскому правительству: если оно не даст удовлетворительного ответа в течение поставленного ему срока, то мы, в случае отклонения наших требований, будем себя считать в состоянии войны с Россией».

Дальнейшее содержание меморандума нами уже приведено.

Поистине, великолепно в этом изложении это словечко — «между тем». Образчик точного обозначения времени. Оно достойно той последовательности, с какой излагаются события.

В действительной последовательности было следующим образом.	В последовательности времени по меморандуму получается следующее:
1 час,—отправление об'явления войны.	2 часа — телеграмма царя,
2 часа,—телеграмма царя.	без всякого обозначения времени — телеграмма кайзера.
5 часов, — мобилизация.	5 часов —мобилизация.
10 часов — телеграмма кайзера царю.	Без обозначения времени,—отправление об'явления войны.

Хронологическая путаница в меморандуме была, конечно, неизбежна, если хотели привести читателя к заключению, к которому приходил и меморандум—заключению, господствующему с тех пор среди общественного мнения Германии, вплоть до появления: «Белой Книги» июня 1919 г.:

Россия начала войну против нас.

В действительности дело обстояло иначе. Германия начала

войну против России. Изображение германским правительством начала войны ставит вещи вверх ногами.

18. Об'явление войны Франции.

Нейтрализация Франции.

После возникновения войны между Германией и Россией автоматически должна была последовать и война между Германией и Францией. Германский военный план заключался в том, чтобы покончить сначала с французами, а затем свести счеты с Россией. Задача, поставленная генеральным штабом министерству иностранных дел, состояла в том, чтобы дать германским армиям скорейшую возможность открыть военные действия против Франции, и, следовательно, привести к скорейшему об'явлению войны на западе. С этой целью министерство иностранных дел отправило 31-го июля, одновременно с об'явлением мобилизации, переданным в Петербурге, почти тождественную ноту в Париж; тон французской ноты, однако, был, как мы видели, гораздо более грозным, так как в ней прямо говорилось: «мобилизация неизбежно означает войну»; нота требовала от французского правительства категорического заявления о том, намерено ли оно остаться нейтральным в русско-германской войне. Для ответа давался 18-ти часовый срок.

План был ясен: в то время, как Франции ставили этот вопрос, ее хотели принудить тотчас же заявить, что она стоит на стороне России; этим война была бы уже налицо, и 2-го августа могло бы уже начаться выступление против Франции.

Однако, доверчивые германские подданные видели и в этом выступлении германского правительства доказательство его миролюбия.

Доктор Давид, например, заявлял:

«Германское правительство предприняло попытку ограничить пожар, по крайней мере, востоком. Это немаловажный фактор в списке его заслуг. Попытка была задумана серьезно. В этом не могло быть никакого сомнения.» (Социал-демократия в мировой войне», стр. 80).

Человек, относившийся менее доверчиво к германскому правительству, мог бы, разумеется, усомниться, являлась ли форма ультиматума, отправленного Германией в виде выше приведен-

ной телеграммы в Париж, такой, какую следовало избрать тому, кто, действительно, желал этого нейтралитета. Ведь, телеграмма содержала в себе требование дать немедленно раз'яснения относительно существования нейтралитета. Но даже у самого доверчивого человека должны рассеяться все сомнения, когда ему становится известным, что в телеграмме к Шену имелось еще добавление, благоразумно не опубликованное германским правительством и снабженное, напротив, отметкой «секретно». И отнюдь не германское правительство повинно было в том, что это добавление после довольно продолжительного времени, все же в разгаре войны стало известным французскому правительству. В добавлении говорилось:

«Если бы французское правительство заявило готовность остаться нейтральными, — чего нельзя предполагать — соблаговолите, Ваше превосходительство, заявить французскому правительству, что мы должны потребовать как залог нейтралитета представления крепостей Туль и Вердэн, которые мы займем и отдадим после окончания войны с Россией. Ответ на последний вопрос должен поступить сюда не позже завтрашнего дня (1-го августа. К.) 4-х час. пополудни. Фон Бетман-Гольвег».

Ясно, как на ладони, что никакое французское правительство, даже если бы оно было самым миролюбивым правительством Жореса, не могло выполнить этих требований. Следовательно, вопрос о нейтралитете имел целью «не ограничить пожар востоком», а, наоборот, тотчас же принудить Францию к войне.

В 4 часа пополудни 1-го августа надеялись уже иметь повод для войны против Франции; в 5 часов должно было быть вручено об'явление войны России. Так рассчитывали открыть войну на два фронта, при чем война против Франции была для генерального штаба еще более экстренной, чем против России. 4-го августа Ягов заявил бельгийскому посланнику барону Байяну:

«Чтобы не быть истребленной самой, Германия должна прежде всего истребить Францию, а потом повернуться против России».

Но тут создалось весьма затруднительное положение, в виду того, что ответ, данный Францией, был совершенно неожиданным. Вивиани не отклонял нейтралитета, как предполагал Бет-

ман-Гольвег, однако, он его и не обещал, следовательно, не предоставлял никакой возможности выступить с требованием передачи Туля и Вердена. Шен же вынужден был 1-го августа телеграфировать:

«На мой неоднократный определенный вопрос, останется ли Франция в случае русско-германской войны нейтральной – министр-президент заявил мне, что Франция сделает то, что ей продиктуют ее собственные интересы».

Но Шен не имел никаких инструкций, как реагировать на такой вопрос. И министерству иностранных дел не легко было в виду такого ответа об'явить, что оно «вынуждено воевать», что оно «атаковано» со стороны Франции. Аргумент же этот был, разумеется, необходим, если хотели создать благоприятную моральную атмосферу для войны.

Тотчас же после поступления ответа Шена в министерстве иностранных дел принялись за составление текста об'явления войны Франции и смастерили следующий датированный 1 августа документ:

«Германское правительство с самого начала кризиса старалось привести к мирному разрешению вопроса. Но между тем, как оно, по просьбе Е. В. Императора России, в контакте с Англией еще посредничало между Веной и С.-Петербургом, Россия мобилизовала всю свою армию и флот. Вследствие этих мероприятий России, которым не предшествовали никакие чрезвычайные военные приготовления в Германии, создалась угроза для безопасности германской империи. Не выступить против такой опасности, — означало бы поставить на карту существование империи. Поэтому Германское правительство потребовало у российского правительства немедленного прекращения мобилизации против Германии и ее союзника. Одновременно германское правительство поставило об этом в известность Французскую Республику и попросило у нее об'яснений, в виду известных отношений республики к России, – намерена ли Франция остаться нейтральной в русско-германской войне. На это французское правительство дало двусмысленный, уклончивый ответ, что Франция сделает то, что продиктуют ей ее собственные интересы. Этим ответом Франция выговаривает себе право стать на сторону наших противников, и создает себе возможность напасть на нас в любой момент с тылу, при помощи своей за это время уже мобилизованной армии. Германия тем

более вынуждена усматривать в этом поведении угрозу для себя, что на пред'явленное к России требование прекратить мобилизацию своих вооруженных сил, после давно уже истекшего срока не поступило никакого ответа. В виду этого и разразилась русско-германская война. Германия не может предоставить Франции выбор такого момента, когда угроза для ее западной границы станет фактом. Вследствие этого она должна немедленно заняться своей защитой, перед лицом угрозы с двух сторон.

Поэтому мне поручено заявить Вашему Превосходительству следующее:

«Е. В. Германский Император именем Империи заявляет, что Германия рассматривает себя находящейся в состоянии войны с Францией».

Это об'явление войны не было отправлено. Причины этого не указаны. Наверное, побоялись отправить, вслед за недостаточно мотивированным об'явлением войны России, другое такого же сорта Франции. Как смущало германских политиков только что провозглашенное об'явление войны России, видно из того, что о нем даже не решаются упомянуть в вышеприведенном документе, а изображают «русско-германскую войну» просто уже начатой, как стихийное событие, вроде извержения вулкана, не зависящего от каких-либо человеческих решений. Но от обоснованности об'явления войны России зависела и обоснованность об'явление войны Франции. Раз Германия подверглась нападению со стороны России, она должна была защищаться против внезапного нападения и со стороны Франции. Если же германское правительство являлось по отношению к российскому нападающей стороной, то оно становилось такой же и по отношению к Франции, об'являя последней войну, лишь по той причине, что Франция намеревалась делать то, что ей подскажут ее собственные интересы.

К этим рассуждениям, вероятно, присоединилось еще соображение, что можно было бы на том же самом основании, что и Франции, об'явить войну Англии и Италии. Нейтралитет последних также не был надежен и они могли при помощи за это время мобилизованных армии и флота «в любой момент напасть с тылу» на союзные центральные державы. Однако, было рисковано привести этот мотив, как достаточное основание для об'явления войны, как раз в такой момент, когда старались

совсем иным путём, чем в отношении Франции, добиться нейтралитета обеих упомянутых держав, или союза с ними.

Нельзя было ни в коем случае утверждать, что само уже французское заявление ставило Германию в положение страны, подвергнувшейся нападению и, следовательно, вынуждало ее воевать. А, ведь, это как раз и хотели внушить миру.

Но какими бы мотивами не руководились, не отправляя документа, во всяком случае отказ от отправки свидетельствует о сложившемся в Германии взгляде, что ответ Франции—твердо руководствоваться лишь собственными интересами,—не представляет достаточного основания для об'явления войны.

Но раз война с Россией шла уже полным ходом, об'явление войны Франции было настоятельно необходимо. В суматохе, наконец, прибегли к тому же испытанному средству, которое уже однажды применили после об'явления войны России в доказательство нарушения мира последней, а именно—сослались на военные действия, начатые противником.

Мифические летчики.

Неоднократно упоминаемый меморандум германского правительства от 3-го августа был закончен, как в нем самом отмечается, уже 2-го августа пополудни. Германский посол передал об'явление войны французскому министр-президенту 3-го августа в 6 час. 45 мин. вечера; между тем меморандум был уже в состоянии сообщать:

«Вчера утром (2-го августа) Франция открыла враждебные действия».

В чем они состояли?

Об'явление войны 3-го августа перечисляет их:

«Французские военные части перешли уже вчера германскую границу при Альтмюнстеролль *) и по горным путям Вогезов и находятся еще на германской территории. Французский летчик, который, вероятно, должен был пролетать над бельгийской территорией, уже вчера был подстрелен при попытке разрушения железнодорожного пути при Везеле **).

---

*) Пограничный немецкий городок на Рейне, расположенный напротив французского города „Petit Croix“.

**) Крепость на Рейне около Дюссельдорфа.

Примечания переводчика.

Несколько других французских аэропланов были вчера определенно установлены над территорией Эйфеля *). И они, очевидно, должны были пролетать над бельгийской территорией. Вчера французские летчики сбросили бомбы на железнодорожные пути при Карльсруэ и Нюренберге. Таким образом, Франция привела нас к войне».

Теперь, наконец, добились страстно желанного состояния войны. Разумеется, и Франция одновременно со своей стороны могла преподнести целый ряд жалоб на нарушение границ, и Бетман-Гольвиг даже должен был признать 4-го августа в своей военной речи, что эти жалобы не вполне лишены основания. Однако, французское правительство не создало из этого повода к войне. Ради предотвращения возможности нарушения границ, оно сделало даже то, чего не сделало германское правительство. Так уже 30-го июля оно распорядилось:

«Несмотря на то, что Германия предприняла предохранительные мероприятия на расстоянии нескольких сот метров от границ по всему фронту, от Люксембурга до Вогезов, и расположила отряды по охране в их фронтовые позиции, мы держали свои войска на расстоянии 10-ти километров от границы и запретили им ближе подступать». («Желтая книга». 1914 год, № 106).

Можно стать на точку зрения германских политиков, предполагавших, что Франция провела эти мероприятия не в интересах мира, а лишь потому, что она не была еще достаточно вооружена, т.-е. из коварства, с целью выиграть время и «напасть» затем «на врага с тыла». Но как раз тот, кто стоит на этой точке зрения, должен будет согласиться, что французское правительство пошло бы вразрез с своими собственными планами, если бы оно преждевременно начало враждебные действия.

Уже по одному этому следует относиться с крайним недоверием к утверждениям акта об об'явлении войны. На каких данных базируется он?

2-го августа в полночь рейхсканцлер телеграфировал в Лондон:

«По абсолютно достоверным сведениям Франция позволила себе сегодня следующее посягательство на нас:

---

*) Горная область, расположенная по левой стороне Рейна в Рейнско-Вестфальских горах.

Примечание переводчика.

1. Французские кавалерийские патрули сегодня пополудни перешли границу при Альтмюнстероль в Эльзасе.

2. Французский летчик-офицер у Везеля был подстрелен в воздухе.

3. Два француза пытались взорвать Аахенский тоннель у Мозельской железной дороги и были при этом убиты.

4. Французская пехота перешла в Эльзасе границу и начала перестрелку.

Прошу тотчас же сообщить об этом английскому правительству. Обратите самое серьезное внимание сэра Эдуарда Грея на то, в какое опасное положение ставится Германия такими провокациями против права и чести и к каким серьезным решениям они могут ее побудить. Вашему Превосходительству, надеюсь, удастся убедить Англию в том, что противники Германии ставят ее, отстаивающую идею мира до последней возможности, в положение спровоцированного, который ради сохранения своего существования должен будет взяться за оружие».

Затем, 3-го августа в 1 час 45 мин. пополудни в министерстве иностранных дел составлен был следующий перечень нарушений границ со стороны Франции, сообщенный генеральным штабом.

«1. Донесение 15-го армейского корпуса (Главному командованию): Определенно установлено нарушение границ французами 1-го августа вечером при Метцерале *) и на дороге через ущелье. Германские форпосты были обстрелены. Никаких потерь. Отправлено из Страсбурга 2-го августа в 9 час. 30 мин. вечера.

2. Донесение 15-го армейского корпуса (Главному командованию): В ночь с 1-го на 2-е августа имело место нарушение границы против Маркирха **) со стороны французской пехоты. Французы первые открыли огонь. Никакик потерь. Отправлено из Страсбурга 2-го августа в 5 час. 55 мин. пополудни.

3. 50-я пехотная бригада доносит из Мюльгаузена ***) 2-го августа в 12 час. 10 мин. пополудни: неприятельские патрули пе-

---

*) Пограничный пункт, расположенный в верхнем Эльзасе на притоке Рейна—реке Фехт.

**) Город в Верхнем Эльзасе, расположенный на притоке Рейна—Лебер.

***) Крепость в Верхнем Эльзасе, расположенная в 24-х километрах от французской границы.

Примечания переводчика.

решли через границу при Альтмюнстероль в окрестностях Рата, но отступили назад.

4. Донесение комендатуры связи в Кельне (отправлено 2-го августа в 11 час. 45 мин. вечера): Оживленная деятельность неприятельских аэропланов над границей в направлении от Трира к Юнкерату и в направлении от Дальгайма к Рейдту *) и на правом берегу Рейна при Кельне. У Рейдта они подавали сигналы белым, красным, зеленым светом.

5. Телефонное сообщение начальника штаба 21-го армейского корпуса от 3-го августа в 9 час. 40 мин. утра: Три аэроплана и воздушный корабль (спереди закругленный, сзади остроконечный), появившиеся сегодня утром над вокзалом Сарбурга в Лотарингии, были обстрелены из пулеметов. Аэропланы не подавали установленных отличительных сигналов.

6. Донесение комендатуры связи в Людвигсгафене на Рейне от 2-го августа вечером: сегодня (2-го августа) около 10 час. вечера замечены два неприятельских аэроплана у Нейштадта на реке Гардт.

7. Донесение комендатуры связи в Везеле (прибыло 2-го августа вечером): у Везеля подстрелен неприятельский аэроплан».

В этом перечене от 3-го августа прежде всего поражает отсутствие известий о взрыве Аахенского тоннеля. И по весьма веским причинам. Несмотря на то, что это известие исходило из «абсолютно достоверных донесений,» оно, тем не менее, оказалось уже на следующий день ложным. Это был один из многих слухов, носившихся в эти тревожные дни в воздухе, которых, однако, серьезный общественный деятель без проверки не мог считать правильным.

Донесение военных властей также не всегда оказывались правильными. Так, например, люксембургский министр Эйшен телеграфировал 3-го августа в 10 час. утра Ягову:

«Сейчас распространяют в городе Люксембурге прокламацию командующего 8-м армейским корпусом генерала Тульфф фон-Чээпе, следующего содержания:

«После того, как Франция, не щадя нейтралитета Люксембурга, что несомненно установлено, открыла враждеб-

*) Со стороны бельгийской границы и Люксембурга. Расстояние между этими пунктами 65 километров.

**) По направлению от фронта на северо-восток вглубь Германии.

Примеч. переводчика.

ные действия с Люксембурской территории против Германии, Е. В. издали приказ, чтобы и германские войска вступили в Люксембург.

«Это основано на ошибке. На Люксембурской территории абсолютно нет никаких французских войск; нет также никаких признаков угрозы нейтралитету со стороны Франции. Наоборот, 1-го августа, в субботу вечером были сняты с французской территории при Мон-Сан-Мортен-Лонгви рельсы железнодорожного пути. Это доказывает, что уже тогда не было намерения продвигаться по железному пути в направлении к Люксембургу».

Но все это не принималось во внимание. Германские генералы, повидимому, чувствовали себя в праве всюду, где это было им выгодно, «несомненно», устанавливать французские враждебные действия. Прокламация г. командующего генерала Тульффа, между прочим, «несомненно» показывает, что со стороны Германии уже 3-го августа утром враждебные действия против Франции начали не отдельные патрули, а 8-й армейский корпус «по приказу Е. В.» путем вторжения в люксембургскую территорию.

Нельзя предполагать, чтобы генерал действовал на собственный страх и риск, хотя военщина в эти дни стала уже задавать тон. Так, 3-го августа утром пред'явили Ягову следующую записку графа Монжля:

«Главнокомандующий в Марках сообщил, что он в виду «аутентично доказанных нарушений границ», вынужден прибегнуть в отношении французского посольства и французов к тем же мероприятиям, какие уже приняты по отношению и к русским».

Следовательно, г. главнокомандующий в Марках считал себя компетентным на основании «аутентично доказанных» хотя бы только для Берлина нарушений границ тотчас же на собственный страх и риск об'явить войну Франции. Это все же показалось Ягову уж чересчур диким. Он заявил по поводу этой записки:

«Какие это мероприятия? Мы не находимся еще в состоянии войны. Поэтому дипломаты пока еще аккредитованы.»

Из этого поведения Тульффа еще не последовало об'явление войны главнокомандующему в Марках, так как несколько часов спустя Шен заявил в Париже, что Германия находится в состоянии войны с Францией.

В тексте германского об'явления войны Франции больше всего значения придавалось летчикам. Утверждение о нарушении границ со стороны французских войск по меньшей мере компенсировалось одновременно сообщенными нарушениями границ со стороны германских войск, на которые Вивиани жаловался уже 2-го августа. Но зато оставались еще летчики?

И вот, в эти дни массу населения охватила странная мания. Ночью видели всюду над собой летчиков, воздушные корабли и слышали взрывы бомб. Штуттгартский директор полиции обратился тогда с призывом к трезвости и благоразумию, в котором говорилось:

«Тучи принимают за летчиков, звезды за воздушные корабли, велосипедные рули за бомбы.»

Несмотря на большую склонность доверять всякому поступающему при таком настроении сообщению о летчиках, в которых, само собой разумеется, даже темной ночью тотчас же узнавали «французских военных летчиков», рейхсканцлер все же мог сослаться только на три случая; из которых, первый—что летчик был замечен над Эйфелевой территорией,—вообще не заслуживает никакого внимания, так как летчиков, конечно, имелось тогда в Германии много, и кто бы мог сказать, что замеченные над Эйфелевой территорией, если они в действительности были замечены, являлись французскими летчиками, а не германскими, или, быть может, даже бельгийскими или голландскими заблудившимися летчиками.

Ну а случай в Везеле!

2-го августа рейхсканцлер сообщает: «У Везеля подстрелен французский летчик-офицер».

Официальное военное сообщение от 3-го августа пополудни гласит более неопределенно: «У Везеля подстрелен неприятельский аэроплан.»

Ничего не говорится о пилоте—был ли он частным лицом или офицером. Однако, в тексте об'явления войны говорится, что «военный летчик пытался разрушить железнодорожный путь у Везеля.»

Об этом нет ни слова в донесении комендатуры связи в Везеле.

Что следует думать о замеченных над Эйфелевой территорией летчиках и о везельском покушении,—мы только что видели. Что же касается военных летчиков, оперировавших в

южно-германской области, на злодеяние которых также ссылался текст об'явления войны, то они уже давно были признаны пустой выдумкой.

Уже в апреле 1916 г. магистрат г. Нюрнберга подтверждал: «Командованию, исполняющему здесь должность генерального командования 3-м баварским армейским корпусом, ничего не известно о том, чтобы когда-нибудь до и после начала войны были брошены бомбы неприятельскими летчиками на прогоне Нюрнберга-Киссинген и Нюрнберг-Ансбах. Все утверждения на этот счет и газетные известия оказались ложными.»

Об этом еще раньше могли знать в берлинском министерстве иностранных дел. Уже 2 августа 1914 г. прусский посланник в Мюнхене послал рейхсканцлеру следующее сообщение, получение которого в министерстве иностранных дел отмечено 3-м августом 3-мя часами пополудни:

«Распространенное здесь южно-германским пресс-бюро военное сообщение, будто французские летчики сбросили сегодня в окрестностях Нюрнберга бомбы, до сих пор не нашли себе подтверждения. Наблюдались лишь неизвестные аэропланы, которые, по всей видимости, не были и военными аэропланами. Сбрасывание бомб не установлено, также как и то, конечно, что летчики—французы».

Главным образом на этих воздушных бомбах и покоилось обоснование об'явления войны Германией, которое было пред'явлено в Париже. Оно действительно, во всех отношениях полностью соткано было из воздуха.

19. Об'явление войны Бельгии.

Политическая неудача вероломства.

Рейхсканцлеру, по требованию военных инстанций, предстояло раскусить еще один твердый орех: обосновать вторжение в Бельгию.

Это вторжение, как и война против Франции, было решенным делом, как только начались враждебные действия против России.

В 1871 г. Германия аннексировала Эльзас-Лотарингию отнюдь не с целью освободить население этих областей; последнее, напротив, отчаянно сопротивлялось своему отделению от Франции. Бисмарк требовал этого отделения не по национальным, а по стра-

тегическим соображениям: ради приобретения лучшей стратегической границы против Франции, чтобы в случае будущей войны быть ближе к Парижу и иметь возможность ему угрожать скорее, чем это было в 1870 г. в начале войны.

Ради этого военного превосходства Германия бесконечно ухудшила тогда свое международное политическое положение, породив вечную вражду между собой и Францией, толкнув Францию в об'ятия России, вызвав повсюду состязание в вооружениях—постоянную опасность войны для Европы—и положив, наконец, начало тому неблагоприятному положению, при котором германская империя вступила в 1914 г. в мировую войну.

Все это было сделано ради стратегических преимуществ, которые должны были вскоре оказаться не имеющими почти никакого значения, так как в век современной техники не существует никакой естественной стратегической границы, недостатков которой не могло бы восполнить искусственными мероприятиями государство, высоко развитое экономически и технически.

Новая франко-германская граница была так сильно укреплена, что не могло быть и речи о быстром переходе ее какой бы то ни было германской армией.

Однако, последнее стало необходимым во время войны Германии на два фронта, когда надо было поскорее покончить с Францией, чтобы иметь возможность обрушиться всеми силами на одну Россию.

На эльзасском фронте быстрый прорыв оказался невозможным, в виду этого особенно соблазняла французская северная граница.

Французы странным образом, сильнее всего укрепили только эльзасскую границу. Они чувствовали себя столь защищенными Бельгией, что северную границу укрепили недостаточно. И даже в июле 1914 г., когда возникла опасность войны, когда весь мир вооружался и концентрировал войска, французская армия направляла все свое внимание преимущественно на восток, а не на север.

Северная граница была Ахиллесовой пятой Франции. Если бы Германия внезапно прорвалась через северную границу, она могла надеяться несколькими сильными ударами подавить всякое сопротивление, взять Париж и не только его, а и Калэ—ворота к вторжению в Англию.

Таким образом, с чисто военной точки зрения прорыв через Бельгию несомненно рекомендовался. Конечно, уже пример Эльзас-Лотарингии мог бы показать, как вредно отражается господство милитаристской политики момента над дальновидной международной политикой, принимающей в расчет не только военное, но и политическое и, кроме того, еще моральное соотношение сил и движущие силы народов.

Германская политика ставила себе целью при военном разрешении конфликта центральных держав с Россией и Францией добиться нейтралитета Англии и содействия Италии.

Когда разразилась война, нейтралитет Англии, как и содействие Италии стали уже сомнительными, хотя окончательная позиция этих держав еще не определилась.

Если даже Эдуард Грей и предостерегал Германию, то, тем не менее, он не мог с полной определенностью обнадежить Францию на счет своей поддержки, несмотря на все симпатии к французскому делу. Это колебание ставилось ему в большой упрек,—одни видели в этом несостоятельность, другие двусмысленность. Критики Грея забывают, что он был министром парламентской и демократической страны и совершенно не был уверен в согласии народа на войну. Если бы даже он нашел в парламенте большинство за войну против Германии, то эта война стала бы очень сомнительным делом, если бы масса рабочих и особенно многочисленные и влиятельные в Англии круги буржуазных пацифистов оказали бы ему энергичное сопротивление.

С другой стороны, ни у кого, знающего хоть немного англичан, не могло быть никакого сомнения, что громадное большинство нации с воодушевлением ринется в войну, как только могущественная оружием и флотом Германия овладеет Бельгией и тем самым непосредственно будет угрожать Англии.

В теснейшей зависимости от Англии находилась Италия. Что последняя станет на сторону центральных держав, на это, конечно, в начале августа нельзя было уже надеяться.

3-го августа г. фон-Клайст, посланный в Рим с особой миссией, отправил оттуда в Берлин следующую телеграмму: «Его Императорскому Величеству».

«Сегодня в понедельник в 9 час. утра я передал поручение Вашего Величества королю Италии, согласно которому требо-

валась немедленная мобилизация армии и флота, как осуществление союзнической помощи, установленной договором.

Король ответил, что он лично всем сердцем с нами и еще несколько недель тому назад ни на иоту не сомневался, что Италия в случае войны будет преданно помогать союзникам. Но совершенно не переносимая для итальянского национального чувства бестактность Австрии до того возмутила против нее общественное мнение за последние две недели, что совместное активное выступление с Австрией вызвало бы в данный момент настоящую бурю. Пойти на риск восстания министерство не хочет. Он, король, к сожалению, не имеет никакой власти, а только влияние. Если бы он распустил теперешнее министерство, никакое другое не взяло бы на себя ответственности. И все это главным образом потому, что Австрия не проявила готовности дать каких-либо определенных обещаний на будущее, чем, вероятно, можно было бы уже к настоящему времени добиться поворота в настроении народа. Однако, сомнительно, возможен ли такой поворот еще в настоящее время.

«Так как народ отождествляет австрийскую политику с германской, то из-за австрийской бестактности Италия, к сожалению, оказывается ненадежной и по отношению к Германии. Короля это сильно огорчает. Он еще раз попытается повлиять на министерство и уведомить об успехе».

На следующий день г. фон-Клайст не сумел сообщить ничего более утешительного:

«Е. В. король принял меня сегодня утром и сказал:

Несмотря на мои вчерашние многократные усилия, правительство продолжает стоять на точке зрения нейтралитета Италии. Активную поддержку центральных держав народ в данный момент истолковал бы лишь как помощь захватническим планам Австрии на Балканах (*Наша война против Франции не имеет ничего общего с этим. Она (Италия А. П.), ведь, борется также и на нашей, а не только на стороне Австрии.* В.), так как Австрия до сих пор даже не приняла на себя обязательств окончательно отказаться от них. Народ всегда будет смешивать Германию с Австрией. (*Разумеется, если правительство ничего не предпримет против этого. Однако, это бессмысленно* В.), поэтому правительство, оказывая активную помощь даже только Германии, рискует в данный момент вызвать

восстание (Определенное вранье. В.). Он, король, должен повторить, что он, к сожалению, бессилен, так как взгляд правительства разделяется большинством депутатов. Даже только что возвратившийся, дружелюбно настроенный к тройственному союзу (??В.) Джиолитти придерживается взгляда, что нет никакого casus foederis, а страна нуждается лишь в покое, и поэтому она должна остаться нейтральной, так как нет никакого обязательства к активной поддержке. (Удивительный подлец! В.).

... Правительство готово ко всяким случайностям. На мой ответ, что так как возможность оказания помощи исключается, то все же следует, очевидно, считаться с активной угрозой со стороны Австрии, ибо другой, ведь, возможности не существует, король сказал: «никогда нельзя знать, что будут делать члены правительства.» (Таким образом, он совершенно лишний! В.). В данный момент король рассчитывает на то, что нечего не случится».

Обругав Джиолитти «удивительным подлецом», кайзер пошел еще дальше в своей ругани по адресу самого короля, который 3-го августа в собственноручном письме Вильгельму сообщил, что итальянское правительство не признает casus foederis в только что разразившейся войне. Письмо было подписано:

Твой брат и союзник
Виктор Эммануил.

К слову «союзник» Вильгельм прибавил: «нахальство», а к имени короля маленькое, но многозначительное словечко— «мерзавец!».

Даже самый легкомысленный и невежественный оптимист не мог уже 3-го августа рассчитывать больше на активную помощь Италии. Однако, последние слова Виктора Эммануила заставляли даже опасаться, что Италия может активно выступить против Австрии и Германии. На поведение Италии огромнейшее влияние должна была оказать позиция Англии, от которой Италия в столь многих отношениях зависела.

Это было еще одним доводом, который должен был заставить не раздражать Англию оккупацией Бельгии. К нему присоединилось соображение, что вследствие этой оккупации престиж Германии будет сильно поколеблен во всем мире, ибо нейтралитет Бельгии не был обычным нейтралитетом, как, например, был нейтралитет Греции. Он был торжественно записан и гарантирован, а Пруссия была одной из гарантирующих держав.

Своим вторженнем в Бельгию она совершила не только нарушение нейтралитета, но и вероломство.

Чем больше доверия питают к давшему слово, тем больше становится озлобление и неуважение к нему, когда он его нарушает. Бельгийцы в большинстве своем, вплоть до августа 1914 г. относились к Германии доверчиво и дружелюбно. После вторжения они стали свирепейшими врагами ее.

Но это вероломство, за которым последовали убийства тысяч бельгийцев и ужасающее опустошение всей страны, вызвали глубочайшее возмущение не только в Бельгии; оно охватило все культурные европейские страны и лишило Германию последних друзей, которых она еще там имела.

Оправдание вероломства.

Если с военной точки зрения вторжение в Бельгию было понятно, то в моральном отношении оно было недопустимо, а в политическом—совершенно неудачным.

Но армия командовала, и гражданские политики должны были повиноваться. На долю последних выпала лишь неблагодарная миссия—оправдания вероломства пред общественным мнением. Они при этом духовно не насиловали себя. Гражданские политики и на этот раз придерживались удобного трафарета Бертольда, применявшегося им в отношении к Францу-Иосифу,—разыгрывать враждебные действия со стороны других держав, которые якобы вынуждают к войне.

В вопросе же с Бельгией рейхсканцлер выполнял лишь благородную роль почтальона.

29-го июля в министерство иностранных дел поступил составленный самим начальником генерального штаба Мольтке, датированный 26-м июля черновик письма к бельгийскому правительству, который после некоторых редакционных изменений, сделанных рейхсканцлером, как и Штуммом и Циммерманом, был в тот же день послан Яговым не к бельгийскому правительству, но германскому посланнику в Брюсселе. В нем говорилось:

«Императорское прав..тельство имеет достоверные сведения о намеченной концентрации французских военных сил на участке Мааса, Живэ-Намюр. Они не оставляют никаких сомнений о намерениях Франции (после об'единения с одним английским экспедиционным корпусом) наступать через бельгийскую территорию против Германии.

«Императорское Правительство не может не опасаться, что Бельгия при всем своем добром желании не в состоянии будет без посторонней поддержки отразить франко (английский) поход настолько успешно, чтобы это могло гарантировать Германию от всякой угрозы. Предупредить неприятельское наступление есть для Германии закон самосохранения. Германское правительство поэтому глубочайшим образом сожалело бы, если бы Бельгия усмотрела враждебный акт против нее самой в том, что мероприятия врагов вынуждают Германию в свою очередь для отпора вступить на бельгийскую территорию. Чтобы исключить всякое ложное истолкование, Императорское правительство заявляет следующее: 1) Германия не замышляет никаких враждебных действий против Бельгии. Если Бельгия намерена в предстоящей войне соблюдать в отношении Германии благожелательный нейтралитет, то германское правительство обязуется, при заключении мира, гарантировать в полном об'еме не только состояние имущества и независимость королевства, но даже готово самым доброжелательным образом пойти навстречу возможным требованиям территориальных компенсаций Королевства за счет Франции. 2) Германия обязуется, на выше указанных условиях, очистить снова территорию Королевства, как только заключен будет мир. 3) При дружественной позиции Бельгии, Германия готова в согласии с королевскими бельгийскими властями закупать за наличные деньги все необходимое для своих войск и возмещать всякие убытки, которые могут быть причинены германскими войсками.

«Если же Бельгия выступит против германских войск, в особенности, будет препятствовать их продвижению у укреплений Мааса или же разрушением железнодорожных путей, дорог, тоннелей, либо других технических сооружений, то Германия, к сожалению, вынуждена будет рассматривать Королевство, как своего врага. В таком случае Германия не может взять на себя никаких обязательств по отношению к Королевству и должна предоставить решению оружия дальнейшее урегулирование взаимоотношений обоих государств.

«Императорское правительство питает твердую надежду, что этот нежелательный исход будет избегнут, и королевское бельгийское правительство во избежание подобных событий сумеет предпринять соответствующие меры. Дружественные узы, связы-

вающие оба соседние государства, в этом случае послужили бы к дальнейшему и постоянному закреплению».

К этому тексту присоединялся в черновике Мольтке следующий пункт:

«Недвусмысленный ответ на это письмо должен последовать в течение суток после вручения; в противном случае тотчас же открываются военные действия».

Это показалось Ягову все же чересчур категоричным. Он вычеркнул это предложение в письме к бельгийскому правительству и поставил вместо него следующее указание германскому посланнику в Брюсселе:

«Соблаговолите, Ваше Превосходительство, немедленно сообщить об этом строго секретно королевскому бельгийскому правительству и попросите его дать недвусмысленный ответ в течение 24-х часов.

Соблаговолите также прислать мне немедленно телеграфное сообщение о том, как встречены были ваши заявления и каков окончательный ответ королевского бельгийского правительства».

Как уже было упомянуто, министерство иностранных дел одобрило письмо г. фон-Мольтке и ограничилось лишь немногими редакционными поправками. Эти поправки незначительны, и лишь одна из них заслуживает внимания. Начальник генерального штаба, повидимому, исходил из расчета, что Англия вступит в войну одновременно с Францией; поэтому он упоминал о замыслах «франко-английского продвижения» через бельгийскую территорию,—известия, которые, как и все сведения подобного рода, конечно, не оставляют «никакого сомнения». Это показалось министерству иностранных дел все же несомненно преувеличенными. Оно еще надеялось на нейтралитет Англии. Поэтому Штумм вычеркнул заключенные в вышеприведенной передаче в скобки слова и удовольствовался «несомненным» установлением того, что Франция намерена продвигаться через Бельгию. Это была меленькая поправка—выбросили всего несколько словечек, но обращение с ними весьма поучительно. Она показывает, что генеральный штаб умел мастерски фабриковать про запас жалобы на французские или франко-английские враждебные действия, делающие якобы войну или нарушение нейтралитета неизбежным, прежде чем такие действия были хотя бы только возможны. А потом на основании этих жалоб пред'являть претензии, как только это потребуется.

Такой путь, действительно, и был избран. Документ, составленный 26-го июля, окончательно средактированный и отосланный 29-го, не был тотчас же пред'явлен брюссельскому правительству. Мир еще не был в это время подготовлен к франко-германской войне.

Ягов отправил документ в запечатанном конверте в Брюссель с фельд'егерем германскому посланнику г. фон Белов-Салеске со следующим сопроводительным письмом:

«Приложение к этому документу покорнейше прошу, Ваше Превосходтельство, спрятать надежно запечатанным и вскрыть его только тогда, когда Вы будете отсюда на это телеграфно уполномочены. Получение этого документа и приложения соблаговолите мне подтвердить по телеграфу».

Таким образом, «нужда», для которой — по патетическому заверению самаго Бетмана в его большой военной речи от 4-го августа — никакие законы не писаны, была уже 29-го июля после тщательного обсуждения состряпана и надежно запечатанной положена под спуд, чтобы достать ее оттуда, когда потребуется.

Срок этот настал 2-го августа. Теперь только генеральному штабу срочно стало необходимо, чтобы безопасность Германии подверглась крайней угрозе, вследствие задуманного якобы вторжения французов в Бельгию. Ягов телеграфировал тогда посланнику в Брюсселе:

«Соблаговолите, Ваше Превосходительство, немедленно распечатать приложение к приказу за № 88 и сегодня в 8 часов вечера по германскому времени привести в исполнение содержащееся в нем указание.

В заявлении императорского правительства в пункте № 1 следует опустить слово «не только» и предложение, начинающееся словами «оно даже готово» (соответствующие слова в вышеприведенном изложении подчеркнуты. К.).

При этом следует требовать ответа в течение 12 часов, а не в течение 24-х, т. е. до 8-ми час. утра завтрашнего дня. Прошу настоятельнейшим образом заверить бельгийское правительство, что, несмотря на обещания, всякое сомнение в правильности наших известий о французском плане исключено.

Бельгийский ответ должен поступить сюда завтра до 2-х часов пополудни, по германскому времени. Поэтому соблаговолите, Ваше Превосходительство, немедленно телеграфировать сюда

ответ и после его получения членом императорского посольства тотчас же отправить через военного атташе на автомобиле в Аахен генералу фон-Эммиху: Унион Отель.

У бельгийского правительства должно сложиться впечатление, будто все указания по этому делу поступили к Вам только сегодня. Предоставляю Вам затем внушить бельгийскому правительству, что оно может оттянуть свои войска к Антверпену и мы, в случае, если бы Белгия этого желала, сможем взять на себя защиту Брюсселя от внутренних беспорядков.»

История ультиматума Бельгии ясно вскрывает нам механизм, с помощью которого в первые августовские дни фабриковались обоснования об'явлений войны со стороны Германии.

У всякого, кто постарается проследить за действиями этого механизма, должно «сложиться впечатление», что «все» утверждения того времени германского правительства тем более вымышлены, чем более они подтверждаются неоднократными заверениями их абсолютной «надежности» и «несомненности».

Такова ужасная трагедия нравственного распада, которая явилась прелюдией войны.

Эта трагедия не обошлась и без комедии.

«Концентрацией» французских войск на бельгийской границе хотели произвести впечатление на наивного немца, которому военный угар в августовские дни уже и так затуманил голову. Но, ведь, и Англию хотели убедить в том, что вынуждены вторгнуться в Бельгию. Для этого требовались более веские аргументы. К чему тогда ни прибегали? И здесь снова должны были помочь мифические летчики.

Мы уже сообщили текст германского об'явления войны Франции. В нем бросается в глаза, что оно подчеркивает, будто несколько летчиков явно нарушили бельгийский нейтралитет, перелетая через бельгийскую территорию.

Между тем нельзя было ожидать, чтобы эти неуловимые летчики произвели в Англии особое впечатленне. Поэтому следовало постараться стать на более твердую почву. Может быть автомобиль принесет то, чего не дал летчик?

2-го августа правительственный президент в Дюссельдорфе телеграфировал рейхсканцлеру:

«Ландрат Гельдерн передал вчера по телеграфу сообщение местного батальона о том, что сегодня утром 80 французских

офицеров в прусских офицерских мундирах тщетно пытались на 12-ти автомобилях перейти границу при Вальбеке. Запрошенный об этом еще раз, ландрат затем сообщил вторичное донесение ад'ютанта местного батальона, что известие относительно 80-ти французских офицеров в основных чертах подтверждается. Автомобили остались на голландской территории. Офицер, продвинувшийся вперед, отступил пред вооруженным сопротивлением».

Предположим на минуту, что донесение «в основных чертах» было правильным и не было продуктом разгоряченной фантазии нескольких взволнованных солдат пограничной стражи.

В таком случае имелось прежде всего налицо нарушение не бельгийского, а голландского нейтралитета.

Дальше. Что видела, согласно донесению, пограничная стража? 12 автомобилей с 80-тью «пассажирами» в прусской офицерской форме. Один из них, который вышел из автомобиля и перешел через границу, не был, к удивлению, встречен пограничной стражей с почетом, соответствующим его форме, подобно капитану из Кепеника *), а вооруженным сопротивлением. При этом стража тотчас же увидела, что 80 человек, сидящих в автомобиле, носили свою форму не по праву, и без всякой проверки они тотчас же узнали, что переодетые люди не были, возможно, голландцами, а были французами, более того, французскими офицерами, проехавшими через Бельгию в Голландию и затем к германской границе. Эти господа, повидимому, предпочли для того, чтобы более незаметно пробраться через Бельгию и Голландию, надеть на себя прусскую форму, вместо штатского платья!

Вся эта история была так же бессмысленна, как и распространенный в тот день слух о французском враче, будто бы схва-

---

*) Приблизительно ок. 1909 г. в городе Кепенике, близ Берлина произошла следующая аферистская проделка берлинского сапожника: не будучи в состоянии после выхода из тюрьмы добиться получения паспорта, без которого немыслимо было получить какую-либо работу, сапожник переоделся в форму прусского капитана и направился по кепеникскому шоссе. По дороге он встретил группу солдат, которые, отдав его мундиру соответствующие почести, последовали его приглашению следовать за ним. Таким образом, во главе „армии" из 8-ми солдат он направился в г. Кепеник, «осадил» здание магистрата, арестовал испуганного бюргермейстера (городского голову) и забрал городскую кассу и паспортные бланки.

Примечание переводчика.

ченном вместе с двумя другими французами в Меце то время, как он заражал воду колодцев бациллами холеры. Позднее уже не осмеливались больше пользоваться такими выдумками. Однако, 2-го августа Ягов сумел не только принять их всерьез, но связать с ними дипломатическое выступление. Он телеграфировал историю с бациллами холеры в Рим с поручением распространить их в местной прессе. А послу в Лондоне и посланнику в Брюсселе и Гааге послал следующие телеграммы:

«Прошу сообщить местному правительству, что сегодня утром 80 французских офицеров, переодетых в прусскую офицерскую форму, пытались перейти на 12 автомобилях германскую границу при Вальбеке, западнее Гельдерн. Это означает самое серьезное нарушение нейтралитета Францией, какое только можно себе представить».

Надо было совершенно потерять голову, чтобы выставлять себя таким посмешищем перед заграницей.

Гельдерн расположен, впрочем, вблизи Везеля, где будто бы подстрелили французских летчиков. В этой пограничной окраине войска, кажется, были особенно пугливы и склонны к галлюцинациям и призракам.

Впоследствии генерал Эммих превзошел даже Ягова. Вторжение в Бельгию он обосновал в прокламации, где говорилось:

«Наши войска действовали под давлением неотвратимой необходимости, так как бельгийский нейтралитет был нарушен французскими офицерами, которые, переодевшись, на автомобилях вступили на бельгийскую территорию, чтобы пробраться в Германию» (цитировано доктором Э. И. Гумбелем в его сочинении «4 года лжи», стр. 9).

В своей речи о войне 4-го августа Бетман-Гольвег не постеснялся использовать этого глупого обоснования вторжения в Бельгию.

Он признал, что нападение через Бельгию «противоречит законам международного права», а также и то, что французское правительство заявило в Брюсселе о своем намерении уважать нейтралитет Бельгии, пока его уважает противник. Канцлер забыл обратить внимание на то, что Ягов отказался дать такое же заявление. Он продолжал:

«Однако, мы знали, что Франция была уже готова к вторжению». Конечно, уже 29-го июля мы знали, что Франция 1-го августа «была уже готова к вторжению».

«Франция могла выжидать, а мы не могли: французское вторжение в наш фланг у Нижнего Рейна могло бы стать роковым. Следовательно, мы были вынуждены пренебречь протестами люксембургского и бельгийского правительства».

Здесь нет больше речи о уже происшедших нарушениях бельгийского нейтралитета. Германское вторжение по существу мотивируется лишь тем, что «мы не могли ждать»—и это было единственным основанием.

С помощью лжи и вероломства в начале июля была затеяна война, ложью и вероломством она была начата в первые августовские дни. Открытие военных действий было неизбежным последствием затеи. Оно и на сей раз оказалось тем проклятием дурного поступка, который постоянно должен порождать новое зло. Правительство и руководители армией не могли уже освободиться от лжи, которой они раз предались. Они должны были все выше и выше воздвигать это здание лжи, пока оно с треском не рухнуло 9-го ноября 1918 г.

20. Революционизирование мира.

Вся военная политика Вильгельма и его присных была построена с самого же начала на ложных предпосылках. Они решились на участие в сербской авантюре, ожидая, что она принесет центральным державам легкий триумф над Россией и, вероятно, над Францией. Обе державы, недостаточно вооруженные, либо должны будут спокойно принять удар, нанесенный Австрией российскому могуществу на Балканах, либо, если рискнут войной, будут легко побеждены. Ведь, Италия и Румыния будут стоять на стороне Германии, а Англия останется нейтральной. Следовательно, Германия в том или ином случае приобретет славу и могущество. Если конфликт перейдет в войну, то имелись также виды и на территориальные приобретения.

И вдруг 29-го июля оказалось, что расчет был ложен. Следовало опасаться, что в случае войны против России и Франции— Румыния и Италия не примут участия в войне, и прежде всего будет иметь место активное враждебное выступление со стороны Англии. При таких условиях игра угрожала стать опасной. С этого момента Бетман старался выйти из нее, как можно налегче отделавшись. Но увы, было уже поздно. Австрия уже начала войну против Сербии и своей собственной мобилизацией

положила начало состязаниям в приготовлениях к войне. Когда же Бетман хотел выйти из этого опасного положения, он натолкнулся на сопротивление австрийского правительства и собственного генерального штаба, видевшего только один выход из напряженного состояния: скорейшее нападение. В конце концов, Бетман совершенно потерял голову и подливал лишь масло в огонь, который желал потушить. Так легкомысленная сербская авантюра превратилась в ужасную трагедию мировой войны.

Но как дипломатический расчет Бетман-Гольвега в начале июля, так и военный расчет Мольтке в конце того же месяца оказались ложными.

Стремительное нападение могло обеспечить победу только при условии, если Бельгия беспрекословно подчинится и позволит немцам без сопротивления пройти через свою территорию. В этом случае успех Германии был почти обеспечен, ибо обоснование германского вторжения в Бельгию было ни на чем не основано: французы вовсе не держали на своей северной границе никаких сильных военных отрядов.

Если бы Бельгия не сопротивлялась, то германское военное командование могло надеяться несколькими решающими ударами ворваться в Париж и Калэ и, таким образом, принудить Францию к миру. Это заставит согласиться на мир и Англию, ворота к которой—Дауэр, попадали теперь в область дальнобойных германских орудий, преобладавших там над проходом через канал*). Справиться с Россией вовсе уже не было трудно.

Но Бельгия оказала сопротивление. Оно было, конечно, сломлено, однако, дало французам время лучше укрепить свою северную границу. Битвой при Марне германское продвижение было приостановлено и тем самым милитаристические виды на победу, как уже до этого политические, были сведены на нет. Продолжение войны против возрастающего с этого момента, со дня в день, превосходства сил должно было теперь привести к тому обескровлению Германии, которое Вильгельм предвидел еще 30-го июля 1914 г., т. е. за два дня до того, как он об'явил войну России. Ужасное состязание теперь происходило еще лишь из-за того, должны ли были истечь кровью вместе с Германией и ее

*) Па-де-Калэ. Примечание переводчика.

противники или нет. В отношении России эта благородная цель была вполне достигнута. Не совсем в той же степени это удалось в отношении Франции и Италии, еще меньше это удалось в отношении Англии, и совсем это не удалось в отношении Америки и Японии, которые, напротив, колоссально выиграли от войны.

И счастье еще, что война не повела к кровопролитию всего мира, ибо кто остался бы тогда перевязывать раны у истекающих кровью и накормить их?

С того момента, как Бельгия решилась на сопротивление, а Англия вступила в войну,—положение Германии стало отчаянным.

Это тотчас же осознали в германском генеральном штабе, и последний, не задумываясь, сделал из этого свои соответствующие выводы. Об этом свидетельствует, между прочим, меморандум, посланный 5-го августа начальником генерального штаба министерству иностранных дел. В этом меморандуме определялись основные принципы военной политики – новое доказательство того, что вершителем германской политики являлся теперь начальник генерального штаба, а не рейхсканцлер, который должен был лишь выполнить поручения первого. Меморандум гласил:

«Об'явление войны Англией, которое по достоверным сведениям было задумано с самого же начала конфликта, заставляет нас исчерпать все средства, которые могут содействовать победе. При этом серьезном положении, в котором находится отечество, нашим долгом становится пользование всякими средствами, могущими повредить врагу. Жестокая политика, которую ведут против нас наши противники, дает нам право на беспощадный образ действий.

Восстание в Польше подготовлено; оно падет на уготованную почву, так как уже сейчас наши войска встречаются в Польше почти как друзья. Так, например, в Влоцлавке они были встречены хлебом и солью.

Настроение Америки по отношению к Германии дружелюбное. Американское общественное мнение возмущено позорным обращением с нами. Это настроение следует, по возможности, использовать. Самые влиятельные лица немецкой колонии в Америке должны быть призваны воздействовать и впредь на прессу

в нашу пользу. Возможно, что Соединенные Штаты под нашим влиянием решатся на выступление своим флотом против Англии, за которое в виде награды за победу им улыбается Канада.

Восстание в Индии и Египте, а также и на Кавказе имеет, как я уже указал на это в моем письме от 2-го с/м. за № 1 Р, величайшую важность. Путем договора с Турцией министерство иностранных дел в состоянии будет осуществить эту идею и возбудить фанатизм ислама». (Собственноручная подпись) фон-Мольтке.

Мы даже не останавливаемся на том, что г. фон-Мольтке требовал от рейхсканцлера, без всяких доказательств, ссылаясь лишь на «достоверность известий» — поверить простому утверждению, что об'явление войны Англией задумано было с самого же начала конфликта.

Гораздо ужаснее то, что генеральный штаб с самого начала войны не сделал из отчаянного положения, в которое он своей собственной политикой вверг Германию, того вывода, который сделал бы каждый разумный штатский, по крайней мере, до тех пор, пока он сам не заразился еще милитаристской лихорадкой войны. Надо было постараться возможно скорее выручить страну из этого опасного положения политикой примирения и решительным отказом от всяких захватов. Генеральный же штаб, наоборот, пришел к выводу, совершенно не считаясь с последствиями, пустить теперь в ход всякое средство, могущее повредить неприятелю, и действовать самым беспощадным образом. Таким образом, он вступил на путь заранее обдуманных гнусностей, которые в военном отношении ничего не стоили, так как могли быть легко усвоены неприятелем и которые впоследствии действительно часто обрушивались двойной тяжестью на голову армии и германского народа. Но раньше всего эти гнусности совершенно разрушили престиж Германии во всем мире. Если вторжение в Бельгию отняло у нее последних друзей, то гнусности германского военного командования, начавшиеся тотчас же после вторжения в Бельгию, превратили уважение к Германии, вызываемое раньше ее успехами даже у ее врагов, в свирепую ненависть и леденящее презрение даже среди нейтральных держав. Благодаря этому создалась атмосфера, которая, в конце концов, сделала возможным не только вступление в войну Америки, но и то, что победители, не встречая достаточного

сопротивления собственных народов, могли в конечном счете навязывать нам самые разнузданные по своей жестокости условия мира.

Военное командование, детище им самим созданного бедствия, не знающего никаких законов, довело бедствие Германии до ее апогея.

В рассуждениях Мольтке замечательна еще одна черта. Его рассуждения продолжают мысль, смутно возникшую у Вильгельма уже 30-го июля, когда он впервые смущен был предостережением Англии. Он уже тогда принял в расчет необходимость революционизирования магометан в Индии, и если не для спасения Германии, то по крайней мере для уничтожения Англии. Мольтке прибавляет к этому: «восстание Польши». Кроме того он надеется привлечь на свою сторону также Соединенные Штаты, обнадеживая их Канадой!

Эта остроумная политика все более усугублялась во время войны. Так как нельзя было привлечь на свою сторону Соединенные Штаты, то теперь обнадеживали Мексику несколькими штатами Союза. Одновременно искали спасения у повстанцев Ирландии, анархистов Италии, динамитчиков Америки и, наконец, у большевиков России, которых всеми силами поощрял германский генеральный штаб.

Ленин и Троцкий, как видно, были не первыми, видевшими в мировой революции, созданной их эмиссарами, спасительный выход из невозможного положения. *) Вильгельм и Мольтке предупредили их в этом.

Как всякий акт их мировой политики, они предприняли и этот шаг без всякого глубокого знания того мира, который они хотели привести в движение, или над которым они хотели господствовать. Они применяли самые негодные средства, прибегали к помощи самых неподходящих действий, позволяли руководить собой самым несбыточным надеждам.

Образчиком методов, которыми пытались революционизировать магометанский мир, может служить рассказ Бернард Шоу «Peace Conferene Hints» **) (Лондон, 1919 г., стр. 90):

---

*) Оставляем во всей неприкосновенности этот перл социал-демократической „полемики", дабы кто-нибудь не обидел Каутского подозрением, что в нем что-нибудь осталось от былого революционера.

М. Покровский.

**) Мелочи мирной конференции.

«В первый период войны германское правительство сремилось вызвать восстание против французов в Марокко и Алжире и с этой целью распространяло листовку на лучшем арабском языке, в листовке рассказывалось, что я (Шоу) являюсь великим пророком и, будто бы, я однажды сказал одному американскому сенатору, что нарушение бельгийского нейтралитета является лишь одним из эпизодов войны, а не причиной ее. Я совершенно не могу понять пути, каким германское мышление приходило к выводу, что можно хоть какого-нибудь мавританского шейха заставить взяться за оружие, только потому, что какая-то неверующая собака сделала другой неверующей собаке замечание, которое для марокканца вряд ли могло представлять интерес, не говоря уже о том, чтобы и быть вообще ему понятно. Но немцы держались именно такого мнения и тратили на это деньги».

К сожалению, они потеряли при этом не только деньги, но и свое доброе имя, ибо они не ограничивались только тем, чтобы распространять прокламации среди врагов, а, пользуясь защитой экстерриториальности своих представительств, они организовали также в нейтральных странах различные покушения на жизнь и собственность неприятельского гражданского населения.

Успеха, кроме Востока, они не имели нигде. Германская политика, сводившаяся к тому, что Германия должна истечь кровью одновременно со своими врагами, увенчалась успехом лишь в России, и лишь только там достигла своей цели революционизирования населения.

Обе цели находились в тесной зависимости друг от друга: падение царизма после военного краха России было неизбежно и совершилось бы и без поощрения большевизму со стороны германского правительства *).

Ограниченность германской политики проявилась и здесь; она не соображала, что, стремясь поджечь дом соседа, обрекала пламени и свой собственный дом.

Германия отдавала дань суеверию, которое она, впрочем, разделяла вместе со многими приверженцами мировой революции, будто революцию можно произвольно сделать при помощи ловких,

*) Совершенно верно! Нужно только прибавить, что без большевизма не было бы германской революции, а стало быть и книжки Каутского...
М. П.

расторопных эмиссаров, располагающих необходимыми денежными средствами. Но к этому суеверию она присоединила еще и другое суеверное представление, будто можно произвольно командовать вызванными духами и поставить их опять в угол, после того, как они сделали свое дело.

Со стороны германской капиталистически-крупной аграрной и милитаристической монархии, ненавидевшей, как смертный грех, антимилитаризм и пролетарскую революцию, было неимоверной близорукостью поддерживать самых решительных борцов за пролетарскую революцию и сторонников разложения военной дисциплины, какими являлись большевики в стадии их борьбы за политическую власть. Российская революция, особенно ее второй акт—победа большевизма, произвела на германский пролетариат, а также на германскую армию глубочайшее впечатление и сильно подняла их революционную решительность. То, что у германских генштабистов их прежняя любовь к большевикам превратилась впоследствии в свирепую ненависть, отнюдь не ослабило обратного революционного влияния большевизма на Германию, напротив, еще более усилило его.

Так властелины, которые зажгли пожар мировой войны, были поражены, в конце концев, своим собственным оружием. В этом смысле мировая история снова явилась страшным судом, что не часто с ней случается—ибо мир весьма не телеологически устроен.

Вильгельм предвидел крах уже 30-го июля, еще до того, как была об'явлена война. Если верно, что Помпадур должна была произнести: «после нас хоть потоп!», то Вильгельму это восклицание следовало перефразировать «продержаться до потопа!».

21. Мировая война и немецкий народ.

Весь мир со дня появления австрийских документов согласен с тем, что вершители Германии, вызвавшие войну, действовали при этом невероятно легкомысленно, близоруко и растерянно. Спор идет лишь о моральных качествах виновных. Этот вопрос важен для суждения о лицах, о коих идет речь, а не об учреждениях. Какой бы моральный приговор не был вынесен, после ознакомления с германскими документами он не будет, вероятно, очень спорным. Политический же приговор был уже давно возможен. Он сводился к осуждению граждан-

ской власти за ее подчинение военной и к осуждению монархии.

Мы уже указали раньше, при рассмотрении случая с Сэгэни, что идиот, в качестве руководящего политика, опаснее для общества, чем плут.

Никакая конституция, как бы она ни была тонка и хитра, никакая демократия, никакая советская система, но и никакая аристократия, даже из философов платоновского образа, не может помешать плутам встать во главе государства. Однако, при всякой конституции государства, как и партии, общины, церкви и всякой другой организации, руководство которых доверяется только лицам, приобревшим всеобщее доверие участников, жулик может стать во главе лишь благодаря крупным услугам, оказанным им обществу, или благодаря имеющей перевес интеллигенции, которой он импонирует. Если в некоторых случаях не только жулики, но и идиоты и сумасшедшие управляют государством, то это становится возможным лишь в такой наследственной монархии, которая делает личность главы государства зависимой не от услуг, оказываемых им государству, а от случайностей государева брачного ложа.

Однако, режим, которому мы обязаны войной, действовал совершенно необдуманно. Насколько имперское правительство оказалось неспособным и невежественным в своей внешней политике, настолько оно в своей внутренней политике мастерски сумело в решающие дни все более завоевывать себе доверие германского народа почти в той же мере, в какой оно теряло его у остальных народов.

Мы видели, как решительно выступила германская социал-демократия против легкомысленной провокации мировой войны, заключавшейся в австрийском ультиматуме Сербии. Мы видели, какую злобу вызвали у Вильгельма демонстрации «социалистов» в пользу мира, и как он угрожал им репрессиями.

Если бы германская социал-демократия знала, что ее правительство не было захвачено врасплох австрийским ультиматумом, но что оно, наоборот, хорошо было осведомлено—хотя быть может и не текстуально—с его практической тенденцией еще до вручения в Белграде, что германское правительство не было мирным зрителем, старавшимся посредничать между союзником и его противником, а участником в заговоре с Австрией, тогда наша партия—чего определенно можно было ожидать при ее тогдашней позиции—резко выступила бы как против германского,

так и против австрийского правительства. Тогда Вильгельм вынужден был бы либо отказаться от войны, либо начать ее с того, чтобы посадить за решетку всех вождей социал-демократии, т.-е. одновременно об'явить войну и Антанте и германскому пролетариату. В этом случае господствующая система была бы уже заранее обречена, а германский народ, разумеется, был бы спасен. Эту опасность для правителей государства Бетман-Гольвег осознал уже с самого начала, и его старания гораздо больше были направлены на то, чтобы создать для войны благоприятную моральную атмосферу среди германского народа, нежели на то, чтобы помешать войне. На этой задаче сосредоточилось его сугубое внимание и все его остроумие. И она, действительно, ему удалось. Для достижения ее германский народ не должен был знать ничего о том, что в действительности разыгралось после сараевского покушения между Австрией и Германией. Хотя правительство и не могло воспрепятствовать возникновению сильного возмущения против австрийского выступления, однако, вокруг себя оно сумело сохранить ореол миролюбия. Задача германского миролюбия была осложнена лишь тем, что это миролюбие должно было уживаться рядом с другой, очень ценной чертой «германской души» — преданностью другу, надежной даже тогда, когда он спотыкался.

Заграница, конечно, сразу же настроилась недоверчиво по отношению к Германии. Примеры этого мы видели уже у французских и бельгийских дипломатов. Бельгийский барон Байян 26-го июля писал из Берлина в Брюссель:

«Существование тайно намеченного плана между Берлином и Веной подтверждается, как в моем собственном мнении, так и в мнении моих коллег, тем упорством, с каким на Вильгельмштрассе стараются отрицать всякое знакомство с содержанием австрийской ноты до четверга 23-го июля».

Между тем, однако, даже самые недоверчиво настроенные элементы не догадывались, как далеко шел этот «тайно намеченный план». Еще менее критически были настроены внутри самого германского народа. Конечно, и в его рядах возникали подозрения, но в общем, даже те, которые считали правительство Вильгельма способным на всякую пакость, не подозревали, что оно могло быть так бесконечно глупо, чтобы, ради сербских болезней Австрии, поставить на карту всеобщий мир и будущее Германии.

И в то время, как за границей возрастало недоверие к Германии, вызываемое ее странным поведением, среди германского народа распространялось быстро растущее возмущение против России. Германское правительство сумело ловко использовать свой информационный аппарат, который стал единственным источником осведомления о внешней политике для всего германского народа в дни начавшегося обособления Германии от заграницы. Тот, кто получал только эти информации, должен был твердо верить, что Германия принимает все усилия к сохранению мира и ей удастся склонить к этому и Австрию, но что Россия твердо намеревается воспользоваться этим предлогом к войне. Следовательно, Россия представлялась в глазах германского народа нарушительницей мира, нападающей стороной, а Франция и Англия ее преступными соучастниками.

Как глубоко укоренился этот взгляд, видно из такого факта, что 7-го июня 1915 г. баварский король осмелился произнести цитированные уже слова:

«Вслед за об'явлением войны Россией последовало об'явление войны со стороны Франции».

Еще в наши дни в «Белой книге», июля с/г. четыре «независимых немца» после ознакомления с документами о войне засвидетельствовали, что война была для Германии «неизбежной оборонительной войной» против России (стр. 44).

Теперь-то, казалось, и наступил неоднократно предвиденный германской социал-демократией момент, когда даже у самых интернационалистски-настроенных членов ее не должно было быть никаких сомнений в том, что следует выступить против России, а если бы она была поддержана Францией, то и против последней.

Около 1900 г. Бебель заявил, что если бы дело дошло до войны с Россией, «врагом всякой культуры и всех угнетенных, не только в собственной стране, но и опаснейшим врагом Европы и особенно нас, немцев, он (Бебель) тогда взял бы винтовку на плечи». Он цитировал и подтверждал эти слова в 1907 г. на партейтаге в Эссене (протокол, стр. 255).

Еще гораздо раньше в 1891 г. по этому поводу высказался Фридрих Энгельс, когда «опьянение шампанским в Кронштадте разгорячило головы французской буржуазии», когда подготовлялся франко-русский союз и, как казалась Энгельсу, Франция «была готова на большие глупости в угоду России».

Энгельс считал тогда необходимым ради того, чтобы в случае войны «не возникло в последний момент никаких недоразумений между германскими и французскими социалистами, раз'яснить первым, каково, по моему убеждению, должно быть поведение последних по отношению к такой войне».

Этому вопросу была посвящена статья, которую он опубликовал в французском Almanach du parti ouvrier pour 1892 *).

В ней он исходил из того, что ни Германия, ни Франция не спровоцируют войны, т. к. война опустошила бы обе эти страны, не принеся им никакой пользы.

«Россия, напротив, благодаря своему географическому и экономическому положению обеспечена от разрушительных последствий поражения: Россия, и притом только официальная Россия может в такой ужасной войне найти для себя выгоду действовать в этом направлении.

... Но, во всяком случае, при настоящем политическом положении можно держать пари, почти наверняка, что при первом пушечном выстреле над Вислой французские войска двинутся к Рейну.

И тогда Германия будет просто бороться за свое существование...

Что случилось бы при таких обстоятельствах (если бы Германия была побеждена) с германской социал-демократической партией? Несомненно, одно: ни царь, ни французские буржуа-республиканцы, ни даже германское правительство не прозевали бы такого прекрасного случая, чтобы подавить единственную партию, являющуюся «врагом» их всех троих, вместе взятых..

Однако, если победа России над Германией означает удушение германского социализма, то в чем будет тогда заключаться, в виду такой перспективы, долг немецких социалистов? Должны ли они пассивно покориться событиям, которые угрожают им гибелью?..

Ни в коем случае. Они обязаны в интересах европейской революции отстоять все завоеванные позиции, не капитулировать перед внешним врагом так же, как и перед внутренним. Это они могут осуществить, только борясь до конца с Россией и со всеми ее союзниками, кем бы они ни

*) Альманах Рабочей Партии на 1892 г.

были. Если бы французская республика предоставила бы себя в распоряжение его величества, царя и самодержца всероссийского, то германские социалисты с сожалением боролись бы с ней, однако, все же боролись бы» (Из статьи под заглавием «Социализм в Германии» Neue-Zeit X, 2, стр. 585—6).

Мысли, развиваемые в этой статье еще в 1914 г., продолжали жить среди германской социал-демократии. Они исходили из предпосылки, что толчок может последовать к войне только со стороны России, а не со стороны Германии. Даже 10 лет спустя после Энгельсовской статьи, я назвал среди европейских нарушителей мира не Германию, а Россию. Впоследствии, разумеется, я не повторил этого замечания. С того времени произошли, с одной стороны, поражение России в войне против Японии и революция, с другой стороны, усиление морских вооружений Германии и ее активная политика в магометанском мире.

Россия с революцией во чреве стала теперь для демократии Европы менее опасной, чем могущественная еще непоколебленная германская милитаристическая монархия.

Но уж никак нельзя было усматривать передовых борцов против царистского абсолютизма в германском и австрийском правительствах, которые в 1914 г. управляли без парламента, на что не осмеливался тогда даже царь.

Революционная Россия представилась бы им гораздо более опасной, чем царистская, так же как и свободная Сербия явилась бы для них злейшим врагом.

Характерны в этом отношении вильгельмовские ремарки на полях к докладу, сделанному Пурталесом из Петербурга 25-го июля, о разговоре с Сазоновым. Пурталес пишет:

«Мое указание на монархический принцип (нарушенный сербами. К.) произвело на министра слабое впечатление. Россия, мол, знает, чем она обязана монархическому принципу».

К этому Вильгельм добавляет:

«После своего братания с французской социал-республикой она больше ничем не обязана!».

Кроме этой строгой цензуры, которой германский император подвергает русского царя из-за его чрезмерных республиканских и даже «социал-республиканских» симпатий, в ремарках к докладу Пурталеса интересно еще одно замечание, свидетельствующее о том, с какой беспечностью Вильгельм смотрел еще 25-го на войну с Россией. Пурталес сообщает:

«Сазонов воскликнул: «Если Австро-Венгрия проглотит Сербию, то мы будем вести с ней войну!»

На что Вильгельм реагирует восклицанием:

«Ну, хорошо—валяйте!»

В виду революции в России и новой мировой политики Германии, создалась совершенно новая ситуация по сравнению с 1891 г. Но старый взгляд, усвоенный германской социал-демократией, что война против России является «священной войной», был еще очень силен. Укрепленный к тому же ложными германскими информациями, этот взгляд и привел к тому, что не мало хороших социалистов и интернационалистов 4-го августа голосовали за военные кредиты, отнюдь не отказываясь от своих принципов. Напротив, они были убеждены, что, поступая таким образом, они лучше всего проводят их на деле.

Было бы, конечно, преувеличением думать, что все германские социал-демократы руководились такими соображениями. Не мало среди них и до войны были настроены сильно националистически—националистически, а не национально. Под последним можно подразумевать отстаивание самоопределения собственного народа, которое уважает самоопределение всякого другого народа, и подчиняет национальный как и частный интерес общему интересу интернационального пролетариата и человечества. Националистом же, напротив, является тот, для которого собственная нация стоит выше всех других наций, сердцу которого интересы классовых противников собственной нации дороже интересов собственного класса других наций.

Подобные элементы уже до войны находились среди германской социал-демократии, как почти во всех социалистических партиях. Война и начинающееся военное настроение способствовали гигантскому росту национализма в рядах социалистов. Но это опять-таки не только в одной Германии.

Национализм тем более усиливался, чем более социалистическая партия становилась массовой партией. Чем быстрее происходил ее рост до войны, тем меньше, таким образом, она имела возможности воспитать сочувствующих ей членов. Нигде социал-демократическая партия не разрослась так внезапно, как в Германии, где число социал-демократических избирателей увеличилось с 1907 по 1912 г. на 1 миллион. Как сильно повсюду национальное чувство, это показали самым отчетливым образом война и ее последствия. Однако, для многочисленной

неискушенной массы национальное чувство легко превращается в националистическое, особенно при наличии сильной угрозы стране, в тех случаях, когда это чувство не парализуется такими непосредственно затрогивающими и сильно действующими средствами, как, например, беспощадной политикой преследования социалистов их правительствами.

Вильгельм склонен был к политике преследования социалистов. Мы, по всей вероятности, обязаны прежде всего Бетману тем, что эта склонность не претворилась в дело. Это был, пожалуй, его единственный мудрый шаг в то время.

К приведенным причинам роста националистических настроений присоединилось еще то, что в Германии толпа легкомысленных, рекрутировавшихся из всех кругов, и не в малой степени из среды поэтов и мыслителей — воспевала войну, в надежде, что она будет кратковременной, а победа—уже в кармане. Между тем, в самом же начале войны из Петербурга сообщали о «похмелье» и о том, что французы шли на войну с угрюмой молчаливостью и стиснутыми зубами.

В одну ночь настроение германского народа воспламенилось военным энтузиазмом, во имя отражения врага, который, как полагали, гнусно напал и угрожал уничтожением страны.

Всем этим влияниям поддалось большинство германской социал-демократии, и в особенности большая часть всего остального народа. Если 28 июля Вильгельм угрожал еще «социалистам» тюрьмами, то 1-го августа он мог уже об'явить, что он не знает больше никаких партий. Это должно было значить, что последние всецело капитулировали перед ним.

Таким образом, бетмановской тактике удалось великое дело: сделать германский народ соучастником военной политики правительства в том смысле, что народ согласился и поддерживал ее вплоть до военного краха.

Но та политика, за которую народ с энтузиазмом отдал свою жизнь и достояние, на самом деле не была действительной политикой Вильгельма и его правительства; это была политика, которой только морочили германский народ, стараясь всеми способами лжи заставить его поверить в нее вплоть до позорного конца всего вильгельмовского режима.

Последнее как раз и обнаруживают с величайшей ясностью документы министерства иностранных дел. Они показывают, что среди народов, ставших жертвой вильгельмовской внешней поли-

тики, немецкий народ стоит на первом месте. Чем сильнее эти документы обвиняют вильгельмовский режим, тем более они оправдывают германский народ: ведь, документы определенным образом свидетельствуют о том, что народ не имел ни малейшего понятия о настоящем ходе вещей, приведших к войне. Немецкий народ знал об этом гораздо меньше, чем другие народы, потому что в германской империи во время войны осведомление масс и всякая возможность критики событий отняты были теми политиками, которые заставляли лишь по намекам судить об истинном положении дел.

Но не распространяли ли и другие правительства вводивших в заблуждение сведений о возникновении войны?

Это возможно. Согласно изречению Бисмарка: никогда не врут так много, как перед войной, во время выборов и после охоты. И, именно, царистский режим никогда не считали фанатиком истины. Но в 1914 г. у правительств Антанты не было никакого основания таким образом обманывать народы, как это делали правительства обоих центральных держав: ни Франция, ни Англия, ни Россия не хотели тогда войны, которой они боялись и не без оснований, в виду их внутренних затруднений и недостаточного вооружения.

Кроме того, период военных приготовлений, когда только и стали необходимыми ложь и затушевывание, для врагов Германии начался только 24-го июля, после того, как они узнали об австрийском ультиматуме, впервые породившем опасность войны. Для центральных держав уже 5-го июля началось время затушевываний, замалчиваний и введений в заблуждение. За время с 5-го по 23-е июля они без всяких препятствий со стороны заграницы, и без всякой основательной причины создали тот фундамент лжи, на котором было построено все ведение войны.

Германскому народу нельзя оказать большей услуги, как разоблачая ложь, вводившую его в заблуждение. Благодаря этому он, во всяком случае, морально оправдывается во всех отношениях перед всем миром.

Но моральное оправдание без политического недостаточно.

Введенный в заблуждение дипломатами Гогенцоллернов и Габсбургов, германский народ был сделан послушным орудием их

планов и тем самым поставлен в ложное положение. Громадное большинство германского народа солидаризировалось почти вплоть до конца войны и, во многих случаях, даже вплоть до наших дней с теми, которые его обманули и привели вместе со всей Европой к разорению. Он стал слепым по отношению к их проступкам и преступлениям, покрывая их и страстно отстаивая их невиновность.

Таким образом, несмотря на его моральную невиновность, все же над германским народом тяготела политическая вина его династий и их прислужников. Он стал предметом свирепой ненависти и отвращением всего мира, с ним обращались как с прокаженными. После военного краха немецкому народу были навязаны ужасные мирные условия.

Тот, кто любит германский народ, не только немецкий националист, но и социалист, и интернационалист, и демократ,— которому каждая нация одинаково дорога—должен постараться избавить народ от этого ужасного проклятия, освободить его от тяжелого наследия старого режима.

Этот процесс реабилитации международного престижа германского народа постоянно затрудняется не только теми, которые еще и сейчас остались верны низвергнутому режиму или являются даже его действительными соучастниками. Он затрудняется также теми политиками, которые хотя и сознали теперь гибельность старого режима, однако, все еще не решаются видеть вещи в их настоящем свете.

Они думают оказать услугу германскому народу тем, что его собственную невиновность доказывают оправданием его прежних правителей. Но таким образом они сохраняют лишь видимость его вины, так как виновность его бывших правителей становится со дня на день все яснее.

Вероятно, опубликованные теперь австрийские и германские документы послужат также тому, чтобы предотвратить возможность продолжения этой превратной политики. Внутри же страны эти документы должны сделать невозможным возврат милитаристических монархий Гогенцоллернов и Габсбургов.

Отдельные смелые и дальновидные германские социалисты и пацифисты уже во время войны осознали и открыто говорили о том, что германский народ гнуснейшим образом обманут своим правительством, и что лишь таким образом он мог быть вовлечен в войну. Теперь это, наконец, без всяких «но» и «если»,

без всяких указаний на виновных лиц в других странах должно быть признано всеми честными элементами Германии, не присягнувшими божественному началу Гогенцоллернов.

Это будет лучшим средством для Германии приобрести вновь доверие народов и устранить у победителей влияние милитаристической политики насилия, которая в настоящее время стала самой сильной угрозой покою и свободе всего мира.

Дополнительное замечание.

Настоящая работа находилась уже в печати, когда мне попались результаты исследования, которое предприняло в октябре месяце министерство иностранных дел по инициативе гг. Монжля и Шюкинг по делу записок Бусше о событиях 5-го и 6-го июля в Потсдаме.

Я не мог на них остановиться в тексте, но все же считаю необходимым здесь отметить, что результаты этих исследований не изменяют ничего в моем взгляде на события в Потсдаме.

Они обнаруживают, что кайзер 6-го июля утром вызвал к себе в Потсдам адмирала фон-Капелле, как представителя отсутствовавшего в Берлине Тирпица и поставил его в известность о напряженном положении, чтобы последний мог подумать о «перспективах».

Кроме того, кайзер Вильгельм одновременно вызвал в Потсдам представителя генерального штаба. В качестве такового явился генерал фон-Бертраб, который в своем письме министерству иностранных дел еще и по сей день говорит о кайзере: как о «Е. В.». Согласно доклада графа Вальдерзее, кайзер сообщил генералу «для передачи начальнику генерального штаба (генерал фон-Мольтке находился тогда в Карлсбаде) — что он, кайзер, обещал императору Францу-Иосифу поддерживать его всем могуществом Германии, если бы в результате задуманного Австро-Венгрией выступления против Сербии возникли осложнения».

Граф Вальдерзее добавляет:

«У меня, замещающего генерала фон-Мольтке по всем имеющим отношение к войне делам, не было, разумеется, никаких оснований, что-нибудь предпринимать из-за аудиенции генерала фон-Бертраба в Потсдаме. Планомерные мобилизационные работы были закончены 31-го марта 1914 г. Армия, как всегда, была наготове».

Это несомненно очень интересное сообщение с чисто военной точки зрения. Политическое значение свиданий уменьшается этим так же мало, как и тем, что отказываются назвать их «совещаниями с военными чинами» и называют их просто «аудиенциями». Не совсем понятно также, почему так противятся признать эти совещения. Ведь, было бы прямо-таки пределом легкомыслия, если бы Вильгельм их не устраивал, раз он обещал Францу-Иосифу «поддерживать его всем могуществом Германии», каких бы последствий не повлекла за собой сербская авантюра.

Если он обещал такую поддержку и тотчас же после этого пустился в свою северную поездку, то было бы, по меньшей мере, необходимо осведомить командующих армией и флотом; Вильгельм, будучи верховным главой армии, прямо был обязан тогда это сделать. Военные совещания были лишь результатами того рокового обещания, которое теперь вновь подтверждается свидетельством графа Вальдерзее.

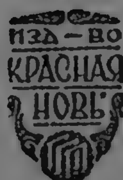
Кроме того сообщение гг. Капелле, Бертраба и Вальдерзее подтверждает конспиративный характер, который присущ был этим военным совещаниям. Как Капелле, так и Бертраб были приняты кайзером в саду «лично, без свидетелей». Каждый из них говорил с ним отдельно, с глазу на глаз. Во всяком случае, это не был обыкновенный военный совет. Он скорее всего напоминал заговор.

Следственному комитету, наверно, удастся внести полную ясность в это темное дело.

Однако, для политического суждения о тогдашних событиях в настоящее время уже достаточно материалов.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Цена 1 рубль.

7

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“.

ТОРГОВЫЙ СЕКТОР—Москва, Воздвиженка, 9.
ОТДЕЛЕНИЕ ИЗД-ВА—Ленинград, Проспект 25 Октября (б. Невский), 66.